А-90

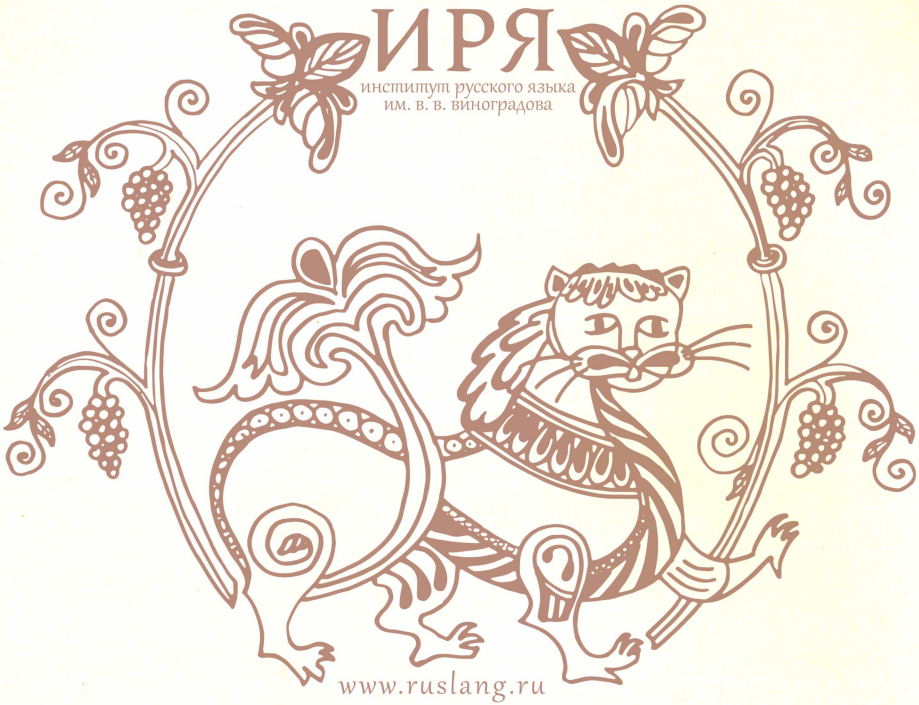
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ И ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ



ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова



www.ruslang.ru

77114

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
КОМИССИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ И ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

МАТЕРИАЛЫ ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ МКС

Москва, 9-11 декабря 1981 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
МОСКВА 1983

Сборник объединяет статьи, написанные на основе докладов, прочитанных на Московском заседании Комиссии по изучению грамматического строя славянских языков Международного комитета славистов 9 – II декабря 1981 г. Статьи группируются в два цикла: I) глагольный вид и связанные с ним категории в их реализациях; 2) виды темпоральных значений предложения и способы их выражения. В статьях поставлены актуальные проблемы теории славянского глагольного вида и теории временных значений славянского предложения. Сборник адресован лингвистам-славяноведам.

Подготовка к публикации статей на белорусском, болгарском, македонском, немецком, серболужицком, сербскохорватском, словацком и чешском языках осуществлена авторами.

Редакционная коллегия:
доктор филологических наук
Н.Ю.Шведова (ответственный редактор),
кандидаты филологических наук
М.В.Ляпон, М.С.Суханова

4
А-90
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН СССР
20
77114

© Институт русского языка АН СССР, 1983 г.

Р а з д е л I

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ РУССКОЙ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ

Л.Дэжё, ВНР

Аспектуальность и качественная аспектуальность. Аспектуальность определяется А.В.Бондарко следующим образом: "Функционально-семантическое поле, конституированное взаимодействующими языковыми средствами (морфологическими, синтаксическими, словообразовательными, лексико-грамматическими, лексическими и их разнообразными сочетаниями в контексте), объединенными общностью семантических функций, принадлежащих к области аспектуальных отношений, т.е. отношений, содержание которых заключается в характере протекания действия во времени" (Бондарко 1981, в печати).

Из весьма сжатого и четкого определения А.В.Бондарко следует обратить особое внимание на содержание аспектуальности: "характер протекания действия во времени", и на то, что аспектуальность имеет функционально-семантический характер и может выражаться весьма разными языковыми средствами.

Из основных компонентов поля аспектуальности отметим те, которые особенно релевантны для сопоставления русского и венгерского языков (ср. Бондарко 1981, Дэжё 1983).

1) система грамматически оформленных видов - в русском;

2) видовые образования и их оппозиции, характеризующиеся неполной грамматикализацией (ограниченным охватом глагольной лексики и грамматических форм глагола, недостаточной регулярностью) - в венгерском;

3) сочетания с "фазовыми" глаголами (со значением начала, продолжения и конца действия) - в обоих языках;

4) способы действия (Aktionsarten) - в обоих языках;

5) оппозиция предельных/непредельных глаголов - в обоих языках.

Как видно на первый взгляд, из перечисления компонентов, наши языки в основном отличаются тем, что в русском есть вид, а в венгерском - лишь видовые образования. Более детальное сопоставление обнаруживает существенные различия в употреблении фазовых глаголов, в распределении способов действия, и в роли оппозиции предельных и непредельных глаголов.

По нашему мнению, основной задачей любого подхода к типологии является разъяснение теоретических вопросов: определить основные признаки аспектуальности, их соотношения, возможные комбинации с учетом средств их выражения, причем особое внимание следует уделить видам как центральным категориям. При подходе к общей проблематике вида целесообразно применить метод анализа "поля", который уже оправдал себя в исследовании общей типологии аспектуаль-

ности (ср. Маслов 1978, Бондарко 1981). Отдельные вопросы поддаются уже и операционному подходу, которым пользуется Ленинградская группа (о подходе группы и о его применении к аспектуальности см. Храковский 1980).

Сложная проблематика типологии аспектуальности может изучаться с учетом соотношения вида и времени, что особенно важно при сопоставлении языков, имеющих категорию вида, с языками с развитой системой времен (ср. Comrie 1976). Для нашей цели, для сопоставления русского языка с венгерским, особое значение имеет, во-первых, сопоставление вида и видовых образований, во-вторых, сравнение способов действия, в особенности тех, которые выражают количественность.

Сопоставительный анализ русского и венгерского языков облегчается тем, что в обоих языках выражается тот же тип качественной аспектуальности, имеющей признак "тотальность", но в русском он проявляется в форме вида, а в венгерском - как видовое образование.

Анализ типологических проблем аспектуальности следует начать с ее основных признаков, их соотношения, а затем перейти к выражению их средствами конкретных языков.

Иерархия признаков глагола с точки зрения аспектуальности строится таким образом (ср. Маслов 1978, 10):

глагольное действие

динамическое — статическое (состояние или отношение)

предельное — непредельное

достигающее предела — не достигающее предела

По нашим исследованиям инвариантной структуры, признаки "динамическое" и "статическое" универсальны и имеют центральную роль в грамматической типологии. Статические глаголы относятся к несовершенному виду (напр. стоить). Универсальной является и оппозиция предельного и непредельного динамического действия, ибо глаголы всех языков можно классифицировать на ее основе. Исследование М.А.Шелякина показало, что предельный и непредельный характер глагола непосредственно влияет на образование способов действия и опосредственно - на видовые формы в русском языке (ср. Шелякин 1972). Наше предварительное сопоставление русских и венгерских глаголов подтверждает роль этой оппозиции в выражении аспектуальности и в образовании способов действия в венгерском языке.

У всех предельных глаголов "существенна перспектива завершения - перехода в новое состояние, естественная направленность действия на его "внутренний", т.е. самой "природой" данного действия предусмотренный предел, с достижением которого действие "исчерпывает" себя и далее не может продолжаться. Неопределенное действие - преднамеренное, вроде ходить по комнате, носить бороду, или направленное, вроде хромать, весить столько-то килограммов,-

не предусматривает какого-либо естественного, из самой "природы" действия вытекающего предела и, соответственно, не несет в себе предпосылок своего прекращения. Противопоставление предельности и непредельности обычно реализируется в языке как противопоставление значений разных глаголов, а в ряде случаев - как противопоставление разных значений одного и того же глагола. Соответственно говорят о предельных и непредельных глаголах (П- и НП-глаголах), и о глаголах двойственных, с меняющимся значением предельности/непредельности" (Маслов 1978, 13). Часто непредельный глагол в абсолютном употреблении становится предельным с дополнением: курить и курить/выкурить сигарету.

В славянских языках глаголы с непредельными значениями выступают в одном только несовершенном виде (напр. ходить, храпеть). С существенным изменением способа действия может образоваться глагол совершенного вида: походить. Такие случаи следует отличать от тех, когда "у предельного или двойственного глагола в контексте проявляется предельное значение (строить дом), возникает и возможность функционирования в совершенном виде (построить дом). Глаголы предельной семантики выступают обычно, не меняя своего лексического значения, в обоих видах, причем исходным может являться либо СВ (прийти/приходить, надеть/надевать, выкурить/выкуривать, замерзнуть/замерзать, прорасти/прорастать и т.п.), либо НСВ (идти/пойти куда-то, писать/написать письмо, строить/построить дом и т.п.)" (Маслов 1978, 16). В славянских языках предельность конкретизируется в разных способах действия.

С точки зрения оппозиции достижения или достигнутости предела действия маркированной является форма совершенного вида предельных глаголов (примеры см. выше) (ср. Маслов 1978, 16).

Суммируя существенные соотношения семантических признаков и видовых форм русского языка, можно установить следующее:

- статические глаголы - несовершенного вида
  динамические глаголы
- непредельные - несовершенного вида (за исключением типа походить)
- предельные глаголы - обоих видов
- предельные глаголы с достижением предела - совершенного вида.

В венгерском языке преверб перфективной аспектуальности (meg) не присоединяется к статическим и непредельным глаголом, но часто сочетается с предельными глаголами без преверба - по нашим наблюдениям. Таким образом возникают видовые образования типа: ír 'писать'- megír 'написать', т.е. происходит перфективация. От глаголов с лексическим превербом нельзя образовать глагольные пары типа русск. переписать-переписывать. По нашему мнению, глаголы с таким превербом имеют, кроме признака "предельность", и "достижение предела" и

тем по своей семантике соответствуют русским глаголам совершенного вида, образованным от предельных глаголов несовершенного вида. Но видовые образования венгерского языка характеризуются ограниченным охватом глагольной лексики и недостаточной регулярностью и не удовлетворяют требованиям вида: "О виде можно говорить только там, где какие-то аспектуальные значения в пределах большей части (иногда и всей) глагольной лексики получают регулярное выражение посредством парадигматически противопоставленных друг другу грамматических форм одного глагола" (Маслов 1978, 24). Вследствие того, что в венгерском не возникла видовая система, у венгров не имеется "установки на вид" и возникают значительные трудности в усвоении видовой системы русского языка. Несмотря на то, что в венгерском имеются видовые образования и в употреблении соответствующих им форм венгры не испытывают трудностей, "количество не переходит в качество", они недостаточны с точки зрения психологии обучения для значительного облегчения усвоения русского вида.

Количественная аспектуальность в поле аспектуальности. При анализе русского вида и соответствующих ему видовых образований речь шла лишь о качественной аспектуальности, от которой следует отличать аспектуальность количественную: "С точки зрения содержания следует различать качественную аспектуальность (действие или состояние, предельное или непредельное действие, достигающее или не достигающее предела и др.), и количественную аспектуальность (однократное или повторяющееся событие, разные степени длительности или интенсивности)" (Маслов 1978, 175). Внутри двух типов аспектуальности можно различать разные оформления, как мы выше видели. Количественная аспектуальность проявляется в разных способах действия в русском и венгерском языках, но она может сочетаться с временными формами или оформляться по-иному, как в литовском.

Рассмотрим определение и характеристику количественной аспектуальности поближе: "Количественная аспектуальность характеризует действия и состояния 1) по количеству "крат" или непрерывности/прерывности осуществления, 2) по степени длительности и 3) по степени интенсивности. По количеству "крат" выделяются однократные (разовые, "монотемпоральные"), многократные (повторяющиеся, "политемпоральные") действия и состояния - с дальнейшими подразделениями в зависимости от ограниченности/неограниченности и регулярности/нерегулярности повторений; наконец - постоянно наличные, всегда существующие состояния и отношения (типа Земля вращается вокруг солнца). По степени длительности действие или состояние может быть неограниченно длительным, ограниченно длительным или кратковременным вплоть до мгновенности действия (моментальный "скачок" из одного состояния в другое). Интенсивность может быть "нормальной" (не указываемой), ослабленной или усиленной, иногда

с дальнейшими подразделениями. Степени интенсивности, степени длительности и степени краткости комбинируются друг с другом в разных сочетаниях" (Маслов 1978, 18-19). Мы считали необходимым процитировать характеристику количественной аспектуальности целиком, ибо она охватывает весь ее диапазон и при сопоставлении русской аспектуальности, в особенности способов действия, с венгерской - она релевантна. Сопоставление способов действия двух языков изучено в нашей книге, здесь будут рассмотрены лишь основные вопросы, учитываемые в типологии (ср. Дэжё 198).

Вернемся к главным признакам аспектуальности, а именно к оппозиции предельности и непредельности. Она играет основную роль в семантической классификации глаголов любого языка, в этом заключается ее универсальный характер. Релевантной для грамматики она становится тогда, когда предельный или непредельный характер глаголов служит исходным пунктом образования качественных и количественных способов действия, вида и видовых образований.

Связь предельных и непредельных глаголов со способами действия и видом в русском языке была убедительно доказана М.А.Шелякиным (ср. Шелякин 1972). Мы сопоставим его материал с венгерскими глаголами для предварительного выяснения основных корреляций. Здесь нас интересует связь предельных и непредельных глаголов с качественным видовым образованием, оформленным с превербом meg , и с итеративным способом действия, образованным при помощи весьма продуктивного суффикса -gat/-get (сокращ. GAT). В венгерской аспектуальности они являются действительно продуктивными и весьма распространенными средствами аспектуальности.

Как было сказано, от глаголов с предельной семантикой без превербов свободно образуются глаголы с meg , представляющие собой перфективные видовые образования. Последние от непредельных глаголов не образуются. Это и соответствовало нашим ожиданиям, основанным на теории и типологии аспектуальности. Зато было неожиданным, что итеративный способ действия с GAT типа emel - emelget (поднимать - поднимать/итерат.) свободно образуется от предельных глаголов, но GAT с итеративным значением не присоединяется к непредельным глаголам, например alszik 'спать', fekszik 'лежать' и др. Это было неожиданным лишь потому, что теория и типология количественной аспектуальности не разработана. Если присмотреться к предельным глаголам, становится понятным, что предельное действие можно повторить, например, emel 'поднимать' обозначает действие, после завершения которого его можно повторить по разным причинам (напр. положили обратно, уронили данный предмет и др.). Если это выяснено, то нас уже не будет поражать, что к очень многим итеративным глаголам с GAT может присоединяться преверб ибо повторение не исключает завершения действия:

emel -- emelget -- megemelget

'поднимать' — 'поднимать (итерат.)' — 'поднимать' (перф., итер.)

Будучи суффиксом, GAT свободно присоединяется и к глаголам с превербами, имеющими лексикальное значение и перфективную аспектуальность: emel -- kiemel -- kiemelget

'поднимать' — 'поднимать из или с чего-л.' — то же (итерат.).

Имеется, однако, ряд ограничений при применении GAT, они связаны с возвратным, взаимным и общевозвратным характером глагола (ср. Майтинская 1959 II: 109-110).

При определенных глаголах, значение которых не является четко предельным, итеративность и дуративность совмещаются в формах с GAT:

néz [nézeget / megnéz] megnézeget

'смотреть' ['смотреть (итерат.)' / 'посмотреть'] 'смотреть (перф., итерат.)'

Непредельные глаголы, которые часто заключают повторение в своем значении, не могут повторяться, зато могут быть длительными, дуративными: sír -- sírdogál 'плакать' — 'плакать (длит.)'

Такое распределение сочетания предельных глаголов с итеративными суффиксами и непредельных - с дуративными, дает возможность для употребления тех же суффиксов в итеративном и дуративном значении, что обусловливает совместную трактовку двух способов действия в венгерских грамматиках. К длительному способу действия может присоединяться определенная, в венгерском обычно смягчительная степень интенсивности, что действует в направлении нейтрализации основного признака.

Вышеприведенный глагол с дуративным суффиксом sírdogal (от sír) имеет смягчительный оттенок, ср. а) Anna egész este sírt б) Anna egész este sírdogált: а) 'Анна плакала целый вечер', б) 'Анна плакала (длит. и смягчит.) целый вечер'. К примеру (а) можно добавить обстоятельство, выражающее высокую степень, напр., в) Anna egész este keservesen sírt 'Анна отчаянно плакала целый вечер'. Этого нельзя сделать в примере (б) из-за того, что глагол выражает не только длительность, но и смягчение степени действия.

Вернемся к предельным глаголам с итеративными суффиксами и рассмотрим возможности нейтрализации итеративного значения при них. Само значение повторяющегося действия имплицирует, что оно длиннее однократного действия, ибо происходит не один "крат". Это, однако, не обозначает длительность, которая может выражаться лишь обстоятельством: Péter egész este emelgette a ládákat 'Петр поднимал (итерат.) ящики целый вечер'. При определенных глаголах с лексическим превербом возможность нейтрализации итеративности в сторону слабой степени длительности более вероятна. К числу таких относится глагол átnéz, образованный от néz, который не является четко предельным глаголом: néz — átnéz -- átnézeget

'смотреть' -- 'просмотреть' -- 'просматривать (итерат.)':
Iván átnézegeti az újságokat 'Иван просматривает газеты'.
Обратный процесс - развитие в сторону итеративности со стороны длительности менее плаузибилен в венгерском, если дуративный глагол образован от непредельного глагола, хотя смягчение дуративности может привести к прерывности: Anna egész este sírdogált 'Анна плакала (дурат.) весь вечер'. Венгерский глагол допускает прерывность действия, что, однако, не обозначает итеративности.

Примеры были важны для иллюстрации, но входить в детали здесь нет возможности. Важнее отметить взаимоотношения, которые существуют между разными формами количественной аспектуальности, с одной стороны, и количественной и качественной аспектуальности, с другой.

I. Итеративность может имплицировать более или менее значительную степень длительности, но не допускает полной нейтрализации количественной аспектуальности. Если учесть, что условием имперфективации, относящейся к сфере качественной аспектуальности, является нейтрализация количественной аспектуальности (пересмотреть и пересматривать), то из этого следует второй вывод, касающийся уже соотношения двух типов аспектуальности.

2. Венгерская итеративная аспектуальность не может служить основой для имперфективации, ибо в ней всегда сохраняется количественная аспектуальность, даже наоборот, она блокирует такой процесс.

Последнее заключение важно потому, что, во-первых, венгерские качественные видовые образования и русский вид отличаются именно отсутствием имперфективации в венгерском, и, во-вторых, в истории русского языка имперфективация произошла в результате нейтрализации количественной аспектуальности суффиксов -ива/ва/а-. Имея в виду лишь те факты, которые представлены выше, нельзя выяснить, как могла происходить имперфективация. На основе венгерских примеров вероятно, что эти суффиксы, имеющие когда-то итеративно-дуративное значение, ко времени имперфективации обозначали лишь длительное действие, которое нейтрализировалось. Русские итеративные глаголы типа хаживать вторичны и не могли влиять на процесс имперфективации, который произошел значительно раньше (ср. Кузнецов 1953, 261-264). Венгерские данные указывают и на то, что при определенных группах глаголов итеративность совмещается с дуративностью и под их влиянием могло происходить превращение итеративно-дуративного суффикса в дуративный, служащий основой для имперфективации глаголов с лексическими префиксами в русском языке.

Кратко подытожим наши наблюдения над качественной и количественной аспектуальностью.

В русском языке качественная аспектуальность выражается в форме вида, который соотносим с основными признаками аспектуальности:

I) непредельные глаголы относятся к несовершенному виду, и от

них образуются глаголы совершенного вида лишь со специфическим образом действия;

2) предельные глаголы образуют видовые пары на основе глагола совершенного или несовершенного вида;

3) достижение предела маркируется глаголами совершенного вида.

В венгерском языке качественная аспектуальность выражается лишь в форме видового образования:

от предельных глаголов с помощью преверба образуются формы совершенной аспектуальности, выражающие и достижение предела.

Из сказанного ясно, что в русском доминантным является комплексный признак "достижения внутреннего предела" (ср. Бондарко 1981), который не имеет такого статуса в венгерском.

Для понимания венгерской аспектуальности необходимо учесть количественную аспектуальность, ибо это она является характерной для нашего языка:

1) от непредельных глаголов образуются длительные глаголы, которые, однако, могут обозначать и прерывность;

2) от предельных глаголов образуются однократные и многократные глаголы (первыми мы выше не занимались), хотя с многократностью может сочетаться и длительность;

3) интенсивность действия имеет подчиненную роль и может присоединиться и к длительным, и к многократным глаголам.

То, что было сказано о венгерской аспектуальности, нуждается в проверке в ходе дальнейших исследований.

Литература

А.В.Бондарко. Принципы сопоставительного исследования аспектуальных отношений. - Acta Linguistica, Budapest, 1981 (в печати).

Л.Дэжё. Типологическая характеристика русской грамматики в сопоставлении с венгерской. Будапешт, 1983 (в печати).

П.С.Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Москва, 1953.

К.Е.Майтинская. Венгерский язык. Москва. Ч. I, 1955. Ч. II, 1959.

Ю.С.Маслов. К основаниям сопоставительной аспектологии. - Вопросы сопоставительной аспектологии. Ленинград, 1978.

В.С.Храковский. Аспектуальность и средства ее выражения. - Вопросы русской аспектологии. Тарту, 1980, 3-24.

М.А.Шелякин. Приставочные способы глагольного действия и категории вида в современном русском языке. (К теории функционально-семантической категории аспектуальности). Автореф. докт. дисс. Ленинград, 1972.

B. Comrie. Aspect. Cambridge, 1976.

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ

А.В.Бондарко, СССР

Настоящая статья посвящается понятию аспектуальной ситуации в его отношении к более широкому понятию категориальной ситуации – родовому понятию, объединяющему различные типовые ситуации, связанные с определенным функционально-семантическим полем, – темпоральные, модальные, залоговые, компаративные, посессивные, каузальные, локативные и т.п. (о категориальных ситуациях речь будет идти в заключительной части статьи).

Аспектуальность, как и каждое функционально-семантическое поле, имеет две проекции – на языковую систему и на речевые произведения. Аспектуальность высказывания (которое может быть представлено как предложением, так и сложным синтаксическим целым) может рассматриваться как выраженная данным высказыванием аспектуальная ситуация.

Аспектуальная ситуация (АС) – это выражаемая в высказывании в том или ином варианте типовая содержательная структура, базирующаяся на функционально-семантическом поле аспектуальности и представляющая собой ту сторону выражаемой в высказывании общей сигнификативной ситуации, которая связана с выражением характера протекания и распределения действий во времени.

Приведем примеры некоторых вариантов АС разных типов, демонстрирующие участие не только форм несовершенного и совершенного видов (НСВ и СВ), но и других элементов высказывания в передаче аспектуальных отношений.

Аугментативно-соотносительный вариант процессной ситуации: "чем ближе (сильнее и т.п.) $НСВ_1$ – тем больше (ярче и т.п.) $НСВ_2$", например: Костер горел ярко, и, чем ближе я подъезжал к нему, тем все резче отделялось пламя от нависшего над ним мрака (И.Бунин. Костер).

Вариант процессной ситуации со значением продолжающегося в данный момент процесса, основная часть которого относится к предшествующему периоду: "еще (всё еще, всё, до сих пор) + НСВ", например: Я подошел к орудию, оно еще дымилось (А.Толстой. На Кавказе).

Аспектуально-таксисная ситуация типа "процесс – наступление факта как предел, прекращающий или завершающий длительность его течения": НСВ – (до тех пор) пока не СВ", например: Дроздовский не отпускал палец со спускового крючка до тех пор, пока слепящим лезвием бритвы не мелькнул фюзеляж последнего самолета (Ю.Бондарев. Горячий снег).

Аспектуальная ситуация с модальным элементом конативности: "попытка – результат". Например, в варианте безуспешной попытки, "НСВ-да (но) не СВ": Объясняя, да не объяснил; Вспоминали, вспоминали,

так и не вспомнили. Ситуация обобщенного отрицания факта (в варианте отрицания как действия, так и его объекта): Никаких билетов она не теряла.

Реляционная ситуация (со значением постоянного отношения или отношения, данного в определенный период времени): Поэтика и лингвистика перекрещиваются; Цена зависит от тебя; Циферблат разделялся на секторы. В подобных случаях в выражении указанной семантики важную роль играет лексическое значение глагола. Существенна также связь выражения отношения с выражением соотносимых субстанций.

Многообразие АС отражает сложную систему аспектуальных семантических признаков. Так, могут быть выделены АС, соответствующие традиционным частным видовым значениям: процессные ситуации, ситуации повторяющегося и обычного действия, ситуации обобщенного факта, конкретного факта и т.п. Особый тип аспектуальных (аспектуально-темпоральных) ситуаций – перфектные ситуации. К иной плоскости относятся "фазовые ситуации", представляющие выражение в высказывании начала, продолжения и прекращения действия. Возможно выделение АС, представляющих на уровне высказывания ту семантику, которая обычно связывается со способами глагольного действия. Таковы, например, делимитативные ситуации (Я еще погощу у вас недельки две), пердуративные (Пробуду там до первых чисел мая), интенсивные (Заждался я тебя), дистрибутивные (У Семенова дети повырастали; Пчелы всех перекалили), кумулятивные (Другие за это время насовершали целую кучу подвигов...), мультипликативные (За стенкой, в коридоре, уборщица брякает ведрами) и т.п. Могут быть выделены и АС иного рода, например, ситуация коинциденции (используем термин Э.Кошмидера) в случаях типа ...я вас попрошу сюда, вот сюда, к дивану (Ф.Достоевский. Братья Карамазовы).

Фактически вся аспектуальная семантика, находящая выражение в высказывании и передаваемая с участием не только видовых форм, но и аспектуального контекста, а также (в части случаев) лексического значения глаголов, может быть представлена и описана в форме АС.

Столь широкое истолкование понятия АС, безусловно, потребует в дальнейшем терминологической дифференциации внутри рассматриваемой сферы языковых явлений. Однако сохранение обобщающего понятия АС представляется необходимым.

Описание АС не отменяет анализа категории вида и способов действия на уровне слова и словоформы, а дополняет такой анализ. Благодаря обращению к уровню высказывания исследователь получает возможность наиболее полно и адекватно описать и объяснить функционирование и взаимодействие различных компонентов аспектуальности в высказывании. С этим связан естественный выход в текст в широком смысле слова. Аспектуальные ситуации текста – это особая область исследований, представляющаяся весьма перспективной.

Нередко синтаксисты замечали, что в кругу понятий морфологии аспектологами во многих случаях рассматривается то, что имеет прямое отношение к синтаксису. С известной точки зрения они правы.

Имея свой предмет в области морфологии и словообразования, а также синтаксиса, аспектология выходит в область описания функционально-семантических полей, в сферу теории высказывания, в область грамматики текста. Ориентация на понятие АС (в указанном смысле) позволяет привести лингвистическое описание, его понятия и термины в соответствие с тем фактом, что глагольный вид и другие элементы аспектуальности в их связи и взаимодействии затрагивают высказывание в целом, определяя всю акциональную сторону содержания высказывания.

Акциональная сторона содержания высказывания, представленная данной АС, отражает определенный фрагмент реальной действительности. Вместе с тем, хотя первоисточник АС заключен во внеязыковой действительности (в реальных действиях, состояниях и отношениях), понятие АС – это понятие лингвистическое. Оно относится к области языкового содержания и всегда связано с определенными средствами языкового выражения. Речь идет об аспектуальной семантике, прошедшей сквозь призму языка и заключающей в себе признаки языковой семантической интерпретации понятийного (смыслового) содержания.

Некоторые типы АС давно уже известны в аспектологии. Имеются в виду прежде всего "ситуационные типы" Э.Кошмидера (например, "что-то происходило, и тем временем произошло что-то другое", "что-то произошло, затем произошло что-то другое" и т.п. /I, с. I40-I67/. Позднее АС исследовались в направлении, намеченном Э.Кошмидером, при различной терминологии. Так, в наших работах использовался термин "тип аспектуального (или аспектуально-темпорального) контекста", "тип видового контекста" /2, с.6I-70; 3, с.I76-234/.

Предлагаемое нами истолкование понятия "аспектуальная ситуация" шире, чем сфера ситуаций и ситуационных типов в интерпретации Э.Кошмидера. Содержание понятия "ситуация" и "ситуационный тип", по Э.Кошмидеру, связано прежде всего с отношением одного действия к другому в некотором комплексе действий. Э.Кошмидер писал о том, что "временное отношение данного факта к другому в комплексе фактов, называемом ситуацией, содержит элементы относительности (например, одновременность или предшествование)..." /I, с.I39/. Таким образом, данное истолкование ситуаций и ситуационных типов сопряжено с понятием таксиса. Понятие АС включает типы ситуаций, связанные с таксисом, но не ограничивается ими.

Следует также подчеркнуть, что в ситуационных типах Э.Кошмидера и аналогичных типах, выделяемых в аспектологической литературе более позднего времени, существенную роль играют не только временные соотношения действий, но и представление характера протекания этих действий в их отношении к пределу, т.е. аспектуальная характери-

стика каждого отдельного действия (ср. такие ситуационные типы как "что-то происходило, и тем временем произошло что-то другое"). Таким образом, уже у Э.Кошмидера понятие ситуации и ситуационного типа включает основные ядерные элементы собственно аспектуальной характеристики действий в составе высказывания. Естественным продолжением этой линии является расширение понятия АС и включение в это понятие любой аспектуальной характеристики ситуации, отражаемой высказыванием, в том числе и характеристики отдельного изолированного действия, например, Прошу (попрошу) билеты, при отсутствии "комплекса фактов" и временных отношений между ними.

Говоря о функционально-грамматическом анализе на основе понятия АС, мы имеем в виду особый подход к аспектуальным отношениям со стороны высказывания – подход, дополняющий традиционный (в полной мере сохраняющий свою значимость) анализ вида как морфологической категории и способов глагольного действия как лексико-грамматических разрядов. Лишь на базе анализа грамматических форм слова (как отдельно взятого, так и функционирующего в контексте) возможен тот дополнительный тип функционального анализа, о котором идет речь. От аспектуальности, сконцентрированной в грамматической форме глагола, мы переходим к аспектуальности высказывания. С этим связана постановка вопросов: что в содержании высказывания относится к характеристике сигнификативной ситуации с точки зрения семантики аспектуальности?; какова структура АС, иначе говоря, каковы элементы этой ситуации и связи между ними?; чем, какими средствами выражены элементы АС?; какие разновидности и варианты данной АС могут быть выделены?; какова специфика их содержания и выражения?.

Далее будут рассмотрены некоторые примеры, показывающие, как именно данный подход дополняет существующие приемы анализа вида и способов действия.

Как известно, выделяется (хотя и не всеми исследователями) статальный способ действия. Вместе с тем могут быть выделены статальные (статально-процессные) ситуации как одна из разновидностей процессных ситуаций. Это позволяет учесть и такие варианты выражения статальности в высказывании, которые не связаны со статальными глаголами. Таково, в частности, выражение статальной семантики при употреблении глаголов действия (не состояния) в сочетании с отрицанием: обозначается ситуация состояния, связанного с тем, что не происходит обозначаемое глаголом действие, например: Я бросился было за ним, но на левой руке моей повисла тяжесть. Это была она. Я рванулся. Она еще тяжелее повисла и не отпускала (Л.Толстой. Крейцерова соната).

Среди способов действия выделяется многоактный (мультипликативный). Использование понятия мультипликативной ситуации (как одной из разновидностей процессной ситуации) позволяет реализовать

целостный подход к выражению расчлененности процесса на однородные повторяющиеся элементы при употреблении глаголов не только мультипликативного способа действия, но и других способов действия. При этом в полной мере учитываются все элементы высказывания, участвующие наряду с лексическим значением глагола в выражении сложной расчлененной структуры действия, например: Лосев маленькими глотками пил горячий кофе (Д.Гранин. Картина); Рука Светова мелкими толчками стряхивала с аппарата разбитые комочки земли (Ю.Бондарев. Горячий снег).

Возможен анализ значений предельности/непредельности на уровне высказывания, на основе понятий предельной и непредельной ситуаций. Это позволяет учесть все элементы высказывания, участвующие в выражении рассматриваемой семантики, и описать ее вариативность. Ср., например, "открытые" предельно-процессные ситуации, содержащие указание на направленность процесса к его пределу, но не содержащие указания на исход, результат этой направленности: – И поправились? Больные глядели на Левшина, точно экзаменаторы. – Поправляюсь, – сказал он уверенно (К.Федин. Санаторий Арктур).

Аспектуальная ситуация – не изолированное понятие. Оно включено в тот ряд, к которому относятся и другие типовые ситуации, связанные с соответствующими функционально-семантическими полями, – темпоральные, таксисные, модальные, экзистенциальные, персональные, залоговые, компаративные, посессивные, локативные и т.п. Обратимся к родовому понятию, объединяющему указанные типовые ситуации как понятия видовые, – к понятию категориальной ситуации.

Категориальная ситуация (КС) – это выражаемая в высказывании в том или ином варианте типовая содержательная структура, базирующаяся на определенном функционально-семантическом поле и представляющая собой один из аспектов выражаемой в высказывании общей сигнификативной ситуации.

Поясним данное определение. Когда речь идет о типовой содержательной структуре, базирующейся на определенном функционально-семантическом поле, имеется в виду, что в основе категориальной ситуации лежит семантическая категория, объединяющая все содержательные элементы данного поля, например, семантическая категория аспектуальности, темпоральности и т.п.

Говоря о том, что КС представляет собой один из аспектов выражаемой в высказывании общей сигнификативной ситуации, мы имеем в виду, что КС как типовая содержательная структура выступает в высказывании в том или ином конкретном варианте, т.е. как конкретный речевой вариант того или иного типа аспектуальной, экзистенциальной, локативной ситуации и т.п. Иначе говоря, КС представляет собой типовую содержательную структуру высокой степени абстракции, но репрезентируется в высказывании в том или ином конкретном варианте.

Между этим вариантом и понятием КС находится многоступенчатая система семантического варьирования, семантической субкатегоризации, основанной на отношениях общего и отдельного. Данный конкретный речевой вариант, выступающий именно в данном высказывании, представляет более обобщенную разновидность, а через нее – тип аспектуальной, залоговой, кондициональной, локативной ситуации и т.п. Наиболее высокий уровень абстракции в данной системе представляет понятие КС, охватывающее все указанные типовые ситуации.

В каждом конкретном высказывании выражается сигнификативная ситуация, отражающая определенный фрагмент действительности, воспринимаемой человеком, т.е. денотативную ситуацию. В каждой общей сигнификативной ситуации, выраженной высказыванием, совмещается целый комплекс КС, выступающих в конкретных речевых вариантах. Каждый из них представляет собой тот или иной аспект общей сигнификативной ситуации. Например, в высказывании Я сейчас не могу вспомнить, как переживали олепинские жители самый первый увиденный ими фильм (В.Солоухин. Капля росы) представлены следующие КС: темпоральная (соотнесение планов настоящего и прошлого), модальная (в разных планах реализации модальных отношений реальности/нереальности, возможности/невозможности, аффирмативности/негативности, повествовательности/вопросительности), аспектуальная, персональная, залоговая, субъектно-объектная, квантитативная, квалитативная, ситуация определенности.

Состав КС определяется составом семантических категорий, лежащих в основе системы функционально-семантических полей (ФСП) данного языка. В русском языке эта система включает следующие группировки ФСП:

1. Группировка ФСП с акциональным (предикативным) ядром: аспектуальность, темпоральность, таксис; комплекс модальных полей: объективная, субъективная модальность (включая выражение достоверности/недостоверности), аффирмативность/негативность, повествовательность/вопросительность; бытийность (экзистенциальность); поле состояния; залоговость, персональность (два последних поля, с предикативно-субъектным ядром, представляют зону пересечения данной группировки ФСП с полями, относящимися к следующей группировке).

2. Группировка ФСП с предметным (субъектно-объектным) ядром: субъектность/объектность (включая одушевленность/неодушевленность и отношение к полу); определенность/неопределенность (последнее поле имеет отношение и к следующей группировке).

3. Группировка ФСП с качественно-количественным (преимущественно атрибутивным) ядром: качественность, количественность (последнее поле связано с выражением признаков, субстанций и действий); компаративность; посессивность.

4. Группировка ФСП с обстоятельственным ядром: поля причины, цели, условия, уступки и следствия; поле сравнения; локативность; обстоятельственные аспекты темпоральности.

Данная система включает ФСП разных типов: поля, опирающиеся на морфологические категории, и поля, базирующиеся на синтаксических конструкциях, поля моноцентрические и полицентрические, сильно и слабо центрированные. Во всех случаях основой для выделения ФСП являются категориальные грамматические единства в данном языке – грамматические единицы (формы и конструкции), классы, категории – или группировки таких единств. Вокруг грамматического ядра группируются взаимодействующие с ним на семантической основе средства иных уровней – лексические, словообразовательные, лексико-грамматические, комбинированные /4/.

Каждое из указанных полей в своей проекции на высказывание дает содержательную структуру, которую мы называем категориальной ситуацией (в некоторых случаях данное понятие целесообразно использовать применительно лишь к части языковых фактов; так, понятие квантитативной ситуации, очевидно, уместно прежде всего в отношении квантитативной характеристики действия, поскольку именно квантитативность действия связана с предикацией и с высказыванием в целом; этот вопрос требует дальнейшего изучения).

Пересечения ФСП находят отражение в пересечениях соответствующих КС. Одной из форм таких пересечений являются "комбинированные" КС – аспектуально-темпоральные, аспектуально-таксисные, аспектуально-модальные, аспектуально-залоговые, аспектуально-локативные и т.п. Ср. аспектуально-локативные ситуации однонаправленного / ненаправленного действия в случаях типа Он шел ко мне / Он ходил по комнате из угла в угол.

Другие примеры: аспектуально-модальная ситуация потенциального действия (включающая взаимодействующие элементы темпоральности, а также квалитативности): – Как это они вечно все перепутают! (А.Герцен. Былое и думы); Семьянин-то – семьянин, а чище всякого обманет (А.Островский. Лес); Всегда он скажет что-нибудь такое, знаете... остренькое! (М.Горький. Сомов и другие); аспектуально-модальная ситуация потенциального действия – со значением вынужденной необходимости (для данного типа характерна сопряженность с персональной ситуацией обобщенного лица): Приказывают, так поневоле пойдешь (А.Островский. Богатая невеста); Но что делать, по нужде поклонишься и сыроежке (М.Пришвин. Рассказы дедушки).

Для понятия КС характерны следующие признаки:

а) представлять в высказывании семантическую категорию, лежащую в основе определенного ФСП;

б) быть одним из аспектов выражаемой в высказывании общей сигнификативной ситуации;

в) заключать в себе связи (разных типов) с другими КС, совмещенными в общей ситуации, передаваемой высказыванием (с частью других КС);

г) отражать один из аспектов передаваемой денотативной ситуации;

д) быть содержательной структурой, т.е. заключать в себе определенную конфигурацию семантических элементов и отношений между ними;

е) соотноситься с высказыванием в целом;

ж) заключать в своей структуре предикацию (то или иное проявление связи с предикацией).

Категориальные ситуации многообразны и разнородны. Необходима разработка их типологии. В частности, можно выделить КС следующих типов: 1) синтагматически сильные; 2) синтагматически слабые. КС первого типа характеризуются явной выраженностью синтагматических отношений между семантическими элементами КС. Таковы, например, таксисные, залоговые, компаративные, посессивные, каузальные, целевые, кондициональные, локативные ситуации и т.п. Ситуации второго типа отличаются, соответственно, слабой (неопределенной, непоследовательной, непостоянной) выраженностью синтагматических отношений между семантическими элементами КС. К этому типу относятся, в частности, аспектуальные, темпоральные, модальные, экзистенциальные, персональные, квантитативные ситуации. Так, в структуре темпоральных ситуаций типа "прошлое – противопоставленное ему настоящее" (До сих пор они создавали эту пропасть, теперь начинают уничтожать ее) представлены не только парадигматические, но и синтагматические отношения. В высказываниях же типа А это сделал темпоральная ситуация имеет лишь парадигматическое измерение.

Различные типы КС могут быть выделены и в других плоскостях, по другим признакам. Один из различительных признаков соответствует шифтерам и не-шифтерам в трактовке Р.О.Якобсона /5/. Одни ситуации (например, залоговые, таксисные, каузальные, кондициональные, посессивные, компаративные) – "не-шифтеры" – представляют собой такие содержательные структуры, которые определяются безотносительно к ситуации речи, другие же – "ситуации-шифтеры" – заключают в себе определенное отношение к ситуации речи (включая говорящего); таковы, в частности, темпоральные, модальные и персональные ситуации. Из аспектуальных (аспектуально-темпоральных) ситуаций к шифтерам, безусловно, имеют отношение ситуации локализованности/нелокализованности действия во времени.

Необходимо различать обязательные, т.е. обязательно представленные в любом высказывании, и необязательные ситуации. Рассмотрение этого вопроса не укладывается в рамки данной статьи. Отметим лишь, что аспектуальные ситуации, так же как модальные, темпоральные и персональные, мы относим к числу обязательных.

Сами "общие ситуации", передаваемые в высказывании, неоднородны по отношению к вычленяющимся в них КС. Одни общие ситуации являются "фокусированными": в них четко выделяется доминирующая КС. Таковы, например, общие ситуации, передаваемые высказываниями с формами косвенных наклонений (Прикройте дверь!; Я бы поел), в подобных случаях доминирует модальная ситуация. Другие общие ситуации не имеют ярко выраженного "фокуса" – в них может быть выделен целый ряд КС, занимающих доминирующее положение по отношению к "фону", но одна явно доминирующая КС не выделяется. Ср., например, высказывание Лиса шла краем леса (Л.Леонов. Скутаревский). Здесь к числу доминирующих относятся по крайней мере три КС – аспектуальная, локативная и темпоральная.

Понятие КС является одним из базисных понятий (наряду с понятием ФСП), лежащих в основе того типа функциональной грамматики, который разрабатывается (на материале русского языка) в секторе теории грамматики и типологических исследований Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР. Функциональная грамматика этого типа строится на основе описания системы ФСП, а в пределах отдельного поля – на основе описания системы соответствующих категориальных ситуаций, их разновидностей и вариантов [4].

Рассматриваемое понятие может быть одним из возможных оснований сопоставительных исследований в области функциональной грамматики. Сопоставительное изучение аспектуальных, темпоральных, экзистенциальных, компаративных, посессивных, каузальных, кондициональных, локативных и тому подобных ситуаций может быть направлено на определение систем базисных типовых ситуаций, представленных в разных языках, и на описание систем ситуативного варьирования, где проявляются как черты общности, так и своеобразия отдельных языков.

Литература

1. Э.Коммидер. Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза. – В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.

2. А.В.Бондарко, Л.Л.Буланин. Русский глагол. Л., 1967.

3. А.В.Бондарко. Вид и время русского глагола. (Значение и употребление). М., 1971.

4. А.В.Бондарко. Основы построения функциональной грамматики (на материале русского языка). – Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка, 1981, т.40, № 6.

5. R.Jakobson. Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb. (Russian Language Project. Department of Slavic Languages and Literatures). Harvard University, 1957.

КЛАССЫ ПРЕДИКАТОВ И АСПЕКТУАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Т.В.Булыгина, СССР

Признание того бесспорного факта, что аспектуальная характеристика высказывания (и соответствующая характеристика обозначаемого им "положения вещей") выражается "при участии вида, но не самим по себе видом глагола" /1:604,605/, требует не только инвентаризации релевантных ситуационных типов, но и всестороннего исследования взаимодействия грамматических значений видовременных форм с другими аспектуально значимыми факторами. К таким факторам относятся, по крайней мере: характер темпоральных распространителей; денотативный статус (тип референции) субъектного и объектного термов; тип лексического (т.е. отвлеченного от семантики вида и времени) значения глагола (или шире - предикатного выражения).

Важнейшая роль, которую играют в "функциональном поле аспектуальности" темпоральные распространители, является общепризнанной. Она проявляется в различных сочетаемостных возможностях форм с разным видовым значением, а также в том влиянии, которое оказывают темпоральные распространители разных типов на интерпретацию многозначных форм, как в следующих (заимствованных из /2/) примерах: Спартак поворачивает на Юг и три дня добирается до Сиракуз (процессуальное значение) и: Спартак поворачивает на Юг и в три дня добирается до Сиракуз (значение совершившегося события).

Известна и связь видовых значений с референциальными свойствами окружающих глагол имен. Так, несовместимость нереферентного употребления субъекта (и объекта) с конкретно-событийным значением сов.вида объясняет аномальность сочетаний вроде Любой заметил /3/, или невозможность интерпретации знаменитого щербовского примера: Глокая куздра будланула бокра... как общего суждения об открытом множестве "глоких куздр" (чем этот пример отличается от его иноязычных аналогов /4:350/).

Подобная избирательность может характеризовать и сами предикатные лексемы. Так, например, глаголы некоторых семантических классов не сочетаются с обстоятельственными выражениями "срока", даже выступая в форме сов.вида. Ср. аномальность примеров вроде *Он споткнулся за две секунды или (отмеченную еще Пешковским) невозможность сочетаний типа: *Они поговорили в два часа /5:305/.

Некоторые глагольные лексемы совместимы не со всеми типами денотативных статусов субъекта или объекта. Так, например, глагол любить может употребляться с референтно употребленным (в качестве объекта) названием лица, но требует нереферентности имени, обозначающего неодушевленный объект. Первое свойство противопоставляет предикат любить предикату любитель (ср.: Я люблю Юру, но *Я любительница Юры), второе - предикату нравиться, способному соче-

таться с названием объекта соответствующей эмоции, употребленным как нереферентно, так и референтно (Мне нравится / понравилась твоя сегодняшняя прическа, но: *Я люблю / полюбил твою сегодняшнюю прическу).

Эти и многие другие факты (на некоторых из них мы остановимся ниже) свидетельствуют об относительной значимости свойств самих предикатных лексем, об их определенном аспектуальном потенциале.

На то, что особенности, характеризующие функционирование категории вида в русском языке, могут быть объяснены собственно семантическими особенностями глаголов, связанными с самим "характером глагольного действия", обратил внимание Ю.С.Маслов еще в 1948 г. в статье [6], совершенно недостаточно, на наш взгляд, учитываемой в позднейших аспектологических исследованиях. Интересно, что классификация, предложенная в названной статье Ю.С.Маслова, обнаруживает определенное сходство с семантической классификацией английских глаголов, предложенной З.Вендлером в статье [7], ставшей весьма популярной в последнее время - факт, конечно, не безразличный для типологического исследования явлений аспектуальности в разных языках.

В настоящей статье предпринимается попытка, используя (в модифицированном виде) критерии классификаций Маслова и Вендлера, рассмотреть аспектуальную значимость издавна выделявшихся в лингвистике классов - таких, как действие, состояние, процесс и т.п. Из относительно недавних работ, систематизирующих некоторые из этих традиционных разграничений, безусловный интерес для наших целей представляет семантическая классификация глаголов, предложенная Ф.Данешем [8], хотя аспектологические проблемы не были предметом специального внимания названной работы (заметим, что предпринятая в монографии [9] попытка применить классификацию Данеша для объяснения аспектуальных свойств русского глагола представляется нам не вполне удачной).

До сих пор большинство описаний русского вида ориентировалось в основном на выявление так называемых частных видовых значений. В настоящее время основательно изучены свойства, присущие различным видо-временным формам глагола, и в значительно меньшей степени - свойства, вытекающие из тех особенностей глагола, которые присущи ему как представителю определенного семантического класса (независимо от того, в какой видовой форме он выступает). Основное внимание пока уделялось тем семантическим особенностям глагола, которые объясняют наличие или отсутствие видовой соотносительности (ср. деление на предельные и непредельные глаголы), и меньшее внимание - тем семантическим признакам (в том числе "нетривиальным" - в смысле работы [10]), с которыми связано различие в поведении разных классов глаголов в функционально-семантическом поле аспектуальности, в частности - разный характер семантического соот-

ношения между членами единой видовой пары у разных типов глаголов или между семантически коррелятивными глаголами разных видов в случае видовой несоотносительности (важное исключение составляет упомянутая выше работа Ю.С.Маслова).

Недавно предложенная инвентаризация "типов ситуаций, передающихся с участием вида", автор которой (А.В.Бондарко) подчеркивает, что соответствующие значения выражаются "глагольным видом в сочетании с контекстом, в части случаев - в сочетании со способом действия глаголов и их лексическим значением" /I:604/, все же представляет собой систематизацию именно грамматических видовых значений, почти полностью отвлеченную от взаимодействующих с видом факторов.

Предлагаемая в настоящей статье классификация аспектуальных ситуаций (мы заимствуем этот удобный термин у А.В.Бондарко, несколько видоизменяя его содержание), напротив, ориентирована на выявление аспектуально значимых свойств глагольных лексем (точнее - предикатных выражений) "исконно" присущих им как представителям лексических типов, и на отграничение этих свойств от "производных", "дополнительных" значений, связанных с видом как грамматической категорией.

Известная независимость "органических" аспектуально значимых свойств предикатных выражений от собственно видовых значений, свойств, в значительной степени предопределяющих тип взаимодействия с другими релевантными факторами, позволяет поставить вопрос о том, как соотносится типология аспектуальных ситуаций с семантической классификацией предикатных выражений, рассматриваемых в отвлечении от конкретных видовременных значений, в которых они выступают в реальных высказываниях. Отметим определенную условность самого термина "аспектуальная ситуация" (далее АС). Хотя свойства различных типов АС имеют в виду соответствующие свойства объективной действительности (положения вещей или явлений, характеризующих сам мир или его возможные состояния), речь идет, разумеется не о реальности как таковой, а о ее языковой концептуализации. Категоризация АС - это подведение денотативной ситуации под определенный концепт. Языковые единицы любой степени сложности, выражающие этот концепт, мы будем называть предикатными выражениями (ПВ). В частном случае граница между разными ПВ может проходить внутри лексемы, т.е. к разным ПВ могут относиться лексико-семантические варианты слова, или, по терминологии /II/, разные глоссемы одной лексемы. Это терминоупотребление удобно для аспектуально ориентированной классификации ПВ, в частности, в связи с тем, что о видовой соотносительности во многих случаях можно говорить именно применительно к отдельным значениям многозначного глагола /I:584/.

Основополагающим параметром нашей классификации является признак наличия/отсутствия временной связанности, который делит все преди-

каты на два больших класса: "качества" ("свойства") и "явления" ("эпизоды"). "Качества" характеризуются относительной независимостью от времени, "вневременностью", тогда как "явлениям" приписывается свойство временной локализованности.

Под локализованными во времени явлениями понимаются конкретные, реально происходящие (или происходившие) в некоторый момент или период времени события или процессы, а также ситуации, относящиеся к конкретному временному отрезку. Принятое здесь терминоупотребление несколько отличается от аспектологической традиции в том отношении, что предикациям, описывающим реальные события, повторявшиеся неопределенное число раз (вроде: Каждый раз, когда я открывал дверь, я замечал...), приписывается значение временной локализованности, хотя и неопределенной.

"Явления" делятся на два класса по признаку статичности/динамичности. ("Качества" считаются ингеретно статичными).

Признак длительности, характеризующий способ протекания во времени, делит динамические явления на длящиеся и не длящиеся, т.е. на "процессы" и "события" (статические положения вещей все характеризуются положительным значением этого признака).

В зависимости от того, приводит ли естественное течение процесса к определенному результату, различаются "бесперспективные процессы" и "развивающиеся процессы". Соответственно различаются события, предполагающие и не предполагающие предшествующий "развивающийся процесс" ("результаты" и "происшествия").

Кроме того, выделяется признак "агентивности", имеющий в виду роль субъекта в соответствующей ситуации. Процессы, в которые вовлечен сознательно действующий субъект, называются "деятельностью", "результаты" целенаправленной деятельности - "свершениями", "происшествия", случившиеся по воле субъекта, - "достижениями" и т.д. Выделенные признаки позволяют представить типологию АС в виде иерархически организованной системы (см. подробнее /12/).

Рассмотрим теперь выделенные признаки в их отношении к классам АС, с одной стороны, и к семантическим классам ПВ, с другой, а также с точки зрения той роли, которую играет каждый признак в функциональном поле аспектуальности.

Признак временной локализованности (аспектуальная значимость которого очевидна) подробно исследован в русистике в связи с различным семантическим потенциалом грамматических категорий вида и времени.

Так, например, Г.А.Золотова справедливо полагает, что в пределах

каждого из трех временных планов (настоящего, прошедшего и будущего) говорящие по-русски могут избрать тот или иной "способ отражения явлений действительности - как явления единичного, конкретного, как явления обычного, повторяющегося, типичного или как явления обобщенного, возведенного в степень абстракции" /13:181/. Однако тот или иной характер отношения к временной оси может предопределяться не только тем, какой способ изображения действительности избирается говорящим, но и принадлежностью предикатного выражения к тому или другому семантическому классу, т.е. внутренне присущими ему свойствами, допускающими лишь определенного рода временную отнесенность и исключающими временную отнесенность другого рода.

Иначе говоря, значение признака временной локализованности (во многих случаях связанное с грамматическим значением соответствующих видовременных форм) является для ряда предикатных выражений фиксированным.

Так, наряду с предикатами, неспособными "повышаться в ранге" до общих суждений вневременного характера (таких, как белеть(ся), быть в отчаянье, быть не в духе - см. ниже), существует значительное число предикатов, в частности глагольных, неспособных, напротив, к временной локализации, например, равняться, соответствовать, зависеть, обладать, владеть, а также и любить (мороженое), ненавидеть (лицемерие), знать (математику), понимать (кое-что в технике), полагать, думать, что... (в отличие от думать о чем-то...), презирать и т.п.

Некоторые из подобных глаголов (например, "глаголы отношения": преобладать, содержать, соответствовать и т.п.) упоминаются при описании частных значений несовершенного вида как глаголы, не связанные с конкретно-процессным значением: по справедливому замечанию А.В.Бондарко, "данность" отношения не может быть представлена как процесс /3: 25/. Однако и глаголы типа любить, ненавидеть, понимать, знать, полагать, верить,что... и т.п. также описывают соответствующие положения вещей как некую "данность" и мыслятся как отвлеченные от конкретного течения времени.

Отсутствие конкретной временной локализованности проявляется, в частности, в том, что высказывания, содержащие описываемые предикаты, не могут (нормально) служить ответом на вопросы типа "Что он сейчас делает? (Что он тогда делал?)", "Чем он (был) занят в это время?", "Что с ним происходит (происходило)?", "Почему он отсутствует?" и т.п., а также, соответственно, не могут "вставляться" в предложения, начинающиеся оборотами вроде Он был занят тем, что..., Он только и делал, что...

Высказывания, содержащие предикаты рассматриваемого типа, могут быть истинными (или ложными) в течение определенного периода

времени, но они не описывают процессы, протекающие во времени.

Примеры вроде следующего: Но позвонил он с площади. - Ты спишь? - Нет, я не сплю. - Не спишь, а что ты делаешь? Ответила: - Люблю (Л.Мартынов) воспринимаются как отклонение от нормы (в данном случае преднамеренное).

Особенно показательной и существенной для объяснения аспектуального своеобразия рассматриваемых глаголов (в частности, их отличия от других непредельных глаголов) является их неспособность употребляться в контекстах, описывающих регулярно повторяющуюся серию последовательных событий (или "порций" деятельности). Ср.: Она вставала в 6 часов утра, убирала в квартире, шла в магазин, варила обед и вела сына в детский сад; и: Она вставала в 6 часов утра, убирала в квартире, ходила в магазины, варила обед, водила сына в детский сад.

Первое предложение описывает (регулярно повторяющуюся) упорядоченную во времени последовательность целостных событий, тогда как второе описывает круг "ее" обязанностей, не упорядоченных во времени.

Предикаты типа любить, увлекаться, следить за чистотой, руководить и т.п. "вписываются" лишь в контекст второго рода. Ср.: Она вставала ночью к ребенку, следила за чистотой в квартире, воспитывала детей, водила сына в школу, руководила его образованием, ходила в магазины, но: *Она вставала в 6 часов, следила за чистотой, воспитывала сына, вела его в школу и шла в магазин.

Ср. еще: Он рано вставал, зимой ходил на лыжах, увлекался греблей, водил сына по музеям. Но: *Он вставал в 6 часов, шел на прогулку, увлекался греблей, любил сына и вел его в музей. Аномальность второго предложения связана с тем, что предикаты увлекаться (греблей), любить (сына) не могут относиться к конкретным, локализованным во времени (хотя бы и регулярно повторяющимся) событиям, а сочиненные с ними глаголы идти и вести имеют именно такое значение.

Действительно, предикаты типа любить, знать (математику), обладать, владеть, ненавидеть, разбираться (в технике) и т.п. не имеют так называемого "узуального" или "абитуального" значения, т.е. не описывают конкретные явления, повторяющиеся с той или иной периодичностью. Этой особенностью объясняется аномальность предложений вроде:
*Илья часто обладает абсолютным слухом. *Иван редко хорошо разбирается в поэзии. *Мой сын постоянно любит мороженое.

Возможность сочетания квалитативных предикатных выражений с фреквентативными наречиями ограничивается теми случаями, когда субъект допускает нереферентное прочтение, но тогда наречие выступает в роли квантора, ограничивающего объем денотата субъекта,

а не в роли квантификатора "случаев" проявления соответствующих свойств эмоций, мнений, умений) и т.п. Ср.: Профессиональные музыканты не всегда обладают абсолютным слухом = Не все профессиональные музыканты обладают абсолютным слухом; Математики иногда прекрасно разбираются в лингвистике = Некоторые математики прекрасно разбираются в лингвистике; Дети редко любят манную кашу = Не многие дети любят манную кашу; Молодые люди обычно неопытны = Большинство молодых людей неопытно.

Неквантифицируемость денотативных ситуаций, описываемых предикатами рассматриваемого типа, которая проявляется в неспособности сочетания с наречиями иногда, обычно и т.п. в темпоральном значении, следует рассматривать как симптом нелокализованности во времени. Действительно, анализируемые предикаты не описывают конкретных событий или процессов, в которых участвует субъект, они дают ему некоторую общую характеристику, подобно именным предикатам, приписывающим субъекту то или иное качество. В этом отношении с ними могут быть сходны и другие глаголы с производным неактуальным значением, хотя разные типы употребления приближаются к "качественному" значению в разной степени. На одном полюсе находятся такие, безусловно "вневременные" предикации, как Рыбы дышат жабрами, Вода кипит при температуре 100°, Железо тонет в воде, описывающие не серию повторяющихся явлений, а свойства субъекта. На другом - предикации с так наз. неограниченно-кратным значением, например, Он спит в кабинете, По утрам они пьют чай и под., которым, как говорилось выше, целесообразно, с нашей точки зрения, приписывать значение (неопределенной) локализованности во времени, т.е. считать, что они описывают ряд "явлений", ряд "эпизодов".

К промежуточным случаям можно отнести предикации вроде: Он играет на скрипке (=умеет играть), Он курит (=он курящий) или Она ест мясо (=она не вегетарианка).

Граница между соответствующими типами не является вполне ясной. С одной стороны, предикации, описывающие регулярно повторяющиеся поступки или процессы (т.е. локализованные во времени "явления") могут восприниматься как характеристика субъекта. Они могут квалифицироваться соответствующим образом в самом языке, ср.: У Верочки редкое качество: мгновенно обижается, но так же мгновенно и полностью забывает обиду (Ю.Трифонов, Старик), не говоря уже о возможности различных умозаключений вроде: Тот, кто постоянно ясен, тот, по-моему, просто глуп (Маяковский), где "постоянность (регулярность) "состояния" дает основания для вывода о "свойстве". С другой стороны, не всегда ясно, в какой мере предикации с "обобщенным" (или "потенциальным") значением основываются на определенном количестве "актов реализации" (или предполагают их). Можно ли с уверенностью говорить, что предложения Он курит, Он

играет на скрипке, Он ест мясо представляют собой обобщения достаточно большого числа случаев, когда соответствующие "поступки" действительно имели место? Конечно, если верно, что он играет на скрипке, можно не сомневаться, что "акты реализации" соответствующего "умения" имели место в прошлом, и не один раз (правда, значение предложения скорее имеет в виду будущие "акты реализации"). Но, например, X ест мясо (=X не вегетарианец) не обязательно предполагает достаточную многочисленность случаев реального "поедания" X-ом этого продукта. Ср. анекдотический ответ на вопрос: Вы играете на скрипке? - Не знаю, не пробовал, воспринимаемый, естественно, как неадекватный. Однако если хозяйка обратится к гостю с вопросом: Вы едите маслины? (она может предварить его ходячей сентенцией насчет того, что все люди делятся на тех, кто без ума от маслин, и на тех, кто их терпеть не может) и гость ответит: Не знаю, не пробовал, то ответ, возможно, будет воспринят как естественный.

Поскольку отмеченное выше сходство в поведении предикатов "постоянного отношения" и (именных) предикатов "качества" (их несочетаемость с наречиями типа обычно в темпоральном значении) подтверждает независимое ощущение их семантической близости, свойство "неквантифицируемости" следует считать существенным, не случайным. Можно поэтому использовать соответствующие особенности в качестве критерия разграничения между различными типами не-актуального употребления "обычных" глаголов. Если прибавление наречия типа обычно, постоянно, всегда не меняет существенным образом значения предложения (не меняет тип его значения) и не превращает его в аномальное, то предикация описывает повторяющиеся эпизоды действия, состояния и т.п., т.е. (неопределенно) локализованные во времени "явления"; в противном случае мы имеем дело с "качественным" (не-эпизодическим) значением (т.е. с положением вещей, не локализованным во времени). Ср., например: Он любит живопись ≠ Он постоянно любит живопись, но: Он ходит в музеи и картинные галлереи ≈ Он постоянно (часто, иногда) ходит в музеи и картинные галлереи; Он курит ≠ Он всегда курит, но: Он курит "Беломор" ≈ Он всегда (обычно) курит "Беломор"; Она ест маслины (т.е. не испытывает к ним отвращения) ≠ Она всегда ест маслины, но: Они едят маслины на завтрак ≈ Они обычно (всегда) едят на завтрак маслины; Рыбы дышат жабрами ≠ Рыбы всегда дышат жабрами, но: Он спит в кабинете ≈ Он обычно (всегда, иногда) спит в кабинете. Результаты этого теста согласуются с интуитивным представлением о том, что предикаты Он любит живопись, он курит, рыбы дышат жабрами и даже он ест маслины дают субъекту более существенную характеристику, чем предикаты соотв. он ходит в музеи и картинные галлереи, он курит "Беломор", он работает по вторникам в библиотеке, он

спит в кабинете, они едят на завтрак маслины, описывающие нечто более внешнее.

Предикаты, характеризующиеся названными особенностями, не могут обозначать, таким образом, ни однократных "ситуаций", ни серию повторяющихся отдельных "случаев" (ненависти; увлечения и т.п.). Иными словами, они обладают (подобно именным предикатам "качества") признаком неквантифицируемости.

Заметим, что во многих классификациях предикаты только что рассмотренного типа объединяются с такими предикатными выражениями, как быть в плохом настроении, быть трезвым и т.п., в одном классе стативных (или статических, или статальных) предикатов (или объединяются в одном типе "состояний", как это делает Вендлер для сопоставимых предикатов английского языка). Между тем аспектуально -темпоральные свойства этих предикатов (во всяком случае в русском языке) во многом диаметрально противоположны.

Большинство предикатов, описывающих статические явления, локализованные во времени ("местоположения", "состояния" типа Х пьян, Х-у жарко; "проявления" типа Белеет парус одинокий), несовместимы (как уже приходилось отмечать /I4:346/) со значением "вневременности".

"Временность", случайность, неэссенциальный характер связи состояния с его субъектом проявляется, в частности, в весьма ограниченной способности предикатов состояния сочетаться с родовыми термами. В предикациях типа Х пьян, Х здоров, Х в отчаянье, Х прочитывается как имя с конкретной референцией - независимо от значения переменной, т.е. даже в тех случаях, когда место Х замещает имя предикатной семантики (без указательного местоимения) или существительное множественного числа (склонное вообще быть названием открытого множества объектов). Эта особенность отличает предикаты "статических явлений" от квалитативных предикатов "постоянного свойства" (в том числе и от "характеризующих" глаголов). Так, первые два предложения (а и б) в тройках (I-5) в наиболее естественном прочтении воспринимаются как общие суждения, тогда как последнее предложение в каждой тройке (в) прочитывается как сообщение об актуальном состоянии конкретных "детей", "стариков", "молодых людей", "ревнивцев", "лентяев": Iа) Дети любознательны;
б) Дети требуют внимания; в) Дети голодны;
2а) Старики раздражительны; б) Старики не терпят возражений;
в) Старики в раздражении.
3а) Молодые люди легкомысленны; б) Молодые люди умеют веселиться;
в) Молодые люди пьяны.
4а) Ревнивец невыносим в семейной жизни; б) Ревнивец мучает других и мучается сам; в) Ревнивец в бешенстве.
5а) Лентяй обуза для коллектива; б) Лентяй не любит работать;

в) Лентяй утомлен.

Предикации вида X – P, где "P " – предикат состояния, нормально описывают, таким образом, актуальную связь признака с конкретным предметом (лицом). Впрочем, предикаты состояния, как и другие предикаты, обозначающие "явления", способны выражать (связанное с грамматической семантикой вида) производное значение повторяемости.

Однако в отличие от большинства "динамических" глагольных предикатов, "актуальное" и "узуальное" значение которых формально может быть никак не выражено (так что соответствующие предикации вне контекста и ситуации обычно неоднозначны), предикаты состояния получают "узуальное" (или "фреквентативное") прочтение лишь в специальных "дезактуализующих" условиях, например, в сочетании с временными адвербиальными выражениями, лишенными конкретно-референтной функции (в такие дни, в минуту жизни трудную, в подобные моменты и т.п. или вечерами, зимой и аналогичными названиями регулярно повторяющихся отрезков времени), а также в сочетании с глаголом бывать: Почему мне в этакие минуты всегда грустно, разгадайте, ученый человек; (Достоевский);Он требовал, чтобы она шла за него, и бранил ее, когда бывал пьян (Чехов); Немец три раза в день и два раза в ночь окуратно (так у Пушкина) был пьян; В году недель пять-шесть Одесса По воле бурного Зевеса потоплена, запружена, В густой грязи погружена (Пушкин); И скучно, и грустно и некому руку подать В минуту душевной невзгоды (Лермонтов); Бывало грустно им, а скучно не бывало (Крылов); Ты, от кого я пьян бывал (Пушкин) и т.п.

В "дезактуализующих" контекстах предикаты состояния могут сочетаться и с родовыми именами, обозначая, однако, не "атрибуты" соответствующего класса объектов (лиц), а преходящие эпизоды в их существовании (хотя возможно, как в следующем ниже примере, достаточно длительные): Студент бывает весел от сессии до сессии, а сессия всего два раза в год; Старец же должен быть доволен во всякое время (Достоевский). Это проявляется, в частности, в том, что квантворные наречия иногда, часто, редко, обычно, постоянно, всегда (а также функционально близкий глагол бывать) не прочитываются в этих условиях, как квантор, ограничивающий объем денотата субъектного терма, а сохраняют временное значение. Ср.: Толстяки иногда бывают в угнетенном настроении ≠ В жизни толстяка есть некоторые моменты, когда он в угнетенном настроении ≠ Некоторые толстяки в угнетенном настроении. Ср. Толстяки иногда бывают пессимистами ≠ Некоторые толстяки – пессимисты.

Примеры такого рода свидетельствуют о том, что предикаты состояния обозначают (подобно большинству глагольных предикатов, но в отличие от большинства именных предикатов, а также от квалитативных глаголов типа обладать, любить) квантифицируемые явления.

С другой стороны, сама возможность комбинации предикатов состояния (и других типов предикатов, описывающих статические явления) со значением фреквентативности, повторяемости отличает их от квалитативных предикатов, обладающих свойством неквантифицируемости.

Так, возможно: Мы же то смертельно пьяны, то мертвецки влюблены (Пушкин), но едва ли допустимо: Он то пьяница, то женский угодник; Он то обладал наклонностями к алкоголизму, то любил женщин (если подобные сочетания и возможны, то лишь для выражения обвинения в непоследовательности: Ты себе противоречишь - то он у тебя пьяница, то аскет; Тебя не поймешь: то ты знаешь польский язык, то не имеешь о нем никакого представления).

Подобным образом, аномальность предикаций вроде *Володя только и делает, что знает математику; *Таня только и делает, что любит Сережу следует, очевидно, связывать именно с временной нелокализованностью, а не со статичностью и не со "стативностью" (="неактивностью субъекта"), поскольку гораздо более приемлемо: Маша только и делала, что была больна и вполне приемлемо: Петя только и делает, что хворает.

Конкретно-ситуационное значение состояний объясняет несовместимость соответствующих предикаций с кванторами типа любой, всякий, лишающими термы конкретной референции - особенность, опять же противопоставляющая их предикатам свойства. Так, высказывание: Все холостяки пьяницы грамматически правильно (хотя, быть может, и несправедливо), а Все холостяки пьяны аномально. Ср. также Все люди смертны и Все люди при смерти и т.п.

Неудобство применения термина "стативный" по отношению к предикатам, прямо противоположным, как мы пытались здесь показать, по целому ряду свойств предикатам "состояния", представляется очевидным.

Признак "динамизма" противопоставляет состояния, положения, проявления и другие классы статических явлений процессам и событиям, в свою очередь различающимся между собой по признаку "длительности".

Деление на процессы и события частично коррелирует с видовым противопоставлением у тех классов глаголов, которые мы называем здесь глаголами "постепенного осуществления": светать/рассвести, бриться/побриться, переплывать/переплыть и т.п. Это единственный класс глаголов, разные видовые формы которых выражают разные АС: "развивающиеся процессы" (целенаправленную деятельность) и "результаты" ("свершения"). Из взаимосвязанности этих АС вытекает комплексный характер каждой из них.

Характерной чертой глаголов "постепенного осуществления", отличающей их от "бесперспективных процессов" (а также и от "происшествий") является членимость протекающего во времени явления на качественно различные фазы, возможность противоположения по линии

попытка - успех или тенденция - осуществление [6], выражаемого соответственно несовершенным и сов. видом одного и того же глагола. Семантика обеих видовых форм имеет комплексный характер, поскольку несов. вид "перспективен", а совершенный - "ретроспективен". Именно комплексность глаголов "постепенного осуществления" объясняет возможность их сочетания с выражениями типа за час, в минуту, указывающими на срок развертывания события. Эта возможность отличает "постепенное осуществление" от "бесперспективных процессов" и "происшествий": Он написал статью в неделю/за три дня, но не: Он пришел в полчаса; Ребенок родился за трое суток; Они обычно любуются морем в десят минут (как показывают последние примеры, формулировки, связывающие данную сочетаемостную возможность с "совершенным или несовершенным повторяющимся" [13:246] либо со значением "законченности" [2:142], нуждаются в уточнении).

Происшествия и "достижения" обозначаются "только событийными" глаголами, неспособными к процессуализации даже выступая в форме несовершенного вида. Особенность этих глаголов, отмеченная Ю.С. Масловым [6], заключается в невозможности выражения конкретно-процессного значения. Выступая в форме несов.вида, они выражают единичное событие (в настоящем историческом, сценических ремарках и т.п.), либо обозначают ряд повторяющихся событий: Обыкновенно, проговорив последний монолог (а с ним это часто случалось), Шатов схватывал свой картуз и бросался к дверям (Достоевский); В последнее время началось что-то новое, и Крафты не ужинаются, а застреливаются (Достоевский); Он, правда, в туз из пистолета в пяти саженях попадал (невозможно: *Я пришел, как раз когда он схватывал картуз и бросался к дверям; *Его позвали в тот момент, когда он попадал в туз из пистолета; *Мы можем спокойно поговорить, пока он там застреливается).

ПВ, выражающее серию повторяющихся в разное время событий, может приобретать некоторые черты процессуальности (ряд событий может рассматриваться как процесс в его протекании), однако исходное (органическое) значение событийности не утрачивается полностью (линия, так сказать, остается не сплошной, а пунктирной), что находит отражение в возможности одновременного присутствия в предложении и наречий длительности, и "точечных" временных обстоятельств: Целую неделю, только я садился заниматься, как внезапно приходили гости; Весь день я неожиданно обнаруживал его в самых неожиданных местах. Для глаголов "постепенного осуществления", характеризующихся внутренней протяженностью, такая комбинация затруднена (несов. вид этих глаголов в сочетании с наречиями длительности обычно понимается в конкретно-процессном значении, а не в итеративно-событийном), а для глаголов "бесперспективной" деятельности она вообще исключена.

Характерным свойством глаголов "бесперспективных процессов" является широкая возможность сочетания с делимитативной приставкой по-: Народ еще повоет, да поплачет, Борис еще поморщится немного, Что пьяница пред чаркою вина...(Пушкин). Эта особенность отличает "бесперспективные" глаголы не только от глаголов "свойства и постоянного отношения", которые обозначают нелокализованные во времени и потому не поддающиеся квантификации (сегментации) положения вещей, но и от глаголов "постепенного осуществления", обозначающих (в несов. виде) развивающиеся процессы (или целенаправленную деятельность): префикс по-, устанавливая произвольную, ничем не предопределенную временную границу протекания процесса (деятельности), связан, как кажется, с коннотацией простого"времяпрепровождения", совершения "деятельности как таковой", "деятельности ради деятельности". Ср.: шутливые строчки Маяковского: Сидят папаши. Каждый хитр. Землю попашет, попишет стихи, особый стилистический эффект которых возникает в частности за счет трактовки предикатных выражений пахать землю, писать стихи как "деятельностных" - тогда как эти выражения обозначают либо постоянный статус (Мой дед землю пахал; Она пишет стихи - от такой их интерпретации поэт и отталкивается), либо описывают предельную, целенаправленную деятельность (пашут обычно для того, чтобы "вспахать", а не для того, чтобы "попахать", так же как стихи пишут, имея в виду написать их, а не просто "пописать"), Ср. более естественное употребление в аналогичном аспектуальном контексте предельного глагола вспахать (полосу): До светла все у него пляшет, Лошадь запряжет, полосу вспашет (Пушкин).

"Только процессуальные" глаголы обладают свойствами, объединяющими их со статическими предикатами, в том числе и с предикатами "свойства и постоянного отношения". Недаром в [6] они объединяются в разделе "глаголов пребывания и бесперспективного протекания" (ср. также аристотелевское деление предикатов на кинетические ("движения") и энергетические ("осуществления")). Однако от предикатов "свойства" их отличает временная локализованность, проявляющаяся в том, что деятельностные глаголы могут обозначать сукцессивные, упорядоченные во времени "порции процесса" (деятельности): Каждый день он встает, занимается гимнастикой, слушает последние известия, ходит по лесу, ищет там грибы и ягоды, возвращается, работает в саду, идет к морю, плавает, затем немножко загорает на берегу.Тот факт, что в контексе "неограниченной кратности" формы такого рода непосредственно коррелируют с делимитативными формами совершенного вида (вчера он встал, позанимался гимнастикой, послушал радио, поработал в саду, ...), а также то, что "бесперспективные глаголы" способны замещать соответствующие глаголы совершенного вида в контексте прошедшего исторического свидетельствует о небесспор-

ности безоговорочного признания видовой несоотносительности глаголов типа работать - поработать, играть - поиграть и т.п. (если считать, что в основе видового противопоставления лежит признак "целостности" и если принимать предложенный Ю.С.Масловым критерий принадлежности глагольных форм к одной видовой паре - критерий, до сих пор остающийся наиболее объективным из когда-либо предлагавшихся.

Предложенная классификация, разумеется, не является ни единственно возможной (она могла бы быть построена на иных основаниях), ни окончательной - и в том смысле, что она допускает дальнейшую детализацию при добавлении дополнительных признаков, посторонних для нашей классификации (так, "состояния", "ситуации", "положения" и "местонахождение" попадают у нас в один класс, поскольку характеризуются одними и теми же значениями признаков, положенных в основу нашего разбиения, что не исключает того, что они различаются по другим, более частным, признакам, сознательно оставленным нами в стороне), и в том смысле, что более полный учет фактов, релевантных для выбранного здесь аспекта рассмотрения, может потребовать уточнения классов. Класс неподготовленных предшествующим процессом событий, т.е. "происшествий" и "достижений", к которому наряду с "точечными" глаголами вроде споткнуться были отнесены также глаголы типа вызубривать и выспаться (на том основании, что несовершенный вид этих глаголов не может выражать конкретно-процессное значение), быть может следует разделить на собственно "сюрпризы" и на такие события, которые предполагают предшествующий процесс, хотя бы и выраженный другим глаголом.

Действительно, многие "точечные события" прочно ассоциируются с определенными "процессами" и обратно (хотя глагол, описывающий "событие", и глагол, описывающий "процесс", и не являются членами одной видовой пары). Например, деятельность, описываемая глаголом искать, обычно направлена на то, чтобы найти, и поэтому событие, описываемое этим последним глаголом (т.е. "находка"), может восприниматься как закономерный "предел" (результат, завершение) процесса "поисков" (хотя и не процесса "нахождения", поскольку пара находить/найти не имеет значения процесса). Этим объясняется возможность сочетания глагола находить/найти с временными выражениями, указывающими на срок развертывания события, иначе говоря - трактовка предиката "точечного события" как предиката "постепенного осуществления". Ср.: Х нашел нужную справку в пять минут; Сколько времени потребуется тебе, чтобы найти ручку? Надеюсь, что ты найдешь паспорт за полчаса.

Подобным образом, события, описываемые, например, глаголами домчать, вызубривать/вызубрить, вручивать/вручить или выспаться/выспаться, могут рассматриваться как результат процессов, обоз-

начаемых непредельными глаголами мчать, зубрить, учить, спать. Поэтому, несмотря на то, что названные глаголы принадлежат к классу "eventiva tantum" (для домчать вообще нельзя сконструировать хотя бы гипотетическую форму несов. вида, а несов. вид остальных глаголов не употребляется в конкретно-процессном значении, ср. Тише, в соседней комнате высыпается Алеша; Она сейчас как раз выучивает французскую азбуку; Вот он сидит и вызубривает урок - аномальность последнего примера была отмечена Ю.С.Масловым [6, 315]), все они тем не менее могут фигурировать в контексте, типичном для глаголов "постепенного осуществления": И вас в три дня туда домчу...,Эй! запрягать, сейчас (Некрасов); Я надеюсь, что за семь часов ты выспишься? Он вызубрил урок за три часа; Я же почти в один сеанс знала уже всю французскую азбуку... - Вы во сколько времени азбуку выучили? - В три урока. - А она в один (Достоевский).

Последний пример интересен тем, что с обстоятельством срока в нем сочетается не только глагол "достижения" выучить, но и статический глагол знать, также трактуемый в данном контексте как предикат "постепенного осуществления", т.е. как результат ("предел") предшествующей деятельности (процесса "учения", "запоминания"). Этот пример можно рассматривать как свидетельство в пользу трактовки предиката знать, предложенной О.Н.Селиверстовой. [15]. Ср. также (высказанные, правда, в иной связи) замечания А.В.Бондарко и З.Вендлера: "...видел, знал - глаголы, которые могут быть истолкованы как характеристика субъекта, основанная на опыте, накопленном им путем восприятия, познания" [3, 87], "знание чего-нибудь есть ментальное состояние, хотя и вызванное соответствующей деятельностью" [16, 277].

Не вполне ясным оказывается также статус глаголов умирать/умереть, засыпать/заснуть и некоторых подобных. Возможность употребления несов. вида этих глаголов в конкретно-ситуационном "несобытийном" значении (Мать у нас умирала, теперь ей легче; Смотри, мальчик совсем засыпает и т.п.) как будто свидетельствует об их принадлежности к классу предикатов "постепенного осуществления". Однако такие глаголы не допускают сочетания с выражениями, указывающими на срок "наступления события" (едва ли возможно: Он умер за трое суток; Она умерла в полтора часа; Я обычно принимаю снотворное и засыпаю примерно за полчаса; Сколько времени занял(о) у тебя выигрыш (выигрывание) партии?), что характерно, как мы видели, для "происшествий и достижений".

В литературе глаголы данного типа получают различную трактовку. Ю.С.Маслов объединяет глагол умирать/умереть и другие подобные глаголы с такими типичными глаголами "постепенного осуществления" как писать/написать, пахать/вспахать, строить/построить, а также

дряхлеть/одряхлеть, бледнеть/побледнеть и под., противопоставляя их все вместе глаголам, обозначающим "факт скачкообразного", "точечного" перехода к новому качеству,, семантика которых "указанием на "критическую точку" собственно и исчерпывается" [6, 315], т.е. нашим "происшествиям". Ср. также толкование глагола умирать, предложенное в свое время А.Вежбицкой: Ян умирал = Ян последовательно проходил состояния такого ряда состояний, что если бы он прошел все состояния этого ряда, то умер бы [17], от которого, впрочем, в более поздних работах автор отказывается. Вендлер, напротив, без каких-либо оговорок причисляет англ. глаголы to die, to win a race, сопоставимые с рассматриваемыми здесь русскими глаголами, к классу "достижений" [7], не учитывая возможности конструкций he is dying, he is winning the race (что касается критерия сочетания с наречными выражениями "срока", то он в англ. языке не может, как было отмечено выше, служить разграничением для "achievements" и "accomplishments", поэтому в английском языке меньше, вообще говоря, чем в русском, формальных препятствий для отнесения глаголов типа to die умереть к "постепенным осуществлениям").

Как примирить противоречивые показания разных критериев в этом случае, допускающем, как мы только что видели, альтернативные интерпретации? Одно из возможных решений состоит в том, чтобы выделять у каждой из глагольных лексем рассматриваемого типа две самостоятельные глоссемы: глоссему с "событийным значением", выступающую в формах обоих видов: умирать/умереть, засыпать/заснуть, побеждать/победить, проигрывать/проиграть и т.п. и глоссему с "оценочно-статичным" значением, принадлежащую к imperfectiva tantum и обозначающую состояние, близкое, по мнению говорящего, к тому, чтобы смениться соответствующим событием (приблизительно таким образом поступают, например, составители Словаря языка Пушкина, трактуя глагол умирать с одной стороны, как несов. к умереть 'перестать жить', а с другой - выделяя у него в качестве самостоятельного значение 'находиться при смерти, в тяжелом физическом состоянии').

Глоссемы умирать/умереть, засыпать/заснуть, побеждать/победить и т.п. с событийным значением можно будет тогда отнести к "происшествиям", так что отпадет необходимость специального объяснения их несочетаемости с наречиями "срока".

Отказ от трактовки рассматриваемых глаголов как предикатов "постепенного осуществления" кажется, вообще говоря, оправданным семантическими соображениями: смысловое соотношение между "несобытийным" и событийным значениями этих глаголов иное, чем между значением "развивающегося процесса" (деятельности) и значением "результата" разных видовых форм типичных глаголов "постепенного

осуществления". Действительно, Он умирает не значит, что он (постепенно) перестает жить или находится в процессе постепенного ("поступательного") приближения к смерти или "становится все более и более мертвым или умершим" (ср. толкование англ. to die предложенное в связи с анализом англ. прогрессива и "семантики изменения" в /18:202/), так же, как Мальчик совсем засыпает, по-видимому, сообщает не о процессе постепенного "засыпания мальчика", не о том, что он становится "все более и более спящим", а о его сонном состоянии, разумеется, "чреватом" засыпанием как событием, но таким, которое все же мыслится как скачкообразный переход от состояния бодрствования к состоянию сна. Подобным образом, наблюдая за шахматной партией, можно сказать: Саша проигрывает, но это не будет значить, что Саша находится в процессе, закономерным завершением которого будет проигрыш партии; скорее говорящий делает некоторый прогноз о наиболее вероятном исходе партии (как о точечном событии, "происшествии", вызванном неудачной игрой Саши или блестящей игрой его противника, но не подготовленном деятельностью Саши, которую можно было бы назвать "проигрыванием").

Обратим внимание на возможность сочетания с наречиями, указывающими на степень близости описываемого состояния к соответствующему событию (совсем, совершенно, почти и т.п.) что является характерной чертой рассматриваемого типа употребления, ср.: Мальчик совершенно (почти, буквально) засыпал; Он уже совсем (почти) проигрывал, но неожиданный зевок противника позволил свести партию в ничью; Он буквально (совсем) умирал, но это лекарство спасло его и т.п. Снесов. видом предельных глаголов, обозначающим развивающийся процесс (деятельность), наречия такого рода не сочетаются: *Он совсем писал письмо; *Она совершенно пришивала пуговицу; *Она буквально поджаривала мясо; *Он почти читает эту книгу. Критерий сочетания с фазовыми глаголами кончить, завершить (в конструкциях, синонимичных с соотносительной формой сов.вида: Он кончил писать диссертацию — Он написал диссертацию) также отличает рассматриваемые глаголы от глаголов "постепенного осуществления". Он наконец кончил выигрывать — Он наконец выиграл. Вопрос Ну ты, наконец, кончил проигрывать Саше? тоже не имеет в виду конкретно состоявшийся проигрыш ("успешное завершение проигрывания"), а скорее может быть понят в противоположном (и притом общем) смысле (=Не стал ли ты наконец играть не хуже Саша?). Вопрос Кончил ли умирать ваш дедушка? в значении Умер ли ваш дедушка? некорректен не только по этическим, но и по чисто грамматическим причинам (если он и допускает какую бы то ни было интерпретацию, то только как вопрос, означающий приблизительно Стало ли лучше вашему дедушке?)

Таким образом, мы склонны думать, что глаголы типа умирать/умереть не являются "предельными", а составляют особый подтип "происшествий".

Не во всех случаях ясна роль признака контролируемости, несомненно обладающего аспектуальной значимостью. Так, например, делимитативное значение сочетается наиболее свободно со смысловыми элементами [+динам. + контроль]. Наличие хотя бы одного из этих смыслов в структуре производящего глагола представляет собой непременное условие возможности образования производного с делимитативным по-. При этом значение [+контроль] является, кажется, более необходимым "спутником" делимитативного значения. Так, широко употребительны производные постоять, посидеть, полежать со значениями [-динам. +контроль]. Ср., с другой стороны, полную естественность производных повоет и поплачет в приведенном выше примере из "Бориса Годунова" и некоторую странность сочетаний вроде: Буря повоет и перестанет (хотя буря, как известно, может не только "выть", но – при метафорическом употреблении – и "плакать как дитя"). В таких примерах, как: Дождь покапал и прошел или Прыщ и тот сначала почешется, а уж потом вскочит, ощущается, на наш взгляд, некоторый оттенок агентивности субъекта. Способность контроля над ситуацией приписывается адресату (субъекту желаемой "деятельности") в примере: Понравься, еще понравься! (М.Цветаева). Впрочем, возможны и употребления типа: Зуб поболел и перестал [+динам. – контроль], где такой коннотации, по-видимому, нет.

Признак контролируемости должен приниматься во внимание при описании соотношения несовершенного и совершенного видов: глаголы некоторых классов являются "непосредственно эффективными" (в смысле работы /6/) в контексте неагентивности, т.е. выражают значение "осуществленности" независимо от того, в какой видовой форме они выступают, тогда как в контексте агентивности значение успешности некоторой деятельности строго имплицируется лишь совершенным видом глагола, а несовершенный вид может, кроме того, иметь значение деятельности, только направленной к достижению определенного результата, попытки добиться успеха (в том числе и неудачной). Так, например, X пугает У-а приблизительно равнозначно предложению У боится X-а в том, случае, если X – объект, лишенный волевого начала. Так, возможно: Все пугают меня одиночеством, но я не боюсь одиночества (или: но меня совершенно не пугает одиночество), но противоречиво: Меня пугает одиночество, но я не боюсь одиночества.

Ср. также: Она очаровывала нового заведующего всеми доступными ей средствами и в конце концов, кажется, действительно очаровала его (или: ... но все-таки так его и не очаровала), но: Ее голос и артистизм неизменно очаровывали слушателей, где бы она ни пела (было бы невозможно: Ее голос очаровывал слушателей, да не оча-

ровал, или: ... и в конце концов очаровал их).

Различный характер семантического отношения между несовершенным и совершенным видом, зависящий от агентивности/неагентивности субъекта, обнаруживают не только глаголы эмоционального воздействия, но и глаголы других лексических группировок. Например, такие глаголы, как кусать/укусить, будить/разбудить, давать/дать, близкие к типу "предикатов достижения", в сочетании с субъектом-лицом могут трактоваться как глаголы "постепенного осуществления": в контексте целенаправленной деятельности несовершенный вид этих (и подобных) глаголов может выражать не только значение "достигнутого эффекта", но и значение попытки (в частности, не увенчавшейся успехом). Так, в следующем примере форма кусали имеет конативное значение: Как-то ... он схватил рукой локоть и изо всех сил потянулся к нему зубами - вдруг укусишь? - Но, не дотянувшись,... засмеялся довольный: правильно говорят. Кусали, значит, и до него, да не тут-то было (В.Распутин). Ср., однако, странность фраз вроде: *Его кусали осы, но, к счастью, не укусили или: Его долго кусал комар и наконец укусил. Подобным образом фразы типа X будил У-а имплицируют X разбудил У-а (хотя бы однажды), если каузация исходит от неодушевленного Х-а, но может и не иметь такой импликации, если Х - лицо: По утрам его будили пароходные гудки (невозможно: *но разбудить его удавалось только отцу), но: По утрам его долго будила мать, но обычно приходилось звать на помощь отца: только он мог его разбудить.

Глаголы типа давать, дарить также могут в контексте агентивности относиться к неудачно попытке "дать" или "подарить" (в отличие от значения, которое давать, дарить имеют в сочетании с неличным субъектом). Ср.: *Лекции профессора много давали аспирантам, но, к сожалению, ничего не дали. Но возможно: Тебе дали билеты? - Нет, мне давали, но я не взял.

Следует также учитывать возможность окказионального переосмысления семантического соотношения различных видовых форм глагола, принадлежащего к одному классу, по образцу соотношения между видовыми формами глагола другого класса. Так, например, предикатные выражения открывать/открыть дверь, окно и т.п. являются предикатами "постепенного осуществления", тогда как выражения открыть закон всемирного тяготения, открыть Америку и т.п. описывают точечные события (разумеется, подготовленные какой-то предшествующей деятельностью, но не процессом "открывания"). В особых условиях, однако, "открытие" может трактоваться как результат предшествующего "открывания" - ср.: О, будьте уверены, что Колумб был счастлив не тогда, когда открыл Америку, а когда открывал ее; будьте уверены, что самый высокий момент его счастья был, может быть ровно за три дня до открытия Нового Света ...

Л И Т Е Р А Т У Р А

I. Русская грамматика, т. I. Москва, I980.

2. Ю.Д.Апресян. Языковая аномалия и логическое противоречие. - В сб.: "Text. Język. Poetyka".-Warszawa-Wrocław-Kraków, 1978.

3. А.В.Бондарко. Вид и время русского глагола. М., I97I.

4. Т.В.Булыгина. Грамматические и семантические категории и их связи. - В кн.: "Аспекты семантических исследований", М., I980.

5. А.М.Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд., М., I956.

6. Ю.С.Маслов. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке. - "Изв. АН СССР. ОЛЯ", I948, №4.

7. Z.Vendler. Linguistics in Philosophy. - Ithaca, N.Y., 1967.

8. F.Daneš. Pokus o strukturní analýzu slovesných významů. - "Slovo a slovesnost", 1971, № 3.

9. Н.С.Авилова. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., I976.

I0. Ю.Д.Апресян. Типы информации для поверхностно семантического компонента модели "Смысл ⇐⇒ Текст". Wien, 1980.

II. С.А.Крылов. Некоторые уточнения к определениям понятий словоформы и лексемы. - "Семиотика и информатика", в. I9, М., I982.

I2. Т.В.Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке. В кн.: "Семантические типы предикатов", М., I982.

I3. Г.А.Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., I973.

I4. О.Н.Селиверстова. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка. - В кн.: "Семантические типы предикатов". М., I982.

15. Z. Vendler. Telling the facts. - In: "Speech Act Theory and Pragmatics". Dordrecht etc., 1980.

16. A. Wierzbicka. On the semantics of the verbal aspect in Polish. - In: "To honor Roman Jakobson". The Hague-Paris, 1967.

17. A. Wierzbicka. Lingua Mentalis. The semantics of natural language. Sydney etc., 1980.

MÍSTO PREFIXACE V SYSTÉMU SLOVESNÉHO VIDU
(K tzv. prostě vidovým prefixům v češtině)

M. Komárek, ČSSR

1. Stavba vidové korelace v pojetí, které je běžné nejen v české aspektologii, je výsledkem dvou protichůdných vidotvorných postupů: sufixální imperfektivizace perfektiv a prefixální perfektivizace imperfektiv. Tyto postupy jsou ovšem, jak známo, nerovnocenné, neboť čistě vidové dvojice, jejichž slovesa se navzájem neliší co do lexikálního významu, vznikají jenom imperfektivizací. Sloveso, které je bezprostředně utvořeno prefixem, je sice kromě některých výjimek závazně perfektivní, avšak prefix zároveň modifikuje - větší nebo menší měrou - lexikální význam slovesa. To vedlo k názoru, který byl poprvé pregnantně formulován S. Karcevským a jehož zastáncem je v současné slovanské aspektologii zejména Ju. Maslov, že jediné vidové dvojice, které mají reálnou existenci v jazyce, tzv. gramatické vidové dvojice, jsou dvojice vzniklé sufixací (imperfektivizací) dokonavých sloves.

Je však známo, že významový rozdíl mezi imperfektivem a prefigovaným perfektivem bývá nestejně veliký: na jednom pólu stojí dvojice jako hrát - vyhrát, prohrát, jejichž slovesa nelze v textu zaměňovat, na druhém pólu pak dvojice jako psát - napsat, vařit - uvařit, jejichž členy se mohou ve výpovědi střídat podle týchž pravidel jako členy vidových párů utvořených sufixální imperfektivizací (Už jste ten román napsal? : Ne, píši ho. = Už jste ho dokončil? : Ne, dokončuji ho.).

2. Značná sémantická blízkost a někdy skoro naprostá totožnost imperfektiva a prefigovaného perfektiva se vykládá v podstatě dvojím způsobem: (1) V slovesných dvojicích jako psát - napsat, blížit se - přiblížit se sémantická funkce prefixu sice nezaniká, ale jeho význam není s to podstatněji modifikovat význam slovesa proto, že je implicitně obsažen už ve slovese neprefigovaném, např. psát - napsat (tzv. subsumpce v terminologii I. Poldaufa). (2) V slovesných dvojicích jako vařit - uvařit má předpona význam velmi matný (oslabený) a z toho vyplývá její funkce jako předpony prostě vidové (чистая приставка - préfixe vide; např. F. Kopečný, M. Vey aj.). - Často se ovšem subsumpční předpony od prostě vidových nerozlišují (např. V. V. Vinogradov).

Fakt subsumpce je nesporný, ale není dostatečným důkazem o prefixaci jako vidotvorném gramatickém postupu. Svědčí proti tomu ten fakt, že u polysémických sloves jsou subsumpční prefixy vázány na dílčí významy neprefigovaného imperfektiva: prádlo se špiní - ušpiní, zašpiní, dobrá pověst se špiní - pošpiní; obraz se maluje - namaluje, byt se maluje - vymaluje; zelenina se čistí - očistí, šaty se čistí - vyčistí apod. Nemůže tomu ani být jinak, neboť přenesení významu slovesa

na jinou skutečnost dodává ději vyjádřenému slovesem nové rysy: např. u zeleniny odstraňujeme nečistotu z jejího povrchu, kdežto u šatstva proniká nečistota dovnitř tkaniny.

Je zřejmé, že tyto subsumpční prefixy nejsou v slovesném vidovém systému konstituovány jako prostředky primárně vidotvorné. Jejich funkce je především slovotvorná a sémantická - zařazují sloveso do určité třídy sloves, jejichž obsah je pojat obdobně, co se týče tzv. terminativnosti děje (**предельность**): např. sloveso napsat se subsumpčním prefixem patří z hlediska terminativnosti do téže třídy jako slovesa nanést, naložit, navrstvit, nastrojit (dítě) atd., ve kterých prefix na- subsumpční není. I subsumpční prefix je především prostředek explicitního vyjádření sémantického rysu, který se pro slovesný obsah považuje za podstatný. Jediný rozdíl od prefixů nesubsumpčních je ten, že vyjádření tohoto rysu je ve spojení s určitým verbálním základem do jisté míry redundantní. To ovšem neznamená, že je pouze formální: prefigované sloveso se tím výslovně zasazuje do sítě sémantických vztahů, které ve svém celku vytvářejí sémantickou strukturu slovního druhu slovesa.

3. Lingvisté, kteří počítají s rozdílem mezi prefixy subsumpčními a prefixy čistě vidovými, se při předpokladu sufixace jako vidotvorného procesu odvolávají k existenci sémanticky prázdných prefixů, jako je např. český prefix u- v slovesech učinit, udělat, ušít, uschnout apod. F. Kopečný považuje subsumpci za příznačnou pro konkrétní prefixy, jež jsou právě svou konkrétností málo vhodné pro funkci prefixů vidových. U málo konkrétních prefixů jsou podle jeho názoru naopak dobré předpoklady pro široké použití ve funkci prostě vidové, neboť tu "není žádné předem pojaté zábrany v jejich významu" (op. cit., 92). V souvislosti s tím formuluje Kopečný dvě kritéria pro zjištění prostě vidových prefixů: (1) nepotřebnost další vidové imperfektivizace, např. uvařit - *uvařovat; (2) jestliže přesto sekundární imperfektivum (nadpárové) vznikne, je synonymní s imperfektivem neprefigovaným, např. blížit se = přibližovat se (perfektivum přiblížit se). To, že není taková synonymní slovesa možno vždycky navzájem zaměňovat (např. planeta se přibližuje k Zemi, ale jen vánoce se blíží), vysvětluje Kopečný územ.

Pokusíme se ukázat úskalí tohoto pojetí na českém prefixu u-, který Kopečný (op. cit., 129) považuje za ideálně prázdný prefix. Ponecháme přitom stranou ty případy, kdy se prefigované sloveso zřetelně odlišuje od neprefigovaného významem, a tedy je to nesporně nové dokonavé sloveso. Jde tu především o slovesa, ve kterých má prefix u- význam odlukový, např. ubrat, upít, ujít; dále o slovesa jako ubít, uštvat s významem "likvidovat nebo znehodnotit dějem" a o slovesa vyjadřující schopnost, např. uběhne 10 km za hodinu. Samozřejmě nechá-

váme stranou slovesa, ve kterých prefix u- vznikl z v-: upadnout do rozpaků, uvést do pokoje, a případy deetymologizované, např. ublížit.

4. Prostě vidový prefix u- shledává Kopečný např. u těchto sloves (jejich uspořádání je naše a výčet není vyčerpávající):

(A) učinit, udělat, ušít, uplést, upříst, uvít, ukovat, uvařit, usmažit, upéct, ukroutit (cigaretu)...;

(B) umýt, učesat, ustlat, utřídit, uspořádat...;

(C) ukřivdit, uškodit...;

(D) uschnout, uzrát...;

(E) uslyšet, uvidět, ucítit; užasnout, uvěřit...;

Prvnímu kritériu prosté vidovosti vyhovuje z uvedených příkladů pouze část: sekundární imperfektivum je jen výjimkou ve skupině A (vůbec není u sloves učinit, udělat, ušít, ukroutit, uvařit, usmažit, upéct) a zcela chybí ve skupinách C, E. Naopak slovesa skupin B, D sekundární imperfektiva mají: umývat, učesávat (to jen v přeneseném významu), ustýlat..., usychat, uzrávat atd.

Ze tří skupin, jejichž slovesa sekundární imperfektiva nemají, budí největší pochybnost skupina E. Jak správně upozornil F. Daneš, vidová korelace je spojena s implikací rezultativního stavu v o b o u členech korelace: zatímco dokonavý člen vyjadřuje rezultativní stav jako dosažený, u nedokonavého toto vyjádření chybí. Slovesa slyšet, vidět, cítit, žasnout atd. (E) žádný rezultativní stav neimplikují, nemůže tedy jít o čistě vidový vztah.

Zato v ostatních skupinách nedokonavá slovesa rezultát implikují: činit, dělat, péct... (A), mýt, česat... (B), křivdit, škodit... (C), schnout, zrát... (D). K posouzení funkce prefixu u- v perfektivech skupin A - D je tedy třeba přihlédnout k významovému poměru mezi základním imperfektivem a perfektivem, popř. i sekundárním imperfektivem s touto předponou.

5. Pro slovesa skupiny A je příznačné, že jejich objekt většinou vyjadřuje produkt, který vzniká záměrnou činností a který má své specifické vlastnosti, jež bychom mohli označit jako tvarové: vařit/uvařit polévku, šít/ušít šaty, plést/uplést koš, kovat/ukovat podkovu, točit/utočit kornout, kroutit/ukroutit cigaretu, péct/upéct koláč. Velká část těchto sloves sice může mít objektem název materiálu, z něhož produkt vzniká (příst/upříst vlnu, kovat/ukovat železo, smažit/usmažit kuře aj.), ale zaměření na produkt u těchto sloves a zvláště u perfektiv převažuje a někdy je materiál jako objekt slovesa snad i vyloučen (nelze říci *ukroutit si tabák, *ubalit papír). Důležité však je, že i v těch případech, kdy je název materiálu v postavení objektu běžný, je produkt vždy implicitně přítomen: např. uplést vlnu = uplést něco z vlny, uplést vlasy = uplést z vlasů copy apod. Někdy je i nesnadné rozlišit, kdy jde o materiál a kdy o produkt, např. péct/upéct kuře.

Poučná je v tomto směru dvojice vařit - uvařit: je možno říci vařit polévku i vařit vodu, uvařit polévku, ale obvykle nikoli uvařit vodu. Vařením vody totiž nevzniká žádný výrazný produkt, který by byl kvalitativně odlišný od výchozího materiálu.

Slovesa skupin B, C mají výhradně objekt vnější: mýt/umýt auto, třídit/utřídit materiál, křivdit/ukřivdit člověku. Slovesa skupiny D jsou neobjektová a vyjadřují změnu stavu: prádlo schne/uschne, beton tvrdne/utvrdne, ovoce zraje/uzraje. U těchto sloves není výsledkem produkt, nýbrž konečný stav kvalitativně nový, k jehož dosažení buď směřuje záměrná činnost (umýt auto), nebo samovolný přírodní proces (obilí uzraje, prádlo uschne). Prefix u- vyjadřuje dosažení tohoto kvalitativně nového konečného stavu, uzavření procesu.

Ke zpřesnění této formulace může přispět sémantické srovnání základního a sekundárního imperfektiva v některých případech, kdy se sekundární imperfektivum tvoří. Např. v trojici členit - učlenit - učleňovat se imperfektiva významem liší (průplavy člení krajinu - autor učleňuje svůj výklad) a stejně je tomu i v trojici stlát - ustlat - ustýlat (stlát lůžko, také stlát dobytku, ale ustlat lůžko, nastlat dobytku). Stejně jako u sloves typu vařit se i zde projevuje rys záměrné tvarovanosti: ustlat/ustýlat znamená záměrně vytvořit situaci, která má vyhraněný tvar; ve slovese nastlat (dobytku) o takovou záměrnou tvarovanost nejde; učlenit/učleňovat vyjadřuje záměrnou segmentaci materiálu, kdežto členit tento rys postrádá, atd.

Avšak k tomu, aby se tyto vlastnosti perfektiv, která se spojují s prefixem u-, mohly považovat za argumenty proti chápání tohoto prefixu jako prostě vidového, je třeba přihlédnout ještě k dalším skutečnostem:

(1) Prefix u- s týmž významem se v jistém rozsahu spojuje také s dokonavými slovesnými základy: usmířit, uspokojit se, upadnout (chodec upadl), usednout, ulehnout, uspořádat, ustanovit, uleknout se, uposlechnout aj.

(2) Prefix u- s týmž významem je dále v řadě perfektiv, která se významem od základního imperfektiva různou měrou liší: uhladit (kámen), utáhnout (šroub), ucpat, uctít, upnout, urodit se aj.

(3) Týž význam je třeba přičíst prefixu u- také v četných perfektivech deadjektivních nebo desubstantivních, tvořených prefixálně-sufixálním způsobem: ulehčit, ujasnit, ujednotit, ujistit, usnadnit, ucelit, ubezpečit apod.

Soudíme, že slovesa, ve kterých se předpokládá prostě vidová platnost prefixu u-, nelze oddělovat od případů uvedených výše sub (1) - (3). Z toho však plyne, že status prefixu u- v soustavě verbální derivace se v podstatě neliší od statu tzv. subsumpčních prefixů. Jinak řečeno, považovat u- za prostě vidový prefix není dost odůvodněné.

Také prefix u- v dokonavém slovese explicitně vyjadřuje specifický aspekt děje a zařazuje sloveso do příslušné třídy z hlediska terminativnosti děje. Přitom je samozřejmě třeba počítat i s tím, že význam předpony u- může být různě zřetelný a oslabený, až do naprosté deetymologizace, ale ani tím se tato předpona neliší od předpon, kterým se prostě vidová platnost nepřisuzuje (vymyslet, oslovit, prohlásit, objevit apod.). Je to v souladu s obecně uznávanou tezí, že nejen jazyk jako celek, ale i každý jazykový subsystém nebo jazykový jev má vedle svého centra i periférii.

Ve významu předpony u- lze tedy rozlišit dva protikladné významové póly: význam odluky (ulomit, ubrat...) a význam výsledku jako produktu (uvařit) nebo výsledného stavu kvalitativně nového, vzniklého záměrnou činností nebo samovolným přírodním procesem (ustlat; útvrdnout) Je jistě možno předpokládat, že tyto dva významy spolu těsně souvisí (např. umýt znamená jak "zbavit nečistoty", tak "přivést do čistého stavu"), ale to už je další problém, kterým se zde zabývat nechceme.

7. Analýza, o kterou jsme se pokusili u předpony u-, měla by podobný výsledek také u ostatních prefixů tzv. prostě vidových. To pak nutně vede k některým obecným závěrům o vidotvorných postupech v systému slovesa; shrneme je do těchto bodů:

(1) Prefix je v rámci slovesa (kromě zcela ojedinělé gramatické předpony po- ve futuru a zčásti v imperativu) prostředek slovotvorný, vyjadřující mimo jiné různé terminativní odstíny slovesa (způsoby slovesného děje).

(2) Jediným gramatickým vidotvorným postupem je imperfektivizace. O perfektivizaci lze mluvit jen jako o automatickém průvodním výsledku prefixace, ojediněle i sufixace (křiknout).

(3) Jestliže různé tzv. "prostě vidové" dokonavé protějšky vyvozujeme z nedokonavých sloves (např. vařit mléko, polévku → svařit mléko, uvařit polévku), porušujeme tím obecně uznávané pravidlo, že prioritu při zjišťování a oceňování významových a funkčních rozdílů má vždy výraz explicitní nebo výraz stojící v těch pozicích, ve kterých jsou jazykové jednotky od sebe zřetelně odlišeny; např. fonémy, pády apod. nelze zjišťovat a definovat tak, že bereme za východisko neutralizační postavení.

(4) Také primární imperfektiva, která v textech fungují jako protějšky různých prefigovaných perfektiv (Co to děláš? Chci uvařit kaši. Napřed musím svařit mléko. - Tak vař!) lze chápat jako výsledek neutralizace. Např. sloveso vařit je v uvedeném příkladě realizací archilexému. (Samozřejmě jde o neutralizaci v oblasti terminativnosti, a nikoli slovesného vidu.)

(5) Jsou ovšem meze této neutralizace. Ty jsou dány dvěma protichůdnými faktory: požadavky ekonomie v jazyce (tendence k omezení po-

čtu lexikálních jednotek, tj. k maximálnímu využití neutralizace) a omezujícími požadavky roviny sémantické, zvláště limitovanými možnostmi subsumpce.

(6) Neutralizace může být buď závazná, systémová (např. není *uvařovat, *usmažovat), nebo fakultativní (je umývat se i mýt se).

Svými závěry se přikláníme k pojetí, které v aspektologii prosazují zejména S. Karcevskij a Ju. Maslov.

L i t e r a t u r a

F. Daneš. Poznámky k slovesnému vidu z hlediska sémantického. - Opuscula Polono-Slavica, Kraków, 1979, 87-94.

S. Karcevski. Système du verbe russe. Prague, 1927, 92-119.

F. Kopečný. Slovesný vid v češtině. Praha, 1962.

I. Poldauf. Podíl mluvnice a nauky o slovníku na problematice slovesného vidu. - Studie a práce lingvistické, I, Praha, 1954, 200-223.

M. Vey. Les préverbes vides en tchèque moderne. - Revue des études slaves, 29, 1952, 82-107.

Ю. С. Маслов. Роль т. наз. перфективации и имперфективации в процессе глагольного вида, Москва, 1958; материалы IУ съезда славистов.

В.В.Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947, 477-538.

ОПЫТ УПОРЯДОЧЕНИЯ СПОСОБОВ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

П.А.Соболева, СССР

Перфективирующие префиксы являются двухчастными - деривационно-грамматическими. В них обязательно содержится компонент видового значения - перфективатор (**Perf**) и компонент словообразовательного значения - дериватор (D). Смысловая структура перфективирующего префикса может быть записана как **D + Perf.**

Деривационный компонент значения варьируется по шкале от полной смысловой нагрузки, как в словах запеть, отсидеть (срок); искусать, запачкать; выскочить, перепрыгнуть, до ничтожной или даже нулевой: сделать, написать, приготовить и др. Во втором случае формула смысловой структуры префикса принимает вид: $\emptyset$ + **Perf**, т.е. у аффикса остается чисто аспектуальное значение. Справедливо тогда говорить о превращении деривационно-грамматического префикса в чисто грамматический.

Когда D положительно, деривационный компонент значения может нести темпоральную информацию (D_t) квантитативную и локативную (D_q) (D_l). В формуле **D + Perf** D_t, D_q, D_l занимают равноправное с точки зрения словообразования положение, выполняя роль словообразовательного компонента аффикса.

С введением в обращение понятия и термина "способ глагольного действия "**Aktionsart**" /1/ появилась тенденция проводить качественное различие между D_l с одной стороны и D_t и D_q - с другой. D_l считается чисто деривационным компонентом значения, а D_t и D_q принимают на себя отчасти функцию аспектуализаторов, приближаясь по роли к компоненту **Perf**, но не сливаясь с ним.

Обозначая различные темпоральные и квантитативные характеристики действия, как то: начинательность, окончательность, детерминативность, мгновенность; аугментативность, диминутивность, комплетивность, дистрибутивность и др., - D_t и D_q способствуют реализации компонента **Perf**, значение которого определяется либо как "цельность, целостность действия" /2/, либо как "общая результативность" /3/, либо как стремление действия к пределу, устранения представления о длительности" /4/. За локативными префиксами такая функция не признается, и они считаются чисто деривационными. При этом, очевидно, упускается из виду их взаимодействие со вторым компонентом - перфективатором.

Представляется, однако, что без взаимодействия компоненты D_l и **Perf** не могут сосуществовать в пределах одной деривационно-грамматической морфемы, и D_l тоже в какой-то мере является аспектуализатором, хотя бы в том смысле, что D_l всегда выражает отношение действия к пространственному пределу. Невключение локативных префиксальных образований в "способы действия" (или включение их всех в

результативный способ действия, как полагает Ю.С.Маслов, что по существу одно и то же) предполагает менее существенную роль пространственных характеристик для протекания действия, нежели временных и количественных. Это, очевидно, не совсем верно, ибо действие протекает как во времени, так и в пространстве /5/. Стена же, воздвигаемая аспектологами, между "способами действия", т.е. временными и количественными аспектуализаторами D_t, D_q и префиксальными глаголами с локативными приставками, нам кажется искусственной. Аспектуальные ограничители действия могут быть, очевидно, не только временными, но и пространственными.

Способы глагольного действия в грамматиках и специальных исследованиях, как правило, приводятся в виде неупорядоченных перечней. Остается неясным отношение способов действия друг к другу, относительная простота или сложность их значений, подчинение одних значений другим.

Упорядочить значения способов глагольного действия можно с помощью деревьев семантических дифференциальных признаков.

В настоящем сообщении рассматриваются два дерева - дерево темпоральных и дерево квантитативных признаков, традиционно относимых к способам глагольного действия. Третье дерево признаков относится нами условно к способам глагольного действия. Если считать пространственные условия протекания действия также одним из способов действия, то можно построить дерево упорядоченных локативных признаков. Оно рассматривается наряду с другими деревьями.

Необходимость упорядочения семного состава значений способов глагольного действия возникла вследствие того, что приставочные глагольные образования часто описываются с помощью более чем одной качественной характеристики. Например, глаголы типа иззябнуть, измаяться, избегаться, упиться одновременно квалифицируются как отрицательно-результативные, аугментативные и терминативные. Глаголы типа исходить (все дороги), излазить (все горы) являются одновременно интенсивными, кумулятивными и объектно-дистрибутивными. Глаголы типа выжить, выждать, выстоять являются одновременно пердуративными и интенсивными и т.д.

Такой гетерогенный набор семантических характеристик подсказывает целесообразность разделения этих характеристик на гомогенные классы и упорядочения сем внутри них.

Решение этой задачи даст возможность более строгого описания соотношения глагольных значений со способами глагольного действия.

Дерево темпоральных способов действия

Характеристика действия, связанная с временными условиями его протекания и способствующая его перфективации, может быть описана

под углом зрения отношения действия к его временным пределам, а также характера самих пределов. Эти свойства могут быть классифицированы на основе следующего набора дифференциальных признаков (качественных параметров): 1) односторонность/двусторонность временного предела; 2) начальность/конечность предела; 3) однородность/разнородность пределов; 4) ингрессивность/инхоативность действия; 5) абсолютная/относительная финитивность; 6) начальность/конечность временного предела, ограничивающего действия; 7) стремление/не стремление к нулю расстояния между временными пределами; 8) относительно большое/малое расстояние между временными пределами.

На чисто временные характеристики действия накладываются количественные, На рис. I взаимодействие временных и количественных параметров показано пунктирными линиями. См. рис. I.

Сочетание временных и количественных признаков порождает двенадцать терминальных классов глаголов - темпоральных и темпорально квантитативных способов действия. Каждый класс определяется набором порождающих его дифференциальных признаков. Так, например, глаголы взвыть, взреветь, взметнуться и под. описываются как интенсивные с односторонним начинательным пределом, являющимся приступом к неспецифицированному действию (ингрессивные). Глаголы типа забегать, заговорить, засуетиться, запеть и под. описываются как неинтенсивные с односторонним начальным пределом, служащим приступом к длительному действию (инхоативные). Глаголы предсказать, предвидеть, предугадать, предвозвестить, запланировать, запроектировать описываются как такие, конечный предел которых отмечен временем другого, последующего действия. Это глаголы с двусторонними разнородными пределами и т.д.

Дерево квантитативных способов действия

Количественные характеристики действия, связанные с перфективацией глагола, можно упорядочить по следующему набору дифференциальных признаков: 1) кратность/некратность действия; 2) многократность/однократность действия; 3) многоактантные/немногоактантные действия; 4) действие сосредоточено в субъекте/действие направлено на объект (тотально-субъектные/тотально-объектные); 5) действия сосредоточены в субъектах/действия направлены на объекты (дистрибутивность); 6) кумулятивность/некумулятивность; 7) интенсивность/неинтенсивность. См. рис. 2. Тринадцать классов кратных глаголов (действия которых состоят из последовательностей отрезков или квантов) представляют собой существенную часть квантитативных способов действия.

Приведем интерпретацию этих классов:

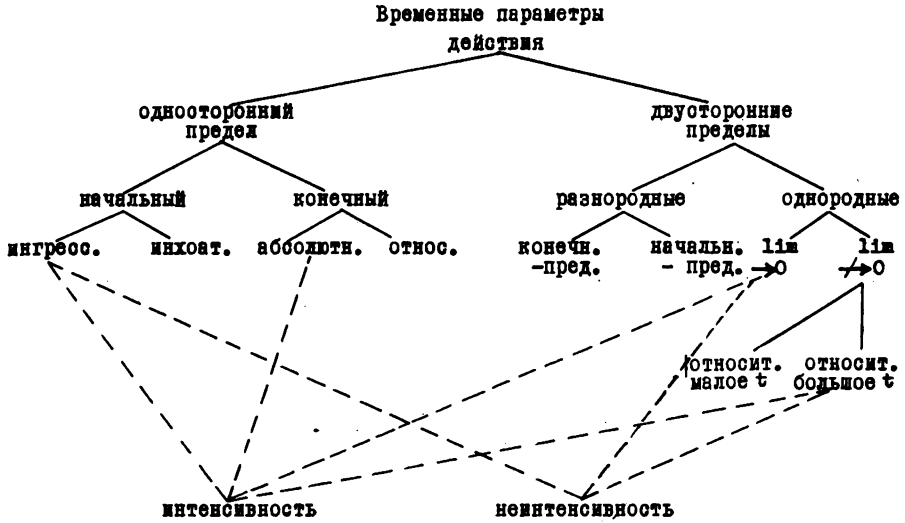

Временные параметры действия
односторонний предел
двусторонние пределы
начальный
конечный
разнородные
однородные
ингресс.
инхоат.
абсолютн.
относ.
конечн. -пред.
начальн. - пред.
lim → 0
lim → 0
относит. малое t
относит. большое t
интенсивность
неинтенсивность

Рис. I.

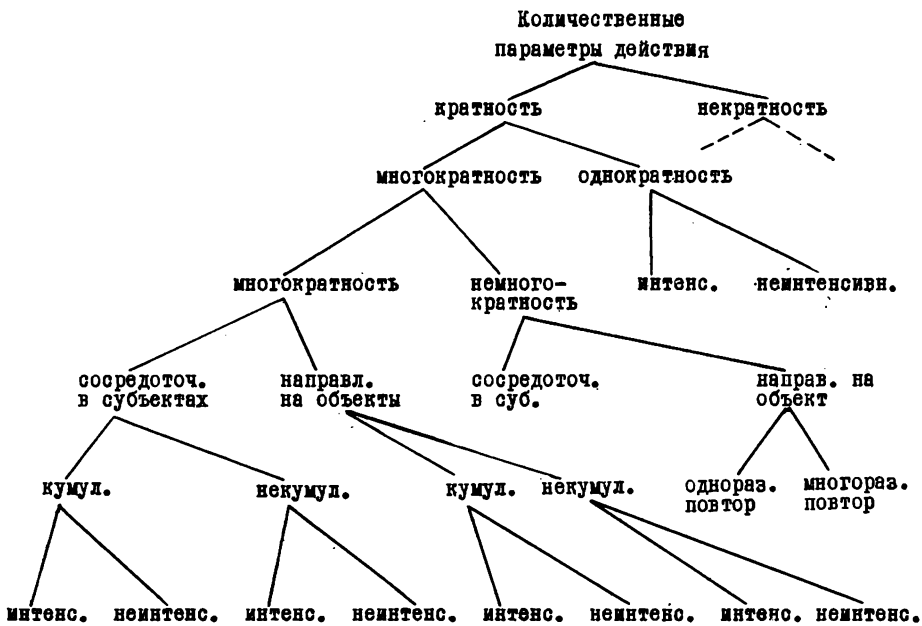

Количественные параметры действия
кратность
некратность
многократность
однократность
многократность
немного-кратность
интенс.
неинтенсивн.
сосредоточ. в субъектах
направл. на объекты
сосредоточ. в суб.
направ. на объект
кумул.
некумул.
кумул.
некумул.
однораз. повтор
многораз. повтор
интенс.
неинтенс.
интенс.
неинтенс.
интенс.
неинтенс.
интенс.
неинтенс.

Рис. 2.

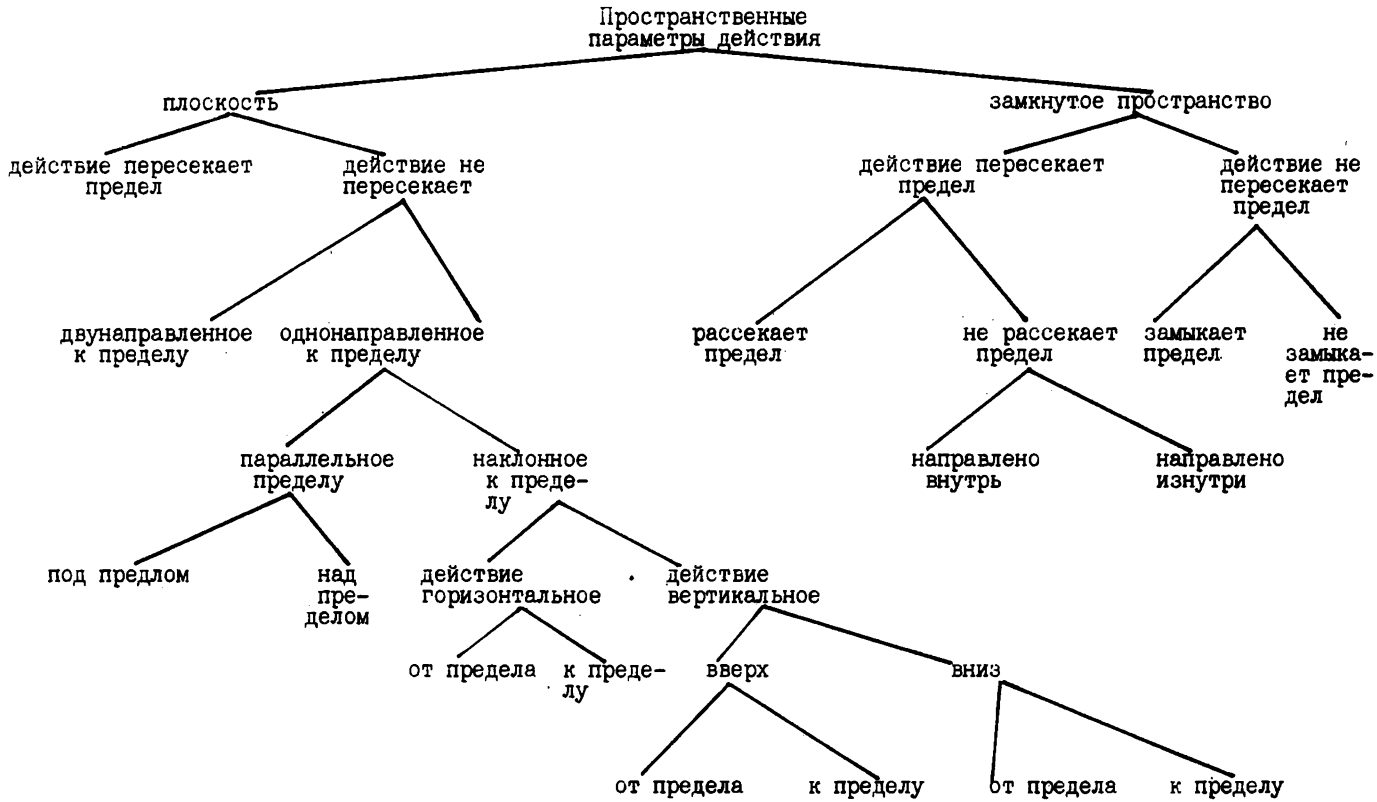

Пространственные параметры действия
плоскость
замкнутое пространство
действие пересекает предел
действие не пересекает
действие пересекает предел
действие не пересекает предел
двунаправленное к пределу
однонаправленное к пределу
рассекает предел
не рассекает предел
замыкает предел
не замыкает предел
параллельное пределу
наклонное к пределу
направлено внутрь
направлено изнутри
под предлом
над пределом
действие горизонтальное
действие вертикальное
от предела
к пределу
вверх
вниз
от предела
к пределу
от предела
к пределу

Рис. 3.

1) долбануть,садануть, звездануть...

2) мигнуть, махнуть, слетать, скаламбурить...

3) обмерзнуть, облипнуть, зацвести (Пруд зацвел), оледенеть...

4) перечитать (снова), перестирать (заново), воссоединить, воссоздать...

5) закапать (скатерть), забрызгать (чернилами), усыпать, уставить...

6) наглупить, нагрешить, накаверзничать (о многих), наехать (Наехало много народу)...

7) (интерпретация не найдена);

8) повскакивать, повыбегать, перемерзнуть, пересохнуть (о многих предметах)...

9) перебывать (во многих местах), переболеть (о многих людях), перемокнуть (о многих предметах), перегаснуть...

10) исходить (много дорог), излазить (все горы), избороздить (океаны), сносить (всю одежду), сгноить (все сено)...

11) приесть (все запасы), исписать (всю бумагу), налетать, наплавать (тысячи километров), навыдергивать...

12) искусать (всех), заморить (собак голодом), повывезти (мебель), расцеловать (сестер)...

13) перепробовать, перечистить (овощи), обшить (всю семью), пересыпать (нафталином одежду)...

Каждый терминальный класс полностью характеризуется порождающими его дифференциальными признаками. Например, глаголы типа перебраковать, перепробовать, перенюхать, перецеловать и под. характеризуются как неинтенсивные, некумулятивные, объектные, многоактантные, многократные. Привычное наименование для таких глаголов - дистрибутивные. Глаголы типа изранить, издырявить, изжалить, изрезать, измазать характеризуются как однообъектные, повторяющиеся много раз, многократные. Привычное наименование - тотально-объектные.

По набору дифференциальных признаков можно судить о семантическом расстоянии одного класса глаголов от другого, а также о семантической сложности класса.

дерево локативных "способов" действия

Характеристика действия, связанная с условиями его протекания в пространстве , может быть изложена под углом зрения отношения действия к его пространственным пределам, а также характера этих пределов. Эти свойства могут быть классифицированы на основе следующего набора дифференциальных признаков: 1) предел представляет собой плоскость/замкнутое пространство; 2) действие пересекает/не пересекает предел; 3) действие направлено к пределу с двух сторон/с одной стороны; 4) действие происходит под/над пределом; 5) действие горизонтально/вертикально в пространстве; 6) действие параллельно/перпендикулярно пределу; 7) направленке действия от

предела/к пределу; 8) действие направлено вверх от предела/к пределу; 9) действие направлено вниз от предела/к пределу; 10) действие нарушает/не нарушает замкнутый предел; 11) действие рассекает/пересекает замкнутый предел; 12) действие замыкает/не замыкает замкнутый предел. Перечисленные двенадцать дифференциальных признака порождают двадцать четыре локативных класса глагола. В качестве конечных составляющих интерпретируются пятнадцать из них.

Каждый класс полностью охарактеризован набором порождающих его дифференциальных признаков. Например, класс глаголов обойти, объехать (вокруг) характеризуется как имеющий предел в виде замкнутого пространства, который не нарушается действием.

Класс глаголов типа разрубить, разделить характеризуется как имеющий предел в виде замкнутого пространства, рассекаемого действием.

Класс глаголов типа осесть, опуститься (на пол), сдезть (с подоконника) характеризуется как направленный перпендикулярно к горизонтальному плоскостному пределу сверху вниз и т.д. См. дерево-локативных пределов на рис. 3.

Предлагаемые деревья семантических дифференциальных признаков помимо иерархического упорядочения способов глагольного действия помогают решать вопросы полисемии либо омонимии префиксальных глаголов, а также определять семантические условия десемантизации, т.е. грамматикализации аффиксальных формантов, превращающиеся в чисто видовые маркеры [6].

Литература

1. S. Agrell. Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte. Lund, 1908; Ю.С.Маслов. Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке. - Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1948, вып. 4.
2. A. Dostál. Studie o vidovém sistému v staroslověnštině. Praha, 1954, 18; Ю.С.Маслов. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). М., 1959.
3. С.Карцевский. Вопросы глагольного вида. - Система русского глагола. М., 1962; И.П.Мучник. О видовых корреляциях в системе спряжения глагола в современном русском языке. - ВЯ, 1954, № 6.
4. В.В.Виноградов. Русский язык. 2-е изд. М., 1972; Н.С.Авилова. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
5. С.Ковачев. К вопросу о категории времени и вида. - Болгарска русистика, 1977.
6. П.А.Соболева. Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1980.

О СООТНОШЕНИИ ЧАСТНЫХ ВИДОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ С ГЛАВНЫМИ ЗНАЧЕНИЯМИ ВИДОВ

М.Я.Гловинская, СССР

В настоящей статье рассматривается вопрос о том, как соотносятся частные видовые значения с главными значениями соответствующих видов. Вопрос этот специально не изучался, хотя выяснение его необходимо для решения более общей проблемы - каков характер семантического противопоставления совершенного и несовершенного видов в целом.

Попутно мы ставим перед собой еще одну, более узкую задачу - сопоставить некоторые близкие частные значения совершенного и несовершенного видов. Это относится к потенциальному и узуальному значениям обоих видов.

Наилучшим способом решения данной задачи было бы исчерпывающее истолкование главных и всех частных значений обоих видов /I/. Это позволило бы выявить семантический инвариант каждого вида, если таковой имеется, и сопоставить общее значение совершенного вида с общим значением несовершенного вида. Однако, ввиду небольшого объема статьи и сложности выполнения подобной задачи, мы ограничимся пока менее строгим и менее полным описанием.

Как известно, главные видовые значения - это (актуально)-длительное значение несовершенного вида (Смотри, Петя решает задачу) и так называемое "точечное" значение совершенного (К вечеру Петя решил задачу). В соответствии с вышесказанным, мы не будем давать полного толкования главных значений совершенного и несовершенного видов /2/, а условно обозначим их весьма сложные смысловые корреляты как действие в протекании для несовершенного вида и действие в результате для совершенного. Вопрос о соотношении частных значений видов с главными сводится, таким образом, к вопросу о том, как представляют действие частные видовые значения - в протекании или в результате. Обратимся к частным видовым значениям.

Частные значения несовершенного вида.

I. О б щ е ф а к т и ч е с к о е з н а ч е н и е (рассматриваются только формы прошедшего времени) представлено во фразах следующего типа: Обложка у меня будет белая, а на ней пятном сядет собака. Будет просто, но хорошо. Рисовал художник Степанов, ярый охотник, изучивший собак до тонкостей (А.П.Чехов).

В своей главной - результативной - разновидности общефактическое значение обозначает действие, которое имело результат в прошлом, причем момент существования этого результата является неопределенным и говорящему неизвестно, сохранился ли этот результат до момента речи /3/.

Таким образом, общефактическое значение несовершенного вида,

указывая на достигнутый результат, соотносится с главным значением совершенного вида. Тем не менее, оно не синонимично ему.

Можно отметить, по крайней мере, два различия. Первое различие связано с тем, что совершенное прошедшее и несовершенное общефактическое по-разному характеризуют тот момент времени, в который имел место (вернее, начал иметь место) результат действия. Несовершенное общефактическое характеризует этот момент как неопределенный: Вы когда-нибудь читали "Войну и мир"? – вот наиболее типичный контекст для общефактического. Совершенное точечное в прошедшем времени характеризует этот момент как определенный. Нельзя сказать *Вы когда-нибудь прочли "Войну и мир"? И наоборот, временные обстоятельства, обозначающие определенный момент, легко сочетаются с формами совершенного вида прошедшего времени и не сочетаются с формами общефактического. Ср.: В три часа я вернулся домой и В три часа я возвращался домой (последняя фраза никак не может быть осмыслена в общефактическом значении). Второе различие в значениях сравниваемых форм состоит в следующем. Совершенное точечное характеризует результат действия как сохраняющийся до момента речи, если это специально не отменяется контекстом [4], а общефактическое означает неизвестность того, сохраняется ли результат данного действия в момент речи. Ср. Я послал сына в магазин (в момент речи сын в магазине или в пути, т.е. результат того, что его послали, сохраняется) – Я посылал сына в магазин (неизвестно, где в момент речи находится сын, в частности, он может быть в магазине, в пути, уже вернуться из магазина).

2. У з у а л ь н о е з н а ч е н и е представлено во фразах типа Нынче взяток не берут (М.Зощенко), Обычно он отворял ворота не торопясь, петли их визжали длительно и лениво (М.Горький). Здесь обозначается действие, которое происходит обычно или постоянно.

Рассмотрим некоторые фразы с узуальным значением. Он все делает медленно – медленно ест, медленно одевается. Больная причесывается с трудом. Обстоятельства медленно, с трудом в этих фразах характеризуют то, как протекает действие, глагол обозначает обычное, повторяющееся действие в его протекании. Во фразах же Он всегда одевается по моде. Она причесывается со вкусом, обстоятельства по моде, со вкусом характеризуют только результат действия, следовательно, глагол представляет обычное, повторяющееся действие в его результате (в этом случае он синонимичен причастиям одета, причесана, обозначающим именно результат действия).

Во многих случаях мы сталкиваемся с ситуацией неопределенности: языковые средства недостаточны, чтобы понять, представлено ли узуальное действие в протекании или в результате, например,

Перед сном он всегда читает газету. Неясно (и неважно), отводится ли какое-то время перед сном процессу чтения газеты (действие в протекании) или газета прочитывается целиком (действие в результате).

В целом узуальное значение несовершенного вида можно истолковать как 'обычно делать или иметь свойство делать, причем действие представлено в протекании или в результате'. Таким образом, оно соотносится с главными значениями обоих видов.

3. П о т е н ц и а л ь н о е з н а ч е н и е представлено во фразах типа А играет - убей меня гром, коли на свете еще кто-нибудь так играл, как Зобар (М.Горький). Здесь обозначается действие, которое умеет совершать субъект.

Рассмотрим некоторые примеры. Она хорошо/ красиво танцует. Ребенок уже хорошо ходит. Этот актер хорошо уходит со сцены (т.е. умеет уходить). Обстоятельства хорошо и красиво характеризуют то, как протекает действие, глагол обозначает действие в его протекании. Во фразе Она хорошо/ красиво рисует/ вышивает обстоятельства хорошо и красиво характеризуют результат действия (имеется в виду, что ее рисунки и вышивки красивы), а не то, как протекает процесс рисования и вышивания.

Следовательно, в данном случае несовершенный вид обозначает умение совершать какое-то действие, причем действие представлено в его протекании или в его результате, т.е. соотносится с главными значениями как несовершенного, так и совершенного видов. Ниже мы еще раз коснемся потенциального несовершенного.

4. "Н а с т о я щ е е ж и в о п и с н о е" (термин А.М.Пешковского). Под этим названием мы представим здесь несколько разных значений или, по крайней мере, разных типов употребления формы настоящего несовершенного, объединяемых на том основании, что они имеют весьма сходные толкования. К "настоящему живописному" можно отнести следующие случаи употребления форм несовершенного вида:

"настоящее историческое", например, Подавленный тоской, подгоняемый ветром, я бессильно брел по улицам. Вот и наш домишко ярко светит окнами в черном мраке под деревьями (И.Бунин);

так называемое "настоящее изложение", используемое в либретто, например, В Барселоне праздничное оживление. Дочь трактирщика Китри любезничает с влюбленным в нее цирюльником Базилем. Отец Китри, Лоренцо, увидев их вместе, прогоняет Базиля (Либретто балета "Дон Кихот");

"оценическое настоящее", используемое в сценических ремарках, например, Скрывается и немедленно за его исчезновением доносится гул смеха (М.Булгаков, Мольер);

"настоящее воображаемого действия", например, И Ромашов пора-

зительно живо увидел себя ученым офицером генерального штаба... Профессора сулят ему блестящую будущность, предлагают остаться при академии, но - нет - он идет в строй (А.Куприн).

Рассмотрим следующий текст:

Морские волны выбрасывают (действие в результате) израненное тело Цезаря на берег. Постепенно он приходит в себя (действие в результате) и прислушивается (действие в протекании) к разговору двух воинов, в которых узнает (действие в результате) Секста и Акиллу.

Этот текст может относиться к любому из перечисленных выше типов, в чем легко убедиться, добавляя к нему специфические контекстные показатели, например, показатель прошедшего времени для настоящего исторического, показатель будущего времени (ср. слова типа представлять, воображать) для "настоящего воображаемого" действия и т.д.

Как видно из текста, глаголы в "настоящем живописном" могут обозначать действие и в результате, и в протекании. Общее толкование "настоящего живописного" (без того, что различает эти типы) выглядит следующим образом: 'Действие, представленное в протекании или результате, не происходящее в момент восприятия речи, причем говорящий (автор) хочет, чтобы адресат представлял себе называемые события как бы происходящими на его глазах в момент восприятия' /5/.

5. Экспозитивное, повествовательное настоящее представлено в таких фразах как Платон пишет, что идеи вечны. В своем романе Пушкин изображает мелкопоместное российское дворянство. Мама говорит, что можно пойти в кино.

С первого взгляда очевидно, что формы настоящего времени в этом случае обозначают действие в его результате, притом действие, относящееся к прошлому. Интересен вопрос, чем же отличается значение этих форм - с одной стороны - от значения форм прошедшего времени совершенного вида (Платон написал, что идеи вечны. В своем романе Пушкин изобразил мелкопоместное российское дворянство. Мама сказала, что можно пойти в кино), и с другой стороны - от общефактического значения несовершенного вида (Платон писал, что идеи вечны. В своем романе Пушкин изображал мелкопоместное российское дворянство. Мама говорила, что можно пойти в кино)?

Особенность значения этой формы была тонко уловлена Г.Галтоном, он отметил, что внимание говорящего сосредоточено здесь на содержании того, о чем "пишет", "говорит" и т.д. субъект этих действий, и ценность этого содержания, по мнению говорящего, сохраняется до момента речи и можно ожидать, что будет сохраняться и впредь /6/.

Частные значения совершенного вида.

I. П о т е н ц и а л ь н о е з н а ч е н и е совершенного вида, как известно, выражается личными формами будущего времени и инфинитивом: Любой поймет эту простую истину. Он решит самую трудную задачу. На этот поезд нам уже не успеть (т.е. сможет понять, решить, не сможет успеть и т.д.). Очевидно, что это значение представляет действие в его результате.

Описывать потенциальное значение совершенного вида удобно, сравнивая его с потенциальным значением несовершенного вида.

Потенциальное несовершенное:

Петя поднимает 20 кг ('может поднимать'). Эта фраза означает, что

I. Петя уже (неоднократно) поднимал 20 кг.*

2. На основании этого говорящий считает, что Петя может, умеет и теперь это делать.

Потенциальное совершенное:

Петя поднимет 20 кг ('сможет поднять'). Эта фраза не означает, что Петя уже поднимал 20 кг. Она значит, что

I. Говорящий располагает какой-то информацией (например, представлением Петиной внешности, о его физической силе и т.д.).

2. На основании этой информации говорящий с уверенностью утверждает, что Петя сможет поднять 20 кг.

У з у а л ь н о е з н а ч е н и е совершенного вида мы будем рассматривать только в его подзначении 'иметь свойство так делать': Он запутает самый простой вопрос.

Это подзначение совершенного вида реализуется лишь в контексте кванторных или кванторно-модальных слов типа всегда, никогда, вечно, обязательно, самый, никакой и т.д. Узуальное значение совершенного вида также удобно рассматривать, сравнивая его с узуальным значением несовершенного вида.

Узуальное несовершенное:

Ты вечно отрываешь меня от работы. Она всегда говорит что-нибудь некстати. Эти фразы означают, что данное действие происходило много раз и попрежнему происходит в широко понимаемом настоящем (включающем недавнее прошлое).

Узуальное совершенное:

Вечно ты оторвешь меня от дела. Всегда, она что-нибудь некстати скажет.

---

* Это обстоятельство было отмечено независимо Т.В.Булыгиной в докладе, прочитанном на этом же самом заседании.

Эти фразы означают следующее.

I. 'Данное действие (представленное в своем результате) происходило много раз'. Выражение многократной повторяемости действия - прерогатива глаголов несовершенного вида (ср. узуальное значение несовершенного вида и итеративный способ действия). Узуальное совершенное, таким образом, включает не только главное значение совершенного вида, но и специфические элементы из частных значений несовершенного вида. Пока это единственный отмеченный нами случай такого рода для совершенного вида.

2. 'Говорящий уверен, что данное действие может осуществляться указанным образом и впредь, постоянно' [7].

3. Экспрессивный, эмоциональный компонент отчетливо ощущается в значении этих форм, однако сформулировать его крайне непросто. Дело в том, что в разных случаях компоненты со значением экспрессии, эмоции различны. В большинстве случаев выражается просто некоторое эмоциональное состояние говорящего, отличное от нейтрального; какая-то оценка данного действия, но какая именно - не всегда можно узнать из языкового контекста, для этого необходимо знание внеязыковой ситуации. Экспрессивность этих форм заметна при сравнении их с формами несовершенного вида в соответствующем употреблении: ср. Он всегда ворвется/врывается без стука.

Имеется объективное подтверждение существования эмоционального компонента в значении этой формы. Дело в том, что для фраз с этими формами, в отличие от форм несовершенного вида, естественным и обычным является порядок слов с выносом обстоятельства в начале фразы: Вечно он все испортит - Он всегда все портит; Он каждому поможет - Он помогает каждому и т.д.

Выводы.

I. Частные видовые значения включают в свои толкования какие-то элементы главных видовых значений - либо того же самого вида, либо противоположного, либо обоих. Сложный вопрос о том, как именно включаются эти элементы в толкования частных значений, в данной статье не рассматривался; он может быть решен только при наличии полных толкований - главных и частных значений.

2. Частные видовые значения в большинстве своем являются или модальными (включающими в свои толкования модальные смыслы возможности, необходимости и т.д.), или модусными (включающими в свое толкование модальные рамки, т.е. такие части толкования, в которых формулируется отношение говорящего или слушающего к содержанию высказывания).

3. На основании рассмотренного материала можно сделать побочный вывод о применимости понятий маркированности-немаркированности к оппозиции видов.

Граммемы совершенного и несовершенного видов многозначны. При этом значения каждой граммемы сложно пересекаются с другими значениями этой же граммемы и значениями граммемы другого вида, включают в себя и уникальные, не повторяющиеся в других значениях элементы. Поэтому очевидно, что эти граммемы (если каждую рассматривать во всей совокупности ее значений) не образуют привативной оппозиции.

Литература

I. О толковании граммем см.: Ю.Д.Апресян. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл⇐Текст". - Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband. I. Wien, 1980, 62-67; Он же. Принципы описания значений граммем (в печати).

2. О смысловом корреляте главных значений совершенного и несовершенного видов см.: Ю.С.Маслов. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке. - Изв. АН СССР.ОЛЯ, 1948, вып. 4, 303-316. A.Wierzbicka. On the Semantics of the Verbal Aspect in Polish. - To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday. Mouton, The Hague - Paris, 1967, 2231 - 2249. A.Bogusławski. К вопросу о семантической стороне глагольных видов. - Z polskich studiów slawistycznych. Ser. 4. Językoznawstwo. Prace na YII międzynarodowy kongres slawistów. Warszawa, 1972, 227-232. М.Я.Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.

3. Об общефактическом значении см.: О.П.Рассудова. Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968, 17-30, 37-44. J. Forsyth. A Grammar of Aspect. Cambridge, 1970. М.Я.Гловинская. Общефактическое значение несовершенного вида (формы прошедшего времени). - Проблемы структурной лингвистики 1978, М., 1981, 108-125.

4. В.В.Виноградов. Русский язык. М., 1957, 562-563.

5. А.М.Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, М., 1935, 190-191; В.В.Виноградов. Указ. соч., 572-573.

6. H. Galton. The Main Functions of the Slavic Verbal Aspect. Skopje, 1976, 17.

7. А.В.Бондарко отмечает в значении этих форм "модальный оттенок": "Постоянная потенциальная возможность осуществления действия, представленная как свойство субъекта" (А.В.Бондарко. Вид и время русского глагола. М., 1971, 106-107).

ВЗАИМООТНОШЕНИЯТА МЕЖДУ АСПЕКТУАЛНОСТТА И ПАРТИТИВНОСТТА НА СИНТАКТИЧНО РАВНИЩЕ

КАЛИНА ИВАНОВА, БЪЛГАРИЯ

Основно средство за изразяване на семантичната опозиция /±партитивност/ в синтетичните славянски езици е морфологичната опозиция акузатив:партитивен генитив. Наред с нея съществуват (като успоредно, понякога подсилващо средство) и редица други изразители – лексикални елементи за означаване на определено количество или цялост, партитивни предлози и др.под.

Известен факт е, че в развитието си към аналитизъм българският език е изгубил основното средство за изразяване на посочената семантична опозиция. Поради нейната важност обаче морфологичните съпътствуващи средства, въпреки тяхното активизиране и нарастналата им фреквенция, не са се оказали достатъчни, за да запълнят възникналата празнота. Ролята на компенсационно средство се поема от специфичната за българския език членна морфема, която е свързана първично с експлициране на категорията определеност. С изразяване на категорията /±партитивност/ членната форма се натоварва като с вторична функция.

Изразяването на опозицията /±парт/ става на синтактично равнище, в рамките на глаголната фраза, която в случая има минимална задължителна структура глагол + зависим от него именен член (пряко или непряко допълнение). При това се засилва ролята на глаголната (и специално на аспектуалната) семантика.

Наблюденията върху съвременния български език показват, че аспектуалната характеристика на глагола не е безразлична към начина на изразяване на опозицията /±парт/, т.е. че тя 1)в редица случаи може да налага ограничения върху формалната (морфологичната) характеристика на зависимия от глагола именен член или 2)да предизвиква усложняване в синтактичното изразяване на желаната семантика. Имам пред вид по-специално, че глаголите от някои начини на действие (НД) при свързването си с пряк обект съществително име, което не е придружено от определение, поставят повече или по-малко твърди условия към това съществително: то може да изразява само тоталност /-партитивност/ – и тогава е членувано, или само /+партитивност/ – и тогава е нечленувано.

Настоящите наблюдения са осъществени само върху материали от съвременния български книжовен език, при все че предполагам възможност за известна – макар и по-различно изразена – връзка между аспектуалните характеристики и възможността за изразяване на /±парт/ и в синтетичните славянски езици. Доколкото ми е известно, в славистиката подобни наблюдения не са правени.

Досегашните изследвания върху партитивността са насочени към лексикалната и морфологичната характеристика на именния член, чрез

който се изразява партитивност, и остават на заден план участвуващия във фразата глагол. При това все още не е съставен репертоар на глаголите, които участвуват в състава на този тип фрази. Впрочем това е отделна и твърде интересна задача, която изисква специално внимание.

Налага се да направя следната уговорка. Наблюдаваното от мене явление има по-скоро характер на тенденция, отколкото на строга закономерност. Спирам се на нея, защото, както изглежда, тя изпълнява известна роля при структуриране на изречението, като показва още едно отражение на аспектуалността в синтаксиса и разкрива наличието на определени взаимоотношения между две на пръв поглед твърде отдалечени семантико-функционални полета, хвърляйки мост между тях. Описанието може да намери приложение при машинна обработка на езиков материал за различни цели.

Ето как изглеждат фактите.

I. Глаголите, принадлежащи към някои НД, напр. към едноактния, многоактния, итеративно-атенуативния, комплетивния и резултативно-абкурсивния, участвуват в състава на фрази VO_4 с партитивно значение. Това твърдение се дешифрира по следния начин.

Глаголите от посочените НД, семантиката на които позволява означаване на /+парт/, участвуват само в състава на VO_4-фрази, в които O_4 е нечленувано съществително име.

(Терминологията и метаезиковите дефиниции на НД са същите, които съм използувала в: Начини на глаголното действие в съвременния български език. С., 1974, 145 с.)

Нека разгледаме най-напред едноактния и многоактния НД, чиито семантични характеристики са широко известни. Употребени в състава на фраза, състояща се от глагол и съществително във функцията на пряк обект, глаголите от типа на близна, лизна, резна, пийна, скубна, смукна, сръбна, хапна и др., както и глаголите близвам, лизвам, резвам, хрусвам, чупвам, щипвам и др. изискват в позицията на прекия обект нечленувано съществително. При това фразата (като цяло) има партитивно значение, срв. напр. фрази от типа на сръбнах чорбица, близни си мед, пийнах мляко, чупвах му хляб. Минимални фрази с членуван пряк обект в тези случаи са невъзможни, срв. *пийни си водата, *чупвах му хляба.

Изразяването на /+парт/ при споменатите НД не е задължително и абсолютно, поне в класическия смисъл на категорията. Имам пред вид, че в състава на фрази, включващи разглежданите глаголи, може да се появи членуван пряк обект, но само при задължително присъствие на разгърната фраза, чрез която да се ограничи до определени размери дефиниционната област на действието, срв. напр. Да хапна ли останалото грозде? Пийвах мляко, което редовно ми оставяха. Сръбни тази супа, че да се освободи чинията и др. под.

Впрочем това допълнително ограничаване на обекта може да бъде интерпретирано като разновидност на изразяването на /+парт/. Такъв подход се потвърждава от широко разпространените фрази, в които обектът е известен (определен) или е схванат като единно цяло, а партитивността се маркира чрез употреба на партитивния предлог от, срв. сръбнах супа и сръбнах от супата (във втория случай – част от вече известна, определена по някакъв начин супа), Винаги му чупвах хляб и Винаги му чупвах от хляба, който носех.

Че семантиката на едноактния и многоактния НД има пряко отношение към изразяването на категорията партитивност, показват съпоставките с глаголи, произведени от същия корен, но принадлежащи към друг начин на действие, които имат друго поведение в разглежданите фрази. Срв.напр. чупя хляб и чупя хляба, начупих хляб и начупих хляба, начупвах хляб и начупвах хляба, но чупнах хляб, чупвах хляб при невъзможно *чупнах хляба, *чупвах хляба.

Дефективните по вид (само несвършени) итеративно-атенуативни глаголи, които означават осъществяване на действието на производния глагол с прекъсвания и в слаба степен, срв.напр. похапвам, подоквам, понизвам, пощипвам, пободвам, попийвам, подонасям, подъвквам и др.под. могат да структурират фрази $ГО_4$ с нечленуван обект и партитивно значение, срв. похапвам диня, подонасям вода, понизвам тютюн, попийвам вино, но не са в състояние да изразяват цялостно обхващане на обекта от действието, срв. невъзможните фрази *похапвам динята, *подонасям водата, *понизвам тютюна, *попийвам винето. Трябва да се отбележи същевременно, че глаголите от този НД, които не се свързват с партитивна семантика, влизат в състава на фрази $ГО_4$, в които $О_4$ се експлицира от членувано съществително, изразяващо определеност, срв.напр. помирисвам розите, пообмислям положението.

Този факт показва, че синтактичното равнище се осъществява в резултат от твърде сложни съотношения между лексикалната и граматичната семантика: в дадения случай глаголите от състава на итеративно-атенуативния НД, чиято лексикална семантика предполага определено отношение към категорията /±парт/, се свързват задължително с изразяването на /+парт/ на синтактично равнище в състава на минималната $ГО_4$-фраза, докато глаголите от същия НД, чиято лексикална семантика изключва присъствието им във фраза, изразяваща /±парт/, предявяват други изисквания към лексикалната семантика и морфологията на своя пряк обект.

Може би най-типичен представител на маркираните с /±парт/ НД е комплетивният, който означава подновяване на извършването на вече осъществявано действие, при което се постига допълнителен резултат. И тук липсата на членна морфема при името, което функционира като пряк обект, се свързва с категорията /±парт/, срв.напр. прикупих

дърва, додавах пари, но не и *прикупих дървата, *додавах парите. Ако в позицията на пряко допълнение се окаже съществително, което не означава "додаваната" субстанция, то може (и обикновено трябва) да се членува, срв.напр. досипах черени, но не *досипах черените, но, от друга страна, досипах чинията, а не *досипах чиния. Както беше вече посочено, необходимостта да се изрази партитивност посредством нечленуван обект се отстранява, ако дефиниционната област на разпространение на действието се ограничи в състава на една по-сложна фраза, съдържаща определители, срв.напр. Добавих парите, които не достигаха, Прикупих още малко от по-сухите дърва.

Задължително /+парт/ изразяват фразите със състав VO_4, когато глаголът принадлежи към резултативно-абкурсивния НД. Глаголите от състава на този НД означават извеждане на субекта или обекта на действието извън неговата собствена дефиниционна област, срв.напр. отрязвам сирене, отчупих хляб, отливам мляко, отсипах супа, но невъзможните *отрязвам сиренето, *отчупих хляба, *отливам млякото, *отсипах супата. Както показват примерите, при глаголите, способни да изразяват партитивност, извън обсега на действието се извежда само част от обекта на действието, ако неговият граматичен изразител е пряк обект без определения. Пример от типа на Отрязах хляба, който ми се полагаше или Отсипах малко от супата, където чрез допълнителни средства се ограничава дефиниционната област на действието, може да бъде разглеждан като разновидност в изразяването на партитивността. (Подобни примери вече бяха посочени по-горе.)

Интересно е да се отбележи, че при резултативно-абкурсивните глаголи прекият обект се членува задължително, ако чрез името, което го експлицира, се означава интегрална част от по-голяма цялост, срв.напр. отхапах му ухото, отрязали му носа, отхапвах крайчето, което ми се виждаше най-препечено, но не и *отрязали му нос, *отхапвам крайче. От друга страна, както отбелязахме, отхапа хляб е граматично правилна фраза, докато *отхапа хляба не е.

Наличието на правилни фрази от типа на река сирене и, успоредно с нея - река сиренето, на налях мляко и налях млякото показват, че изразяването на /+парт/ наистина се определя от семантиката, привнасяна от представката от-, която в случая маркира определен (абкурсивно-резултативен) НД.

II. Глаголите от друга група НД (напр. от резултативно-дефинитивния, резултативно-циркумкурсивния, резултативно-панкурсивния, резултативно-панкурсивно-дистрибутивния, изобщо начини на действие, обединени от семантика, която показва изчерпване на действието или на неговата дефиниционна област) проявяват склонност към структуриране на фрази, маркирани с /-парт/.

Това означава, че в състава на фразите VO_4, с които се изразя-

ва количество, действието се разпространява върху целия обект, така че името, което го изразява, е винаги членувано.

Да разгледаме фактите.

В състава на фразите VO_4 глаголите от резултативно-дефинитивния НД, означаващи осъществяване на действието до крайната му фаза, не са в състояние да изразяват /+парт/, срв.напр. добраха ябълките, но не и *добраха ябълки, доших чая, но не и *доших чай, доблизвам меда, но не и *доблизвам мед. Еднакво невъзможни са също така и фрази от типа на *доших от чая, *доблизвам от меда, включващи в състава си партитивния предлог от.

При резултативно-дефинитивните глаголи, поради ярко подчертаната им НД-семантика, в позицията на пряк обект изобщо много трудно може да се реализира нечленувано съществително, включително и в онези случаи, когато то не изразява отношение към категорията /+парт/. Според моите наблюдения това е възможно само при изпълнение на следните условия: глаголът е в несвършен вид, а името, функциониращо като обект - в множествено число, срв.напр. Тези три месеца довършвахме апартамента. Цял ден доплитах чорапи.

Към тази група НД трябва да причислим и резултативно-циркумкурсивните глаголи, с които се означава разпространяване на действието по цялата повърхност на обекта, срв.напр. оръфах хляба, препених супата, оглозгах кокалите, но невъзможните *оръфах хляб, *препених супа, *оглозгах кокали. Резултативно-циркумкурсивните глаголи могат да участвуват във фрази, изразяващи /+парт/, но само в условията на модифицирани лексикално-синтактични условия, срв.напр. Обелих няколко ябълки (малко от ябълките). Замазах част от стената. В минимален контекст глаголите от този НД, които не участвуват в изразяването на количествена определеност, могат да бъдат придружени както от членувани, така и от нечленувани обекти, срв.напр. очертах окръжност и очертах окръжността, препасах престилка и препасах престилката. Чрез фрази от типа на обърсах прибори за леля или обърсах прибори за новите гости отношение към категорията /+парт/ в класическия смисъл също не се изразява. Уговаря се частта от дефиниционната област, засегната цялостно от действието.

Тук е мястото да бъде отбелязан и резултативно-панкурсивният НД, чиито семантика изисква разпространение на действието върху цялата дефиниционна област на обекта. Както се вижда, в този случай фразата VO_4 не е в състояние да изрази партитивност по дефиниция, вж. напр. невъзможното *оскубах бурен (срв. при друг НД - наскубах бурен). Също така невъзможни са изрази *преброих хора, *застроика улица и мн.др. Разбира се, и при този НД може да се генерира партитивна фраза чрез използуване на лексикални и синтактични средства, срв.напр. Очешках малко вълна, Преброих част от овцете и др.

под. (Използувайки като класификационен критерий наблюдаваната тук особеност, бих направила една поправка в цитираното по-горе мое изследване върху българските НД: там неправилно съм причислила към резултативно-панкурсивния НД някои глаголи от типа на загребвам, закупувам.)

Маркирани с /-парт/ са също така резултативно-панкурсивно-дистрибутивните по НД глаголи, означаващи разпространяване на действието върху всички обекти, включени в определена област. Тези от свързаните с тях имена, които могат да изразят количество, са винаги в множествено число и са членувани, ако изпълняват функцията на пряк обект, срв. напр. изкупих вестниците, потроших чиниите, изпокъсвах копчетата, но не и *изкупих вестници, *изпокъсвах копчета. Възможности за израз на партитивност отново дава усложняването на фразата, срв. напр. Изкупих част от вестниците, Потроших много чинии и др. под.

Общорезултативният НД няма единно поведение по отношение на изразяването на /±парт/. Изглежда, че тук "си казват думата" някои малки разлики в семантиката на отделните глаголни представки, които го формират. Така глаголите, образувани с представките из-, по-, при- са маркирани с /-парт/, обстоятелство, обуславящо участието им във фрези $ФО_4$, в които позицията на обекта се заема от членувано съществително и които изразяват тотално обхващане на обекта, т.е. /-парт/. Срв. напр. изблизвам меда, изяждам макароните, посолявам супата, прегълтам хляба, привършвам брашното, но *изблизвам мед, *изяждам макарони, *посолявам супа, *прегълтам хляб, *привършвам брашно.

Разбира се, както и при по-горе разгледаните НД, в една малко по-усложнена конструкция същите глаголи могат да изразяват партитивност, срв. напр. Изблизах част от меда, Изсърбах няколко лъжици супа, Изядох малко макарони. Трябва да се отбележи същевременно обаче, че са невъзможни фрази от типа на *изблизах от меда, *изядох от сиренето. Някои словообразователни групи от общорезултативния НД (глаголите, образувани с представките на- и с-) проявяват неутралност към изразяването на партитивността, срв. напр. наготвих боб и наготвих боба, налоих мляко и налоих млякото, смилам брашно и смилам брашното, спестих хляб и спестих хляба. (Глаголът свършa/свършвам обаче, навярно поради ярката си лексикална семантика, не се появява в партитивна конструкция, т.е. невъзможно е *свърших хляб, *свършваме вода.)

III. Неутрални към категорията /±парт/ са следните НД: резултативно-екскурсивният, резултативно-екскурсивно-дистрибутивният, резултативно-инкурсивно-компрасивният, резултативно-кумулативният, резултативно-перкурсивно-дистрибутивният, рекурсивният, трансгресив-

ният. Неутралността им се изразява в обстоятелството, че в тях се включват глаголни лексеми с възможности за изразяване на /±парт/, които не познават посочените по-горе ограничения. Глаголите, принадлежащи към тези НД, участвуват свободно в състава и на двата вида разгледани вече $Ю_4$-фрази, т.е. те образуват както фрази с партитивно значение, така и фрази, означаващи тотално обхващане на обекта от действието.

Така е напр. при глаголите от резултативно-екскурсивния НД, показващи центробежно насочване на действието, срв. изразих картинки и изразих картинките, извеждам хляб и изваждам хляба, изравям пари и изравям парите.

Същото се отнася и до резултативно-екскурсивно-дистрибутивния НД, предполагащ силен интензитет и насочване на действието центробежно в много посоки, срв. раздадох хляб и раздадох хляба, както и до резултативно-инкурсивно-компресивния НД, обединяващ глаголи, които означават упражняване на действието на входа на някакъв обект по посока на вътрешността му, и то със значителен интензитет, срв. напр. натъпквам брашно и натъпквам брашното, наметох боклук и наметох боклука, внесох дрехи и внесох дрехите.

Интерес представлява резултативно-кумулативният НД, който предполага осъществяване на действието в голяма степен чрез натрупване. Способността на принадлежащите към него глаголи да изразяват /±парт/, срв.напр. настригахме вълна и настригахме вълната, нагребих хляб и нагребих хляба свидетелствува, че двата привидно противоречиви маркера – количественото натрупване и партитивността – не се блокират взаимно.

Неутрален към категорията /±парт/ е резултативно-перкурсивно-дистрибутивният НД, обединяващ глаголи, които показват разделяне на части дефиниционната област на действието посредством неговото осъществяване, срв. напр. разтроших сирене и разтроших сиренето, разчупвах хляб и разчупвах хляба, разбих майонеза и разбих майонезата, размервам брашно и размервам брашното.

Същото се отнася и до рекурсивния НД, обединяващ глаголи със значение повторно извършване на действието, срв.напр. преварих вода и преварих водата, претоплям супа и претоплям супата, както и до трансгресивния НД, показващ разделяне на определена пространствена област на две части чрез действието, срв.напр. прецедих вода и прецедих водата, пресявам жито и пресявам житото. Непрефигираните глаголи, които притежават способност да изразяват партитивност, принадлежат най-често към общорезултативния НД. Такива са напр. глаголите ям, пия, чупя, ядя, лея, сея и др.под.

За разлика от глаголите, които поради своята НД-семантика притежават експлицитно изразена количествена характеристика, тези глаголи посочват партитивност само с подкрепата на по-широк кон-

текст. Срв. напр. Ядох от ливата, Пих малко вода, Чупих си от хляба. Изрази от типа на ям ливе, пия мляко, дори чупя си хляб не дават указания за партитивност. В тях обектът е само качествено определен, назован. При разгледаните по-горе случаи със словообразователно характеризирани НД, в чиято семантика е включено понятието за интензитет (т.е. – количествена характеристика), или пък за определена по някакъв начин дефиниционна област на действието, такава поддръжка от страна на контекста не е задължителна. Друг е въпросът, че наистина съществуват омонимични конструкции, в които превалира качествената характеристика на действието, срв. напр. Пийни мляко (= малко мляко, партитивно значение) и пийни мляко (т.е. именно мляко, а не напр. вода). Във втория случай количествената характеристика, без да е изчезнала, е минала на втори план.

Може да се отбележи също така, че при някои вторично имперфективирани глаголи, навярно поради действието на наставката, на преден план излиза качествената характеристика на действието, докато съответният свършен глагол изразява преди всичко количествен признак. Така резултативно-тотално-дистрибутивният несвършен глагол разчепквам "отказва" да участвува във фрази, свързани с категорията /±парт/, срв. напр. изреченията Вчера разчепквахме вълна и Вчера разчепкахме вълната, където членната морфема изразява определеност независимо от това, че съответната глаголна форма от свършен вид в минималната фраза VO_4 изразява /-парт/, срв. невъзможното *разчепках вълна при граматичните Разчепках вълната, Разчепках малко вълна, Разчепках част от вълната, както и Разчепках вълна за една възглавница. Както видяхме от предхождащото изложение обаче, принадлежността на глагола към несвършения вид в повечето от случаите със словообразователно характеризирани НД не е пречка за включването му във фраза, изразяваща отношение към категорията /±парт/.

Изводите от направените наблюдения показват, че в съвременния български език изразяването на категорията /±парт/ се влияе от семантиката на глагола, който участвува в съответната синтактична структура. Неговата аспектуална характеристика (и по-точно начинът на действие, към който той принадлежи) може да наложи ограничения при функционирането му във VO_4-фрази, когато те изразяват /±парт/. Това ограничение се свежда до липса на реализация на едната от двете възможности.

В заключение искам да подчертая още веднъж, че изследването на синтактичното равнище показва сложното взаимодействие и преплитане на фактори от различно естество.

Заслужава да бъде изтъкната също така активността на компенсационните процеси, благодарение на които при отпадане на едно езиково средство в резултат от историческо развитие неговите функции не остават незаети, а се поемат от друго езиково средство.

VERBALASPEKT UND TEXTLINGUISTIK IN DEN SLAVISCHEN SPRACHEN

Helmut W.Schaller, BRD

In seiner 1973 erschienenen "Einführung in die Textlinguistik" führt der Wiener Sprachwissenschaftler Wolfgang Dressler als Beispiel für den Aspekt und seine textlinguistische Funktion die zweifache russische Übersetzung des deutschen Satzes "Ich öffnete das Fenster" an, nämlich "Я открыл окно" und "Я открывал окно". Der Satz mit dem imperfektiven Aspekt kann nach Auffassung Dresslers dann verwendet werden, wenn das Fenster zur Sprechzeit noch offen ist, der Satz mit dem perfektiven Aspekt dagegen dann, wenn das Fenster zur Sprechzeit bereits wieder geschlossen ist. Ähnlich im Präsens, wo der imperfektive Aspekt nur verwendet werden kann, wenn die Handlung während der Sprechzeit noch andauert, demnach von der Gegenwart in die Zukunft reicht, z.B. im folgenden russischen Satz "Я открываю окно" dem dann der Satz "Скоро будет совсем открыто" folgen könnte. Die Handlung des Schließens kann auch durch einen Satz "Aber dann schließe ich es wieder", im Russischen mit dem perfektiven Aspekt wiedergegeben werden: " Тогда я закрою окно". In dieser Satzfolge kann der Satz mit dem imperfektiven Aspekt als eine Art Präsupposition betrachtet werden, beide Sätze können als durch den unterschiedlichen Verbalaspekt verbunden betrachtet werden.

Bekanntlich werden Sätze vor allem durch lexikalische Identitäten, semantische Annäherungen und schließlich auch durch syntaktische Mittel wie z.B. die aktuelle Satzgliederung miteinander zu Texten verbunden. Welche Rolle hierbei der Aspekt für die slavischen Sprachen, in den folgenden Beispielen für das Russische spielt, wurde bis jetzt noch kaum untersucht. In den folgenden Sätzen geht es um zwei semantische Bereiche, nämlich das "Sprechen" und die damit verbundene "Lautstärke", beides wird über drei Sätze hin bis zu einer direkten Rede hin immer wieder aufgenommen, so daß man hier von einer doppelten Konnexion sprechen kann, bezeichnet durch die Verba dicendi und die davon abhängigen Adverbien:

Я ответил ей очень тихо. Я никогда и никому не говорил о таких вещах громко. Я сказал Гале еще тише, чем обычно:

- В сорок третьем... В последний раз...

- Извините, - сказала постаревшим голосом Галя ... (Н.Родичев)(I)

Im ersten Satz liegt beim Verbum dicendi der vollendete Aspekt vor, im zweiten Satz der unvollendete und im dritten Satz wieder der vollendete Verbalaspekt. Eine textlinguistische Funktion dieser Aspektfolge scheint dadurch gegeben zu sein, daß im zweiten Satz eine allgemeingültige Äußerung zur Erklärung des ersten Satzes

und als Hinweis auf den dritten Satz gegeben wird. Demgegenüber ist in den folgenden Sätzen das Verbum родить ohne Aspektdublette, so daß solche Satzfolgen für die Untersuchung des Verbalaspektes und seiner textlinguistischen Funktion nicht verwendbar sind:

- Вот несчастье! - говорит он, пряча глаза.-
- А Марийка-то родила, с неделю уже. Мальчишка (П.Проскурин)(2)

Abgesehen von solchen Sonderfällen gibt es wohl grundsätzlich drei Möglichkeiten von Verbalaspekten in aufeinanderfolgenden Sätzen:

1. In aufeinanderfolgenden Sätzen finden sich gleiche Aspekte, also vollendete oder unvollendete Asprkte, in den folgenden Sätzen nur Verben im Präteritum und im vollendeten Aspekt:

   Бойцы улыбнулись. Улыбнулся и капитан. Потом он увел офицера на рекогносцировку, оставив нам благожелательную команду: "Можно курить и сидеть, не сходя с места" (Н.Родичев) (3)

   In den folgenden Sätzen findet dagegen der unvollendete Aspekt bei beiden Verben Verwendung:

   Все девушки - худенькие, толстощекие, с косичками и коротко остриженные - на карточках неизменно улыбались. В письмах они дружно называли вооруженных бойцов "мальчиками" (Н.Родичев)(4)
2. In aufeinanderfolgenden Sätzen wird zuerst der unvollendete, dann der vollendete Verbalaspekt verwendet. z.B.:

   Я молчу. Половину денег я отнимаю матери в отместку за ее упреки в непутевости. А теперь помню больше - на стиральную машину, не могу спокойно думать о ее изуродованных ревматизмом руках (П.Проскурин) (5)
3. In aufeinanderfolgenden Sätzen wird umgekehrt zuerst der vollendete, dann der unvollendete Verbalaspekt verwendet:

   Солдат разлепил черные губы и вдруг улыбнулся:

   - Сменная моя...

   Он улыбался, но в глазах его стояла все та же боль. -

   - Красивая моя... (Б.Путилов) (6)

Demnach sind insgesamt vier Aspektfolgen in zusammengehörenden Sätzen zur Bezeichnung von Textfunktionen möglich, vollendete Aspekte genau so wie unvollendete, vollendete Aspekte können auf unvollendete folgen, ebenso unvollendete auf vollendete. Offen bleibt hier die Frage, ob den unterschiedlichen Aspektfolgen auch textlinguistische Funktionen zur Verbindung von aufeinanderfolgenden Sätzen zukommen. Hierzu läßt sich folgendes sagen:

Sätze mit aufeinanderfolgenden vollendeten Aspekten liegen in der Vergangenheit oder Zukunft und können gleichzeitige oder direkt aufeinanderfolgende Handlungen bezeichnen, sofern nicht weitere zeitliche Bestimmungen durch Adverbien oder Adverbialien vor-

liegen, in Frage kommen auch andere Mittel der Satzverbindung wie z.B. Konjuktionen. Auch Sätze mit Verben im unvollendeten Aspekt sind nicht ohne weiteres als Texteinheiten zu erkennen, in den angeführten Sätzen kann auch eine Textbildung durch die semantisch nahestehenden Substantiva карточки//письма gesehen werden. In den Sätzen mit gleichem Verbalaspekt
und gleichem Tempus (улыбнулся//улыбнулся...) scheint keine textlinguistische Funktion vorzuliegen.

Anders in den Sätzen mit wechselndem Aspekt bei semantisch zusammengehörigen Verben. Im einen Satz handelt es sich um eine in der Vergangenheit auftretende und in der Vergangenheit weiter andauernde Handlung, was nach der oratio recta in einem weiteren Satz zum Ausdruck kommt (улыбнулся//улыбался). Im anderen Beispiel handelt es sich um eine in der Gegenwart andauernde Handlung, die in der Zukunft ihre Fortsetzung unter anderen Voraussetzungen finden wird (отсылаю//пошлю).

Daraus läßt sich folgern, daß der Verbalaspekt vor allem dann eine textlinguistische Funktion aufweist, wenn der vollendete dem unvollendeten Aspekt bzw. umgekehrt folgt, so daß eine Handlung in der Vergangenheit auftritt und damit als vollendet zu betrachten ist, dann aber von einer eventuell in die Gegenwart reichenden Handlung fortgesetzt wird, oder eine Handlung von der Gegenwart in die Zukunft reicht. Unabhängig von diesen möglichen Aspektverwendungen scheinen identische oder aufeinanderfolgende Handlungen zwar grundsätzliche Möglichkeiten der Textbildung darzustellen, doch bleibt die Frage offen, welche anderen Mittel der Textbildung noch hinzukommen.

Einen Sonderfall scheinen die orationes rectae mit ihren Verba dicendi darzustellen, wo offensichtlich vorwiegend der vollendete Aspekt verwendet wird, um den Eintritt der Sprechhandlung zu bezeichnen:

1. Я сказал: - А когда.
   - Да завтра, сказала она, и было видно по ней, что ей нисколько не жалко сабли (В.Драгунский)(7)
2. Я объяснил ей:
   - Я подумал: а вдруг она была. Понимаешь? Вдруг. На этот раз (В.Драгунский)(8)

Auch Verben, die den Eintritt einer Handlung zum Zeitpunkt des Sprechaktes bezeichnen, scheinen ausschließlich im vollendeten Aspekt Verwendung zu finden, z.B.:

1. Но она улыбнулась:
   - А зачем мне? Я женщина, - Я военному делу не училась, зачем мне сабля? Лучше я ее тебе подарю (В.Драгунский)(9)
2. И когда она напилась своего любимого чая, она вдруг ни с того

ни с сего сама ко мне залезла и схватила меня за подбородок:
Ты что такой угрюмый? (В.Драгунский) (IO)

So lassen sich neben der durch den Sprecher oder Schreiber bestimmten Verwendung des Verbalaspektes auch Fälle anführen, wo der Aspekt durch den folgenden Satz festgelegt zu sein scheint, was offensichtlich für orationes rectae zu trifft.

Eine besondere Frage der Verwendung von vollendetem und unvollendetem Verbalaspekt ist mit dem Problem der Bestimmtheit//Unbestimmtheit gegeben. Geht man von den Präteritalformen transitiver Verben aus, wo der Eintritt oder das Währen einer Handlung mit jeweils einem Aspekt zu bezeichnen ist, so wird immer wieder die Regel angeführt, daß transitive Verben bei Bestimmtheit den unvollendeten, bei Unbestimmtheit des Objektes dagegen den vollendeten Aspekten aufweisen, z.B.: Павел принес книгу//Книгу приносил Павел.

Zieht man in Betracht, daß in negierten Sätzen mit bestimmten direkten Objektdieses im Akkusativ, bei Unbestimmtheit im Genitiv verwendet werden kann, so ergibt sich ohnehin die Frage, welche Mittel der Bezeichnung von Bestimmtheit und Unbestimmtheit im Russischen für nicht negierte Sätze in Frage kommen. Der Verbalaspekt ist eine erwägenswerte Möglichkeit der Unterscheidung von Bestimmtheit und Unbestimmtheit, wie sich durch die folgenden Beispiele andeuten läßt. Im Folgenden Beispiel ist das Fragliche Verbum perfektiv und das direkte Objekt bestimmt, da es sich auf die vorangehende oratio recta bezieht:

Ищу книжку стихов Леонида Мартынова,- сказал я,- кто-то стащил ее с моей книжной полки.

- Это сделал я, - сказал Тонька, - прошу учесть мое чистосердечное раскаяние (Б.Путилов)(II)

Bestimmte Objekte scheinen auch im folgenden Beispiel vorzuliegen, wo das Verbum im imperfektiven Aspekt verwendet wird: (А.Виноградская)

Уже давно Саша воспринимала здания и улицы Москвы как-бы двойным зрением - что здесь было раньше, до революции, и что теперь (I2)

Daß dieser Möglichkeit der Bezeichnung der Bestimmtheit in der Textlinguistik des Russischen durchaus Bedeutung zukommt, zeigt auch das folgende Beispiel:

"Суд" из рабочих и крестьян, выслушав свидетелей и прения сторон, вынес ему оправдательный приговор.

Отчет об этом прислали в "Правду" (С.Виноградская)(I3)

Im Deutschen würde man sagen "Einen Bericht darüber schickte man an die "Pravda". Würde jedoch regelmäßig ein Bericht verlangt, so würde im Deutschen die Verwendung des bestimmten Artikels obliga-

torisch, im Russischen wäre der imperfektive Aspekt zu erwarten. Demnach könnte in solchen Sätzen nur der Verbalaspekt die Bestimmtheit bzw.Unbestimmtheit des direkten Objektes bezeichnen, während in Sätzen mit Demonstrativpronomina die Bestimmtheit nicht durch den Verbalaspekt bezeichnet werden muß.

Die Verbalaspekte des Russischen und sicher auch der anderen slavischen Sprachen können demnach folgende Funktionen der Textbildung bezeichnen:

1.Die Gleichzeitigkeit kann durch gleichen Aspekt und gleiches Tempus bezeichnet werden, beide Verben aufeinanderfolgender Sätze weisen den vollendeten oder unvollendeten Aspekt auf, d.h. es wird der gleichzeitige Eintritt oder das parallele Andauern der Handlungen bezeichnet.

2.Der Eintritt und die Fortdauer zweier Handlungen im gleichen Tempus kann durch die Aspektfolge vollendet//unvollendet bezeichnet werden.

3.Die Fortdauer einer Handlung bis zum Eintritt einer weiteren Handlung kann durch die Aspektfolge unvollendet//vollendet bei gleichem Tempus bezeichnet werden.

Alle diese Möglichkeiten der Verwendung des Verbalaspekts zur Verbindung von Sätzen zu Texten können nur im Zusammenhang mit den anderen in Frage kommenden sprachlichen Mitteln der Textbildung gesehen werden, z.B.lexikalischer und damit semantischer Identitäten bei Subjekten und Objekten, der aktuellen Satzgliederung sowie der zeitlichen, örtlichen u.a.Relationen zwischen den Sätzen. Bei den angeführten Beispielen hat sich gezeigt, daß die Verben der aufeinanderfolgenden Sätze die Merkmale semantischer Identität aufweisen können, darüber hinaus semantisch sinh nahe stehen können, ebenso aber auch semantisch voneinander völlig abweichen können. Je weniger die Verben aufeinanderfolgender Sätze aufgrund ihrer Bedeutung einen kontextuellen Zusammehhang bilden können, umso mehr werden Aspekt und Tempus die Funktionen der Textbildung übernehmen. Demnach ist das "Gemeinte" im Sinne von E.Koschmieder bei der Aufeinanderfolge gleicher Aspekte bei gleichem Tempus eine richtungsbezogene und zeitliche Identität der Handlungen, bei unterschiedlichen Aspekten und gleichem Tempus liegt eine Relation der Zeitpunkte und der Zeitrichtungen der Handlungen vor, während der Aspekt bei Verben mit unterschiedlichen Tempora für die Textbildung nicht in Frage zu kommen scheint. Im Zusammenhang mit den anderen sprachlichen Mitteln der Textbildung bleibt zu untersuchen, inwieweit dem Verbalaspekt bei der Verbindung von aufeinanderfolgenden Sätzen eine primäre bzw.sekundäre Funktion zukommt und welche Rolle er tatsächlich bei der Unterscheidung von unbestimmten

und bestimmten Objekten im Russischen spielt. Eine weitere zu untersuchende Frage ist der Vergleich des Russischen mit den Gegebenheiten anderer slavischer Sprachen, die zwar ebenfalls über Verbalaspekte verfügen, z.T.jedoch andere sprachliche Mittel zur Bildung von Texten als das Russische aufweisen.

L i t e r a t u r v e r z e i c h n i s

M.I.Alechina. Opredelennost'-neopredelennost' predmeta kak kontekstual'naja kategorija.- Russkij jazyk v škole, 1974, №5, 81-85.

A.V.Bondarko. Vid i vremja russkogo glagola. Značenie i upotreblenie. M., 1971.

M.Braun. Zur Frage von Aspekt und Tempus im Russischen. - Die Welt der Slaven, 6, 1961, 157-165.

W.Dressler. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen 1973^2.

E.Filatova-Helberg. Vid glagola i širokij kontekst. - Scando-Slavica, 21, 1975, 85-98.

U.Fries. Textlinguistik. - Linguistik und Didaktik, 2, 1972, 219-234.

E.Koschmieder. Das Gemeinte. - Beiträge zur allgemeinen Syntax, Heidelberg, 1965, 101-106.

H.W.Schaller. Das direkte Objekt in verneinten Sätzen des Russischen. Frankfurt a.M./Las Vegas/Bern, 1978.

H.W.Schaller. Fragen der Textlinguistik des heutigen Russischen. - Zeitschrift für Slavische Philologie, 41, 1980, 278-288.

R.E.Weber. Presupposition and entailment in a theory of aspekt in Russian. - Scando-Slavica, 23, 1977, 161-172.

D.Wunderlich. Bemerkungen zu den Verba dicendi. - Muttersprache, 79,1969, 97-107.

D.Wunderlich. Tempus und Zeitreferenz im Russischen. München, 1970.

СРОДКІ РАЗМЕЖАВАННЯ ВІДАВЫХ ЗНАЧЭННЯЎ У ПІСЬМОВЫМ ТЭКСЦЕ

А.Я.Міхневіч, СССР

Для выражэння відавых значэнняў у беларускай мове, як і ў іншых славянскіх, выкарыстоўваюцца сродкі сегментныя — суфіксацыя /абы́граць — абыгрываць/, мена тэматычных галосных /рашаць — рашыць/, прэфіксацыя /рабіць — зрабіць/, суплетывізм /браць — узяць/ і суперсегментныя — націск /насы́паць — насыпа́ць/. У апошнім выпадку асаблівая сітуацыя ўзнікае ў пісьмовым тэксце, калі відавая амаграфія робіць выказванне неадназначным, параўн.: Усё гэта не магло не вы́клікаць//выкліка́ць агульнай цікавасці.

У тэксце павінны існаваць сродкі размежавання полісемічнай адзінкі, сродкі знятця неадназначнасці. Чым важнейшае для мовы якое-небудзь фармальнае значэнне, пісаў некалі А.М.Пяшкоўскі, тым больш разнастайнымі і тым больш шматлікімі спосабамі абазначаецца яно ў гукавым баку маўлення, быццам мова ўсімі даступнымі ёй шляхамі імкнецца да пастаўленай сабе мэты выразіць гэта значэнне, і даследчык-моваznавец абавязаны не толькі ўскрыць гэта значэнне на якім-небудзь адным факце, але знайсці ўсе факты, што перадаюць гэта значэнне, якімі б ні былі яны разнастайнымі.

Адпаведныя паказчыкі прыналежнасці дэсігнату да пэўнага класа могуць ахопліваць усе ўзроўні арганізацыі тэксту. Яны могуць таксама знаходзіцца ў кантэксце. Нарэшце, паказчыкі актуалізаванага значэння можна адшукаць у сітуацыі.

Відавая амаграфія — перыферыйны ў адносінах да іншых, больш рэгулярных з"яў выпадак функцыяніравання відавых значэнняў. Тым больш падстаў для яе аналізу, бо вядома, што за нерэгулярнымі фактамі ў мове нярэдка хаваюцца агульныя, часам кардынальныя заканамернасці.

Аналіз відавой амаграфіі дзеясловаў вы́клікаць — выкліка́ць паказвае, што гэта відавая пара аб"ядноўвае, спалучае пераважную большасць уласцівых беларускай мове сродкаў выражэння граматычных значэнняў, як сінтэтычных, так і кантэкстава-аналітычных. Перш за ўсё неабходна адзначыць марфалагічнае адрозненне форм гэтых дзеясловаў у будучым//цяперашнім часе:

вы́клічу	—	выкліка́ю
вы́клічаш	—	выкліка́еш
вы́кліча	—	выкліка́е
вы́клічам	—	выкліка́ем
вы́клічаце	—	выкліка́еце
вы́клічуць	—	выкліка́юць.

Да іх далучаюцца формы загаднага ладу:

вы́клічы	—	выкліка́й
вы́клічце	—	выкліка́йце.

www.ruslang.ru

а таксама суадносныя /простыя і аналітычныя/ формы будучага часу:

вы́клічу — буду выклікáць
вы́клічаш — будзеш выклікáць
вы́кліча — будзе выклікáць і г.д.

Такім чынам, амаграфічнымі застаюцца толькі формы інфінітыва і прошлага часу:

вы́клікаць — выклікáць
вы́клікаў — выклікáў
вы́клікала — выклікáла /жаночы род/
вы́клікала — выклікáла /ніякі род/
вы́клікалі — выклікáлі.

Апошнія і з"яўляюцца аб"ектам назірання і аналізу, матэрыялам для якіх паслужыла поўная выбарка адпаведных сказаў з дванаццацітомнага збору твораў Якуба Коласа.

Тэарэтычна вылучаюцца, акрамя марфалагічных, наступныя тыпы сродкаў размежавання відавых значэнняў у пісьмовым тэксце: паратэкставыя /графіка; рытм і рыфма ў вершаваным тэксце/, тэкставыя /сінтаксічная каардынацыя дзеясловаў па віду; лексічныя і граматычныя адзінкі ў другасных функцыях і інш./, кантэкставыя /семантыка-сінтаксічная інтэрпрэтацыя асаблівасцей будовы фразы/, пазатэкставыя, або кансітуацыйныя /інтэрпрэтацыя мастацкай інфармацыі, зместу твора ў цэлым і адлюстраванай у ім рэчаіснасці/.

Графічныя сродкі — адлюстраванне на пісьме акання і якання /параўн.: вы́насіць — выно́сіць, вы́хадзіць — вых о́дзіць, вы́бегаць — выбя гáць, з аднаго боку, і вы́клікаць — выклікáць, насы́паць — насыпáць, з другога/ — не маюць дачынення да відавой пары дзеясловаў, што нас цікавяць, з прычыны іх гукавога складу.

Рыфма і рытм як сродкі размежавання відавых значэнняў спадучаюцца з сінтаксічнай каардынацыяй толькі ў двух прыкладах:

Міхал ішоў, з ім йшлі і думкі,
А з імі вобразы ўстаўáлі
І ў сэрцы водгук выклікáлі /VI, 189/;

..Змоўкла чулая струна,
Што будзіла і ўздымáла,
Да змагання выклікáла, —
Перарвалася яна!.. /II, 302/.

Найбольш пашыраным спосабам ўказання на від амаграфічных дзеясловаў служыць сінтаксічная каардынацыя дзеяслоўных форм па віду. Яна можа здзяйсняцца ў межах простага сказа — паміж аднароднымі выказнікамі, адзін з якіх мае марфалагічнае афармленне відавога значэння, напрыклад:

..Сваё галоўнае назначэнне, як настаўніка, Лабановіч вызначаў так: абудзіць у вучнях і вы́клікаць да дзеяння крытычны ро-

зум.. /ІХ, 36/; параўн.: абуджаць... выклікаць;

Бедны настаўнік збянтэжыўся, чым і выклікаў дружны смех і воплескі /ІХ, 398/; параўн.: бянтэжыўся... выклікаў;

.. Яны прыносілі новыя пачуцці і выклікалі цэлы шэраг новых пытанняў /Ў, 62/; параўн.: прынеслі... выклікалі.

Больш складанымі для чытача — "дэшыфроўшчыка" тэксту — аказваюцца выпадкі, калі амаграфічная форма папярэднічае адназначнаму дзеяслову: тут від вызначаецца пасля прачытання ўсяго сказа, г. зн. пасля пэўнай інтэрпрэтацыі ўсяго выказвання, напрыклад:

І **усе гэтыя** мучанікі за праўду выклікалі здзіўленне і глыбокае спачуванне і з непераможнаю сілаю хілілі на тую пярністую пуціну пакуты, па якой ішлі яны /ІХ, 307/;

Яно выклікала непакой у дзедавым сэрцы і клалася цяжкім каменем на яго старыя плечы /ЎП, 239/.

Сінтаксічная каардынацыя выкарыстойваецца і ў складаных, а таксама ў суседніх, сэнсава звязаных сказах. Варта падкрэсліць, аднак, што тут верагоднасць адназначнага вызначэння віду меншая, чым у простых сказах, бо, як вядома, суадноснасць граматычных значэнняў выказнікаў у частках складанага сказа і ў суседніх сказах у тэксце падпарадкоўваецца ўласным заканамернасцям. Напрыклад:

Адно слова чаплялася за другое, адна думка выклікала другую.. /ЎП, 299/; параўн.: зачапілася... выклікала;

Азірнуўшы спотайку маладых настаўнікаў, Брыль, здавалася, абнюхаў іх кішэні, але гэты агляд не выклікаў вялікіх надзей на скарбы.. /ІХ, 195/; параўн.: абнюхваў... выклікаў;

Кожная фігура на экране называлася па імені, а часамі і па мянушцы, што выклікала жартлівы смех /Ў, 392/; параўн.: была названа... выклікала;

Некалькі дзён марнаваўся няўдалы перапісчык над простаю, чыста механічнаю работаю і часта збіваўся з тропу. Адна памылка выклікала другую /ІХ, 621/; параўн.: адзін раз збіўся... выклікала.

У двух апошніх прыкладах пэўную ролю адыгрываюць і лексічныя сродкі — кожная, некалькі дзён, часта, — якія змяшчаюць ідэю множнасці, паўтаральнасці з"яў і ствараюць семантычны фон незакончанага дзеяння. Аднак галоўная роля належыць, як і ў папярэдніх выпадках, дзеясловам, якія і абумоўліваюць тут просты выбар відавога значэння для кожнай з амаграфічных форм.

Роля лексічных і граматычных адзінак значна ўзрастае, калі яны выступаюць у функцыі аналітычных паказчыкаў відавога значэння амографаў. Вось такія выпадкі:

..Гэта злучэнне падзей толькі што адбытай у глухім лесе драмы,.. у момант выклікала ў ім думку, ці не глядзяць і за ім чыенебудзь ліхія вочы /ЎП, 249/;

Здарэнне, здавалася б, зусім мала выдатнае, але Марціну яно чамусь падабалася, а гэтае "тут тожа няма" выклікала ў яго кожны раз вясёлы смех /IX, 230—231/.

Няцяжка заўважыць, што лексічнае значэнне выразаў у момант і кожны раз амаль адназначна прадвызначае від дзеяслова, выконваючы, такім чынам, дадатковую, другасную функцыю аналітычнага граматычнага паказчыка. У гэтай жа функцыі могуць выступаць і іншыя лексічныя адзінкі /часта, часамі і пад./, але кола іх дастаткова абмежавана, што таксама пацвярджае іх пэўную — другасную — спецыялізацыю.

Зразумела, лексічныя сродкі не валодаюць такой жа вырашальнай здольнасцю, што і ўласна граматычныя. Так, прыслоўе часамі, несучы ідэю паўтаральнасці падзей, спалучаецца перш за ўсё з дзеясловамі незакончанага віду /часамі выклікаць/. Аднак у кантэкст могуць быць уключаны і іншыя лексічныя адзінкі, якія "перакрыюць" граматычныя магчымасці лексемы часамі, і тады магчымым акажацца спалучэнне часамі выклікаць. Але верагоднасць паяўлення такога спалучэння ў маўленні значна меншая, што было пацверджана, у прыватнасці, эксперыментам: пераважная большасць інфармантаў ацаніла спалучэнне часамі выклікаць, узятае па-за кантэкстам, як няправільнае, неадзначанае.

З гэтага вынікае, што здольнасць лексічных сродкаў размяжоўваць у кантэксце відавыя значэнні мае імавернасны характар. Гэтыя сродкі як бы фарміруюць кантэкставы фон, на якім з большай або меншай верагоднасцю рэалізуецца пэўнае відавое значэнне. Гэта відаць і з наступнага прыклада, дзе прыслоўе дзесь надае дзеянню сэнсавую неакрэсленасць, якая рэалізуецца ў незакончанасці віду дзеслова:

..Толькі дзесь сава-начніца,
Бы якая чараўніца,
Выклікала людзям ліха /УI, 466—467/.

У другасных функцыях могуць ужывацца і граматычныя сродкі, часцей за ўсё — лік назоўнікаў, паколькі проціпастаўленне адзіночнага ліку множнаму суадноснае з проціпастаўленнем акрэсленасці — неакрэсленасці /закончанасці — незакончанасці/ дзеяння. Гэтыя суадносіны не маюць абгрунтаванага вытлумачэння, дакладнай навуковай інтэрпрэтацыі ў беларусістыцы, але іх наяўнасць пацвярджаецца даннымі лінгвістычнага эксперыменту. Так, інфарманты звязваюць множны лік назоўнікаў з незакончаным відам дзеяслова і наадварот, параўн.:

Некаторыя куплеты яе выклікалі дружны смех /IX, 595/;

Тарпак быў здаравенны, грудасты, шыракаплечы, і яго "пярэпалахі" выклікалі агульны смех /IX, 192/;

..У сваіх маладых выхаванцах ён выклікаў пачуццё любві і замілавання да мовы народа /XI, 329/.

У апошнім выпадку адзначалася, што калі выхаванцы разумець як штосьці адзінае, як суцэльную групу, дзеяслоў хутчэй будзе мець значэнне выклікаў; калі ж множны лік лексемы выхаванцы інтэрпрэтаваць як указанне на паслядоўнасць, то больш верагодна, што дзеяслоў набудзе значэнне выклікаў. Ужо з гэтага відаць, што пэўную ролю ў зняцці відавой амаграфіі адыгрывае семантыка-сінтаксічная інтэрпрэтацыя асаблівасцей выказвання. У наступных прыкладах закончаны від дзеяслова можа быць пастаўлены ў залежнасць ад адзінкавасці, канкрэтнасці, акрэсленасці факта, што характарызуецца ў выказванні:

Але гэта нечаканасць выклікала ў ім здавалення /УП, 222/;

Такі адказ Лабановіча выклікаў новую ўсмешку на губах Стафана /IX, 617/;

Першы страх.. у сваю чаргу выклікаў другі страх: а што, калі б гэтую кніжачку знайшлі ў яго і данеслі начальству? /IX, 286/.

125-годдзе з дня нараджэння Т.Р.Шаўчэнкі выклікала вялікую зацікаўленасць з боку беларускіх паэтаў да літаратурнай спадчыны песняра ўкраінскага народа /XI, 210/.

Зараз трэба ўказаць і на тыя выпадкі выбару віду дзеяслова, калі зрабіць яго дазваляе толькі веданне значна больш шырокага, чым адно выказванне, кантэксту ці сітуацыі ў цэлым, бо ніякіх фармальных сродкаў чытачу не дадзена. Параўн.:

Адно слова "дзяўчына" выклікала ў душы яго чысты і прыгожы вобраз, на які можна пазіраць і любавацца толькі здалёк /IX, 20/—вядома, што так было заўсёды;

Пачуццё жалю і крыўды за сялянства выклікала ў маладога настаўніка абурэнне /IX, 406/ — апісваецца канкрэтны выпадак, які ўзрушыў героя твора.

Нарэшце, існуюць і такія выказванні, дзе вызначыць від амографа аказваецца немагчымым: ні ў структуры сказа, ні ў кантэксце, ні ў змесце твора ў цэлым не знаходзім паказчыкаў, якія дазвалялі б з большай ці меншай верагоднасцю зрабіць пэўны вывад аб рэлевантнасці закончанага або незакончанага віду, напрыклад:

У сваю чаргу гэта пытанне выклікала цэлы рад другіх здагадак і пытанняў.. /У, 18/;

..Хоча быць /варона/ арліцай,
Бліснуць бліскавіцай
У надземнай багне,
Каб ва ўсім стварэнні
Выклікаць здзіўленне —
Славы сабе прагне /УІ, 343/;

Не рыфмы вянчаюць верш, а яго ідэйная накіраванасць, мысль, музыка верша, глыбокае пачуццё, здольнае выклікаць адпаведнае пачуццё ў чытача, і, нарэшце, філасофія верша /XI, 548/.

Выкладзеныя ў артыкуле назіранні дазваляюць зрабіць некаторыя вывады, а таксама намеціць задачы, вырашэнне якіх будзе садзейнічаць больш глыбокаму асэнсаванню адной на найважнейшых катэгорый лексіка-граматычнай будовы беларускай мовы.

Від беларускага дзеяслова, як пераканаўча, на нашу думку, сведчыць разгледжаны матэрыял, не з"яўляецца чыста марфалагічнай катэгорыяй. Як і іншыя граматычна значымыя панятці, ён мае "полевую" будову сродкаў свайго выражэння. Ядром поля, таксама як ў ў іншых выпадках, служаць сродкі марфалагічныя як найбольш спецыялізаваныя. Аднак і ў межах марфалагічных сродкаў дзейнічае той самы прынцып поля: так, суфіксацыя і прэфіксацыя маюць значную перавагу над, напрыклад, суплетывізмам, і таму апошні знаходзіцца бясспрэчна на перыферыі ўсяго комплексу марфалагічных сродкаў.

Калі ж марфалагічныя сродкі разглядаць як ядро ўсяго поля сродкаў выражэння відавых значэнняў, то перыферыя будзе ўключаць лексічныя адзінкі і граматычныя значэнні, што дастаткова рэгулярна ўжываюцца ў другасных — відавых — функцыях, захоўваючы разам з тым і свае ўласныя, першасныя функцыі. Далей пойдуць значна менш рэгулярныя з гэтага пункту гледжання іншыя элементы будовы выказвання, якія валодаюць і меншай вырашальнай здольнасцю, а таксама "семантычныя ўмовы" /кантэкст і кансітуацыя і іх пазаграматычная інтэрпрэтацыя/, што пэўным чынам накіроўваюць выбар /або асэнсаванне/ відавога значэння дзеяслова.

Бясспрэчна таксама, што нават і тады, калі від дзеяслова адназначна выражаны марфалагічным спосабам, яго відавое значэнне падтрымліваецца цэлым комплексам і іншых сродкаў. Таму трэба адхіліць думку аб тым, што дзеясловы тыпу спрабаваць, казніць, газіфікаваць і падобныя не ўтвараюць відавой пары. Такі пункт гледжання грунтуецца на ўліку толькі аднаго — марфалагічнага — спосабу выражэння відавых значэнняў і не прымае пад увагу іншых, менш рэгулярных, але наяўных і функцыянальна значымых.

Паколькі перыферыйныя сродкі выражэння відавых значэнняў маюць і ўласныя, першасныя функцыі, а ўказанне на рэлевантнасць таго ці іншага відавога значэння дзеяслова з"яўляецца для іх функцыяй другаснай, відавы бок будовы выказвання ў беларускай мове набывае скрытаграматычны характар.

Разгледжаны матэрыял дазваляе сцвярджаць таксама, што проціпастаўленне дзеясловаў па віду, будучы па сваім змесце апазіцыяй не толькі марфалагічнай, але і семантыка-сінтаксічнай, у пэўных тыпах кантэксту падлягае нейтралізацыі.

Дэталёвае вывучэнне структуры поля і функцыянальнай вагі ўтваральных яго аспектуальна значымых элементаў дасць магчымасць атрымаць больш поўнае ўяўленне аб сувязі віду з іншымі катэгорыямі мовы.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ВИДОВОГО ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ФОРМ

Рудольф Рукичка, ГДР

I. В одной из последних статей о глагольном виде ставится вопрос: "Каково значение вида, его грамматическая семантика? Дать такой ответ на этот вопрос, с которым согласовались бы все факты употребления вида, - вот задача, которую ставят перед собой всё новые и новые поколения исследователей" (И.М.Кобозева 1980, стр. 91). По-видимому, эта цепь поколений исследователей может обрываться, ибо сегодня рассматриваемый вопрос ставится иначе. Поиски глобального значения вида или одного из видов внутри или независимо от корреляций не привели к удовлетворительным результатам. Тенденция к методологическому изменению путей исследования уже наметилась в работе А.В.Бондарко (1971), где характеристика видовых значений специфицируется применительно к семантическим классам глаголов. В других работах, в частности Телина (1978) и Хальтов-Бартшат (1968), в определенной мере и в указанной статье Кобозевой, видовые значения анализируются в терминах иерархизованных семантических признаков, приписываемых самому глаголу и релевантному для вида контексту соответственно. Вид может рассматриваться тогда скорее как морфологическое "поверхностное" выражение определенной комбинации семантических признаков, которая, согласно заданной гипотетической иерархии, определяет "выбор" одного из двух видов или предпочтение одного из них.

Таким образом, если, по крайней мере, значительные детали глагольного вида еще кажутся загадкой, то представляется оправданным поинтересоваться видовым поведением определенного морфо-синтаксического класса внутри глагольной парадигмы, т.е. в частности, поведением деепричастных форм. Вид служит главным критерием классификации деепричастий, например, в книге В.В.Виноградова "Русский язык" (1947 г.).

Выбирая для рассмотрения различие видов, проявляющее себя в деепричастных конструкциях, мы можем надеяться, что такие изыскания способствуют лучшему пониманию общей проблемы семантики видов, т.е. то, что обнаруживается в видовой дифференциации деепричастных структур, может сводиться к независимым от этих форм значениям вида или, наоборот, оказываться производным от них. С другой стороны, мне кажется, что такое ограниченное рассмотрение вида могло бы привести и к обнаружению видовых свойств, не сводимых к другим свойствам вида и расширяющих или уточняющих наше понимание семантики видов вообще.

2. Главный момент, определяющий правила употребления видов в деепричастных конструкциях, заключается в том, что в релевантный для выбора вида контекст включается конституируемое деепричастием семантическое отношение между деепричастным оборотом и синтаксическими элементами, составляющими сферу его действия. Другими словами: предполагаемые семантические свойства совершенного и несовершенного видов проецируются на отношение обеих ситуаций, или обоих событий, описываемых деепричастным оборотом и подчиняющим предложением соответственно, в частности, например, на временное их соотношение. Говоря о подчиняющем предложении, я имею в виду максимальную сферу действия деепричастного оборота. В таких случаях совершенный вид деепричастия обычно интерпретируется как показатель отношения предшествия. Даю простой пример:

(рассмотрев несколько неясных случаев), (I)
(мы можем продолжить наши исследования)

Разумеется, что обыденное понимание отношения предшествования в семантическом представлении нужно специфицировать с некоторых точек зрения:

(оказавшись на месте происшествия), (я понял, что S) (2)

Если интервал времени, занимаемый первой ситуацией в (2) =

$$T_i = \{t_{i1}, t_{i2}, \ldots, t_{in}\}$$

и интервал времени второй ситуации =

$$T_j = \{t_{j1}, t_{j2}, \ldots, t_{jm}\}$$

то требуется, чтобы $t_{i1} < t_{j1}$ или, по крайней мере,

$\sim (t_{j1} < t_{i1})$, т.е. T_i "начинается" раньше (не позже) чем T_j.

Меняя совершенный вид на несовершенный получили бы (3)

(оказываясь на месте происшествия), (я понял, что S) (3)

Интерпретация "внешнего", временного отношения слегка видоизменяется, приближаясь к интерпретации "внутренней", которую в данном случае, учитывая индивидуальную семантику глаголов, возможно охарактеризовать как импликатуру причинно-следственной связи. А если считать такую интерпретацию слишком обостренной, то можно было бы сказать, что неуказание определенного внешнего временного отношения внушает предложенную мною "внутреннюю" интерпретацию.

Замечу, что данная для (I) интерпретация предшествующей ситуации может приписываться маркированной постпозиции деепричастия в (4), при сохранении длинной сферы действия его:

(мы можем продолжить наши исследования) - (рассмотрев несколько неясных случаев). (4)

Но немаркированная постпозиция радикально изменяет интерпретацию:

мы можем ((продолжить наши исследования) (5)
(рассмотрев несколько неясных случаев)).

Деепричастный оборот в (5) имеет "узкую" по сравнению с (4) сферу действия. Переводя эту синтаксическую иерархию в (5) на семантическую интерпретацию, можно было бы сказать, что деепричастный оборот более специфично описывает ту же самую ситуацию (действие), которую описывает и глагольная фраза продолжить наши исследования. Из того, что х продолжит исследование, рассмотрев несколько неясных случаев следует, что х продолжат исследование. Замена в (5) совершенного вида деепричастия несовершенным имеет чисто видовой эффект, неосложненный морфо-синтаксическим характером деепричастия:

мы можем ((продолжить наши исследования), (рассматривая (6)
несколько неясных случаев)).

В отличие от рассмотренного случая, такая же замена в примере (I), где деепричастие находится в начале предложения, производит эффект, аналогичный эффекту замены деепричастия оказавшись деепричастием оказываясь в примере (3). Эта разница, связанная с позицией и сферой действия деепричастного оборота, ярче выявляется в (7) и (8):

(восхищаясь увиденным), (он в то же время понимал, что (7)
для него это постороннее дело) (Айтматов)

(восхитившись увиденным), (он / (#) в то же время / (8)
понимал, что...)

При равных условиях (ситуативного) контекста обстоятельство времени в то же время не оправдано.

Импликатура, возникающая в (7), заключается в известном оттенке уступительности при сопоставлении двух предложений. Менее ярко этот оттенок выступает в связи с совершенным видом.

3. Сейчас демонстрирую на определенном упорядоченном ряде примеров другое преломление видового противопоставления в деепричастных конструкциях:

он обманул его, сказав это (9)
он совершил преступление, избив его

Финитная форма глагольной фразы дает истинностную и юридическую оценку соответственно той ситуации, которая описывается деепричастным оборотом. Изменение вида не выходило бы за пределы независимо от деепричастных форм видового противопоставления.

он обманывал / обманул его, говоря это (I0)
он совершал / совершил преступление, избивая его

Если обратить последовательность обеих конструкций, то изменится коммуникативная перспектива, но не семантическая иерархия:

сказав это, он обманул его (II)

избив его, он совершил преступление

Ссылаясь на трактовку первых примеров, я полагал бы, что отношение предшествования (в теоретическом смысле) совместимо с первичным описанием ситуации по отношению к - вторичной - оценке ее, как показывает (II). Факт говорения "предшествует" оценке его, предполагается его оценкой. Но есть и вторая маркированная интерпретация, которая включает "дословное" понимание предшествования, разъединяя оба действия или обе ситуации / после того как избил его, он совершил (другое) преступление/. Несовершенный вид, разумеется, исключает такую - маркированную - интерпретацию:

избивая его, он совершал преступление (I2)

Лексико-семантическое соотношение обеих фраз исключает другие импликатуры, кроме оценки. Если изменить синтаксическую - и коммуникативную - иерархию, то получим (I3), (I4):

он сказал это, (тем самым) обманув его (I3)

он избил его, (тем самым) совершив преступление (I4)

Но изменить последовательность деепричастного оборота и подчиняющей его финитной части в этих предложениях нельзя:

* обманув его, он сказал это (I5)

* совершив преступление, он избил его (I6)

"Вторичность" произведенной в деепричастном обороте оценки ситуации по отношению к "первичной" ситуации, которая описывается в главном предложении, несовместима с отношением "предшествования", которое выдвигается на первый план деепричастием совершенного вида в антепозиции. Синтаксическая структура сталкивается с лексико-семантической, которой внушается совместный денотат действия и его оценки, выраженные деепричастным оборотом и подчиняющим его предложением соответственно. Использование несов.вида делает предложение приемлемым:

обманывая его, он говорил, что (I7)

совершая преступление, он избивал его (I8)

Интерпретация примера (I8) может соответствовать прежним, т.е., грубо говоря, избиение его представляет собой преступление. Но преобладает другая интерпретация, в которой возможна какая-то импликатура последствия в определенной ситуации, возникающей, например, в связи с совершением совместного преступления.

В тех же терминах можно анализировать пример (I9):

Кокетливо назвав прежние произведения "ветхим заветом", (I9) Юнгер (тем самым) дал понять, что отошел от них исключительно в силу изменившихся исторических обстоятельств (Лит.газ. I3/I979).

В подчиняющем предложении примера (I9) автор высказывания интерпретирует метафорику того, что описано в деепричастной фразе. Первич-

ное описание данной ситуации в препозитивном деепричастном обороте совершенного вида по отношению к вторичности интерпретации ее совместима с антепозицией деепричастия, подобно интерпретации примера (II). Замена деепричастия назвав формой несовершенного вида в данном случае почти не затрагивает семантики, потому что в финитном предложении отношение его к деепричастному обороту эксплицитно указано, т.е. указано, какое намерение преследовал Юнгер.

4. Я занимался очень ограниченным отрезком проявлений и преломлений видового противопоставления в деепричастных конструкциях. Надо, разумеется, распространить эти анализы и изыскания на дальнейшие синтаксико-семантические типы таких структур. Дам в заключение одну иллюстрацию такого распространения:

все были уверены, что старуха мучится умирая (20)

Интерпретация релевантного семантического отношения между деепричастием и финитным глаголом (глагольной фразой), его сферой действия, могла бы быть представлена в форме импликатуры:

(то, что она умирала → (то, что она мучится) (21)

Предложение (20) продолжается так:

... она мучилась, чтобы выжить (20)'

"Переключается" импликатура на цель, намерение, связанные с мучением. Заменив несовершенный вид деепричастия совершенным видом, мы получили бы "запрещенный" вариант:

* ... что старуха мучится умерев (22)

5. Комплексные семантические системы деепричастных структур и глагольного вида имеют определенную область пересечения, в которой изучение каждой из обеих систем нерасторжимо от изучения другой. Изучение взаимодействия обеих систем может содействовать полному выявлению свойств каждой в относительной отдельности.

Литература

А.В.Бондарко. Вид и время русского глагола. М., 1971.

И.М.Кобозева. Некоторые правила выбора вида глагола при синтезе простого предложения, выражающего заданный смысл. - Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики. М., 1980, с.91-10

B.Haltof-(Bartschat). Ein semantisches Modell zur Aspektdeterminierung im modernen Russischen. - Probleme der strukturellen Grammatik und Semantik. Hrsg. v. Rudolf Růžička. Leipzig, 1968, 133-151.

Nils B. Thelin. Towards a Theory of Aspect, Tense and Actionality in Slavic. Uppsala, 1978.

ГЛАГОЛСКИОТ ВИД И ИНТРАНЗИТИВАЦИЈАТА
НА ТРАНЗИТИВНИТЕ ГЛАГОЛИ
(на материјал од македонскиот јазик)

Б.Корубин, Југославија

1. Се разбира дека под еден ваков наслов не може да дојде предвид интранзитивацијата што е претставена во глаголите со повратниот елемент се, т.е. во таканаречените повратни глаголи. Се придружуваме кон мислењето дека елементот се, интранзитивирајќи го преодниот глагол, формира од него посебна, самостојна лексичка единица како интранзитивен глагол; дека истовремено со интранзитивирачката, значи, тој има и зборообразувачка (деривациона) функција(I). Ваквата интранзитивација, на лексичко ниво, која би можеле да ја наречеме апсолутна, не ја засега категоријата на глаголскиот вид, во која и да било нејзина семантичка специфика. Повратниот глагол наспрема соодветниот неповратно-преоден нема некои посебни ограничувања во видот.

Предмет на нашето внимание овдека оние глаголи што можат да се појават на синтаксичко ниво и како преодни, употребени со реализиран објект, а и како непреодни, во употреба што ја нарекуваат некои апсолутивна, кога се земени во реченицата, така да кажеме, во состојба на ослободеност од директниот објект како именка, кога дејството означено со нив се апстрахира од објектот. Фактот што првиот случај, со реализиран директен објект, се зема како силен, маркиран член на оваа опозиција ни дава извесна основа да говориме, барем условно, и овде во однос на вториот случај за интранзитивација, која за разлика од претходната, кај повратните глаголи, би можеле да ја наречеме актуелна, а која ние, во својот реферат на претходната седница на Комисијава, со цел да ја истакнеме токму таа разлика, ја нарековме дезаргументација на галголот во однос на директниот објект или, просто, дезаргументација на директниот објект. Потсетувајќи на тоа, чувствуваме сега потреба да се повториме во основното и да го доуточниме самиот поим.

2. Поимот дезаргументација ние не го ограничуваме само на апстрахираноста на глаголското дејство од директниот објект, ами со него ја опфаќаме апстрахираноста на дејството од кој и да било аргумент (актант, партиципант, соиграч и сл.) на глаголот - од субјектот, од предлошкиот објект, па и од соодветната прилошка определба, зашто во сите овие случаи се среќаваме со една појава, во суштината, од ист карактер. Таа, дезаргументацијата настанува, според нас, уште на комуникативен план, за да се изрази и на синтаксички, на планот на изразот.

Од нашата комуникативна намера, во случајов со преоден глагол во апсолутивна употреба, директниот објект е отпаднат, нејзиното тежиште е́ префрлено само врз дејството (процесот) како содржинска страна на признакот изразен со глаголот. Не се работи, значи, за испуштање на објектот на синтаксички план просто затоа што е тој контекстуално (во најширокатa смисла на овој збор) даден па се подразбира, туку затоа што не ни е комуникативно потребен во својата конкретност, што не ни е потребна релационата страна на признакот.

Можноста за ваква дезаргументација, меѓутоа, т.е. потенцијалното својство на глаголот да се употреби и со реализиран и со дезаргументиран објект, произлегува сепак од една посебна, изразито тесна врска или изразито постојана, вообичаена или, во дадени ситуации, карактеристична релација меѓу глаголското дејство и објектот. Затоа и не можат сите глаголи да се "интранзитивираат" на ваков начин, т.е. да се дезаргументираат во овој поглед. Пречките или условите за тоа се состојат во нивната лексичка семантика и во карактеристиките што ги придобила таа во самата комуникативна стварност. При дезаргументацијата на објектот кај глаголите со соодветна лексичка семантика, тој отпаѓа во својата конкретна определеност од комуникативниот и синтаксичкиот план, но на семантички план останува како обопштен, неопределен пациенс и услов за реализација на дејството. Само во таа смисла може тука да се говори за некакво подразбирање на објектот, подразбирање не во неговата посебност, во која би се појавил на синтаксички план кога би се реализирал, туку во неговата општост и неопределеност, во неговата потенцијалност како семантичка категорија (истото нешто станува, на пример, со субјектот при агенсносубјектната дезаргументација кај безличната глаголска форма со елементот се).

Се јавуваат ред глаголи со таква соодветна лексичка семантика што ја овозможува нивната употреба со дезаргументиран објект. Веќе банални станаа некои повообичаени и покарактеристични од нив со честото приведување при разгледувањето на оваа тематика: чита, пишува, учи, ора, копа, сее, жние, преде, плете, ткае, шие, пуши, краде, готви, јаде итн. Нивниот број е секако поголем и тешко би било да се ограничи строго на список, зашто во самите услови на определена комуникативна стварност или ситуација, или во определен обрат лексичката семантика на одделен глагол може да ја постигне доправа погодноста за тоа. Едни од овие глаголи можат да се појават со дезаргументиран објект во предикати од различен карактер: и во предикат што изразува актуализирано дејство (како конкретен процес) или обопштено, и во квалификативен предикат, кој е најкарактеристичен за ваквата дезаргументација. На пример, глаголот јаде може да се појави во ваква употреба во секој еден од овие предикати: "Оставете го намира детето

сега, јаде", "Тој веќе три дена не јаде, штрајкува со глад", "Овој човек јаде како вол, ненаситен е". Во една реченица, на пример, како "Кој жртвува добива" предикатите означуваат обопштено дејство. При актуализирано дејство како конкретен процес овие глаголи не би можеле да се појават безобјектино . Глаголот <u>каса</u>, пак (срхр.: уједати - руски: кусать, кусаться) безобјектно би се појавил само во квалификативен предикат: "Тоа куче каса" (срхр: "То псето уједа" - на руски би дошол тука глаголот: кусаться). Има глаголи кај кои тоа станува дури како орудието, средството со помошта на кое или преку кое се извршува дејството означено со глаголот ќе се транспонира, би можело да се каже, т.е. ќе дојде во субјектна позиција: Таков е, на пример, глаголот <u>сече</u> - "Овој нож сече добро", "Оваа секира не сече, тапа е" - кој не се јавува со дезаргументиран објект кога е во субјектна позиција категоријата "човек". Овие предикати се редовно квалификативни. Но тоа суштински не ја менува работата. При дезаргументацијата, како синтаксичка појава, е основно да не се менува содржинската страна на значењето на глаголот. Случаите кога глаголот во безбјектна употреба придобива ново, содржински изменето значење, ново речничко значење излегуваат со тоа надвор од дезаргументацијата. На пример, во "Тој пие" - со значење на "употребува алкохол" имаме такво ново речничко значење, всушност нов, чисто непреоден глагол, добиен по пат на определена релексикализација на безобјектната употреба на "пие нешто". Со тоа случајот се префрла на лексички план.

3. Сега да минеме поконкретно на темата, поточно на прашањето што е содржано во неа, а имено: дали ваквата "интранзитивација", која ние ја нарекуваме дезаргументација, има некаков допир со категоријата на видот. Според нас, има - и тој се состои само во определен соодност на оваа појава со видовата семантика на свршениот вид. Се покажува, имено, дека само одделни ликови или начини на дејството на свршениот вид можат да ги имаат и двете употреби: со објект и без објект - дека, според тоа, само кај нив може да се говори за дезаргументација на објектот. Тие начини се: започнувачкиот (ингресивниот) и завршувачкиот (комплетивниот), а (со извесни ограничувања) и ограничувачкиот.

При ова тезисно излагање на темата ќе се послужиме само со минимум примери за најопшта илустрација. Така, кај свршеновидните глаголи од основата на <u>чита-чита нешто</u>, двојна употреба од овој аспект имаат: <u>зачита</u> - "Тукушто зачитав, ти ме прекина" и "Тукушто го зачитав весникот (зачитав весник), ти ме прекина"; <u>дочита</u> - "Тукушто дочитав, ти дојде" и "Тукушто го дочитав весникот (дочитав весник), ти дојде"; <u>почита</u> - "Вчера почитав малку и излегов на шетање" и "Вчера ги почитав весниците (почитав весници) и излегов на шетање". Некои карактеристики на објектот и на неговите врски со глаголското значе-

ње претставуваат кај ограничувачкиот начин на дејството услов или пречка за транзитивната употреба на глаголот. На пример, може да се каже: "Во текот на празниците почитав убава литература" - но тешко би можело да се рече: "... почитав роман"; исто така би можело да се рече: "Во текот на војната појадовме и ние царевен леб" - но тешко: "... го појадовме и ние царевниот леб" - освен во посебна стилска употреба (може со предлошки објект: појадовме и ние од царевниот леб); воопшто не би можело да се рече: поорав земја, ја поорав твојата нива (може: поорав на твојата земја, на твојата нива).

Меѓутоа, само со реализиран објект, значи само како транзитивен, се јавува глаголот прочита, т.е. како прочита нешто.

Исто така двојна употреба од истиот аспект имаат, на пример: заплете, доплете, поплете - но не и: исплете, сплете, преплете (со значење на: повторно исплете); зашие (почне да шие), дошие, пошие - но не и: сошие, прешие, нашие; заткае, доткае, поткае - но не и: исткае, преткае (повторно исткае), изнаткае; и така натаму.

4. Станува очигледно дека не може да се појави со дезаргументиран објект транзитивен глагол од свршен вид кога е дејството што го означува претставено во точка, сведено на точка на временската "линија" или "оска" - или во "алка на временската верига од настани", без оглед на неговото "хронометриско траење". Тоа е, од нашиов аспект, ирелевантно: релевантен е "начинот на кој се согледува дејството". (изразите во наводници се на американскиот аспектолог Херберт Галтон(2). А тоа е кај ваквите глаголи секогаш согледано комплексно заедно со својот резултат врз објектот, од кој, затоа, не може да се апстрахира. Имаме, значи, нешто спротивно од несвршениот вид, кој го предава дејството како процес неограничен или состојба неизменета во своето траење.

За да може да се појави со дезаргументиран објект свршениот глагол треба да има, од гледна точка на начинот на кој се согледува дејството, нешто заедничко со несвршениот. Кај глаголите од посочените начини на дејството тоа заедничко е елементот на едностран (со почетна или со завршна точка на временската линија) или двостран, одрезочно ограничена трајност, продолжителност на дејството означено со глаголот. И самиот опис на овие глаголи со помошта на спој со фазен глагол го покажува тоа: зачита - 'почне да чита', дочита - 'заврши (престане) да чита', почита - 'почне и заврши да чита'. Фазниот глагол во описот е секогаш во свршен вид, за да го изрази пунктуалниот елемент во извршувањето на дејството на временската линија, а основниот - во несвршен вид, за да го изрази линискиот елемент претставен во едностран или двостран ограничената трајност на дејството.

Свршените глаголи што означуваат дејство чие извршување се согледува само низ пунктуалниот елемент, без оглед на неговото хронометриско траење, ја немаат, ако се јавуваат како преодни, потенцијалната можност да се појават и како "интранзитивни", т.е. со дезаргументиран објект, т.е. во апсолутивна употреба. Можеби, во некои специфични предикати, со едно значење што може да се нарече констатациско. Но тоа го оставаме за понатамошно проучување.

Литература

I. Миолиме, првенствено, на студијата: Б.Ю.Норман. Переходность, залог, возвратность (на материале болгарского и других славянских языков). Минск, 1972.

2. Х.Галтон. Кратка теорија за македонскиот глаголски вид. - Прилози, МАНУ, У, I-2, Скопје, 1974, 13-32.

Раздел II

K NĚKOTRYM PRAŠENJAM ASPEKTA, TEMPUSA A KAJKOSĆE JEDNANJA W SERBŠĆINJE

F. MICHAŁK, DDR

Dźensa nichtó ze slawistow njedwěluje, zo też serbske słowjeso disponuje nad intaktnej kategoriju aspekta. Tak to njeje přeco było. Prěnja serbska gramatika, w kotrejž so tuta kategorija też terminologisce počina špihelować, je Wendische Grammatica . . . nach dem Budißinischen Dialecto . . . von Georgio Matthaei, Budißin 1721. Matej rozeznawa mjez słowjesami wotchilnje wot swojeje literarneje předłohi (Grammatica Latina Joh. Rheniusa, Magdeburg 1620) dodatnje species c o n s u m m a t i v a , ke kotrejž wón liči nimale jenož perfektiwne słowjesa wšelakich kajkosćow jednanja a wšelakeho charaktera werbalneho jednanja; např.: sejnuć 'sich setzen', klaknuć 'niederknien', skazyć 'verderben', zlemić 'brechen', rozkłóć 'zerstechen', začuć 'fühlen' zdźeržać 'behalten'. Prěni serbski gramatikar, kiž je so prócował wo deskripciju funkcije aspekta, C. T. Pfuhl, dóńdźe hižo zahe, w swojej w l. 1867 w Budyšinje wudatej Laut- und Formenlehre der oberlausitzisch-wendischen Sprache, k spóznaću, zo stej a s p e k t a k a j k o s ć j e d n a n j a dwě wšelakorej kategoriji. Pozdźišo so do serbskeje gramatiskeje wučby zawjedźe wopřijeće wšelakorych podaspektow perfektiwneho a imperfektiwneho aspekta (Wowčerk, Morfologija, Werb, w: Serbšćina, Listowy studij za wučerjow, str. 1566 sćć /1/). Adekwatniše předstajenje tuteje problematiki namaka zajimc hižo w "Tezach k hornjoserbskemu słowjesu" wot H. Faski a F. Michałka w

Lětopisu A 10 (1963), str. 42-49 a też w H. Šewcowej Gramatice /2/. Kodifikacija so wot 1. 1859 sem masiwnje koncentruje na wutamanje analytiskeho perfektiwneho futura. To je so pod ćišćom wulkeje autority J. E. Smolerja /3/ - wón bě założer a prěni předsyda Maćicy Serbskeje a wobsedźer serbskeho ćišćerskeho monopola, kotryž je hač do 20. lětstotka wostał w rukomaj jeho swójby - do wěsteje měry poradźiło. Nic pak cyle. Znajemy poziciju, w kotrejž bjez tutoho analytiskeho futura njeńdźe, mjenujcy hdyž słowjeso předstaja w funkcionalnej sadowej perspektiwje tema a steji na započatku sady (Fa. Gr. /4/, str. 253); např.: Přinjesć jemu nichtó ničo njebudźe. Ale też w druhich pozicijach hdys a hdys też dźensa hišće storčiš na tutón "zakazany futurum" (Fa. Gr. str. 253).

Nadhódnoćenje eksistency analytiskeho futura perfektiwneho słowjesa je L. V. Ščerbu a hač do wěsteho časa (1956) też R. Lötzscha zawjedło k přechwatanej konkluziji wo njeeksistency kategorije aspekta w serbšćinje. Ščerba piše w swojej monografiji wo Mužakowskim dialekće/5/: "Mne kažetsja, čto perfektivnosť v tom vide, kak my ee sebe predslavljaem v russkom, vovse ne suščestvuet w mužakovskom." W Lötzschowej monografiji wo němskim wliwje na serbšćinu /6/ čitamy: Osobenno silno vlijanie nemeckogo jazyka skazyvaetsja v sisteme verxnelužickogo glagola. Možno, govoriť o korennyx v izmenenijx etoj oblasti. Delo v tom, čto kategorija vida, podčinjajuščaja sebe v drugix slavjanskix jazykax vsju morfologiju glagola, v verxnelužickom jazyke, po vsej verojatnosti, voobšče otsutstvuet, kak ona ne svojstvenna i nemeckomu jazyku."

W nastawku wo aspekće w hornjoserbskej ludowej rěči /7/ sym dopokazał, zo je słowjesny aspekt też w serbskej dialektnej rěči žiwa kategorija. Při tym sym so zepěrał na dźěła E. Koschmiedera Zeitbezug und Sprache, Berlin/Leipzig, 1929, Nauka o aspektach czasownika polskiego, Wilno 1934 a Zur Bestimmung der Funktionen grammatischer Kategorien, München 1945. Při wotpowědnym wotprašowanju je so mjenujcy wukopało, zo serbske imperfektiwne słowjeso jara konsekwentnje wustupuje w sćěhowacych relewantnostnych pozicijach, kotrež su też w druhich słowjanskich rěčach rozsudźace:

1. K woznamjenju aktualneje přitomnosće
2. K woznamjenjenju runočasnosće jednanja we wotběhu z druhim jednanjom
3. Při słowjesach kaž započeć a přestać jako fazowy operator

R. Olesch je intaktny aspekt zwěsćił samo w serbšćinje třećeje generacije potomnikow serbskich emigrantow do USA, wustajenej masiwnemu wliwej dweju kontaktneju rěčow bjez aspekta. W swojim nastawku The West Slavic Languages in Texas with Special Regard to Sorbian in Serbin, Lee County /8/ wón piše: "In Serbin one hears, for exeample, My smy do města zamuwuali, Texas (Serbin) German

Wir sind nach die Stadt gemuft 'We moved to the town'. Here the Sorbian zamuwuali is borrowed from English move with a perfective prefix and with the grammatical aspect intact."

Wo žiwosći kategoriji aspekta w serbšćinje swědča tež njerědke pady nadbytkneje resp. falowaceje prefiksacije někotrych słowjesow w nowołužiskej němčinje, němskej wobchadnej rěči Serbow we Łužicy; přir. např. Was du aufgeschrieben hast, konnte ich nicht auslesen, Das Kind ist schon ausgetauft. Ich hab niemals Zeit gehabt Hände auswaschen. Ist das Schwein ausgemästet, dann wird es abgeschlachtet.Warum lachen Sie uns? Fichte fällt so schnell./9/

W žanej z mjenowanych pozicijow (aktualna přitomnosć, runočasnosć, přitomnosć fazoweho operatora) tež w serbšćinje njemóže stać perfektiwne słowjeso, dokelž tute signalizuje, zo so jednanje předstaja jako "überschaubares , vom zeitlichen Verlauf abstrahiertes Ereignis" (Fa. Gr. str. 172). We wšěch druhich pozicijach knježi konkurenca aspektow při połnym skutkowanju funkcionalneje inwarianty perfektiwneho aspekta, markěrowaneje komponenty tuteje asymetriskeje opozicije. Wólba perfektiwneho abo imperfektiwneho aspekta móže tu w konkretnym padźe wšelako motiwowana być. Žane tajke zasadne restrikcije za wustupjenje perfektiwneho słowjesa kaž w naličenych třoch pozicijach hewak w serbšćinje njewobsteja, např. tež nic při tworjenju analytiskeho futura a při nałožowanju prezensa w zmysle historiskeje abo bjezposrědnjeje zaždźenosće abo we wuprajenjach wo uzualnych jednanjach a w powšitkownych konstatacijach, w pozicijach potajkim, w kotrychž druhe słowjanske rěče tajke restrikcije znaja. Haj, prezens perfektiwneho słowjesa móže wustupować w koincidencnym padźe (terminus Koschmiedera) samo w zmysle aktualneje přitomnosće: Přeprošu Was wutrobnje. . . Zdźělu Wam, zo . . . Dowolu sej, zo . . . Poskića Wam . . . atd.

Kontakt mjez kategoriju aspekta a kategoriju tempusa je cyle konkretnje daty w prěnjej relewantnostnej poziciji. Perfektiwny aspekt wuzamknje - wothladajo wot koincidencneho pada -, zo so kryjetej čas jednanja a čas rěčenja. Tajku inwariantu ma tempusowa forma perfekt (Fa. Gr, str. 259). Pola perfektiwneho aspekta tu njeńdźe wo žanu inwariantu, ale jenož wo kontekstowu wariantu powšitkownišeje inwarianty: předstajenje jednanja jako přehladny, wot časoweho přeběha abstrahowany podawk.

Dalši kontaktny dypk mjez powšitkownej logisko-semantiskej kategoriju aspekta a komunikatiwno-gramatiskej kategoriju tempusa finitneje formy słowjesa (Fa. Gr, str. 170 sćć.) wobkedźbujemy při zwuraznjenju přichoda. Prezens je tempusowa forma z najbóle powšitkownym woznamom (panchronizm), zmóžni potajkim mjez druhim tež identitu wšěch třoch časowych runinow: časa jednanja, časa rozpo-

minanja a časa rěčenja. Perfektiwny aspekt přez swoju inwariantu wuzamknje identitu časa jednanja a časa rěčenja. Tuž zbywa jenož počasnosć abo předčasnosć. Z přechwataneho spowšitkownjenja jedneje strony tutoho zwěsćomneho fakta je nastała wučba wo tak mjenowanym syntetiskim futurje, kotruž je Smoler apodiktisce přewzał też za serbšćinu. Nowa gramatika (Fa. Gr, str. 250 sćć.) předstaja poměry adekwatnje rěčnej woprawdźitosći: Syntetiske formy futura tworja so w serbšćinje j e n o ž wot determinowanych słowjesow pohiba: pójdu, polězu, pojědu, ponjesu, powjezu atd. a wot słowjesa měć: změju. Tute formy su po aspekće imperfektiwne. Analytiske formy futura tworja so w spisownej rěči p r a w i d ł o w n j e jenož imperfektiwne. Perfektiwne analytiske formy futura słušeja - wothladajo wot tematiskeje pozicije na započatku sady - k nišej stilowej runinje.

Čisće formalne su wuskutki kontakta mjez kategorijomaj aspekta a tempusa při tworjenju formow syntetiskeho preterita/10/: Imperfektiwne formy syntetiskeho preterita so tworja přeco wot specialneho preteritalneho zdónka, perfektiwne jenož tam, hdźež ma perfektiwny zdónk konsonantiski wuzwuk. Hdźež ma perfektiwny zdónk wokaliski wuzwuk, tam so perfektiwne formy syntetiskeho preterita tworja wot tutoho zdónka (Fa. Gr, 252). Nimo toho ma imperfektina forma 2. a 3. wosoby singulara wothladajo wot słowjesa być (bě/běše) přeco kóncowku -še, perfektiwna forma pak w spisownej rěči bjez wuwzaća a we wobchadnej a dialektnej rěči zwjetša kóncowku -Ø, přir. např.: biješe - zbi. We wobchadnej a dialektnej rěči wustupuja też formy typa zbiješe, nihdy pak nic formy typa bi /11/.

Nimo wutamanja analytiskeje formy perfektiwneho futura ze spisowneje rěče je wopačna resp. njedospołna kodifikacija kategorije aspekta wuwołała wšelake wukolejenja při nałožowanju słowjesnych formow:

- Druhdy so wuchadźa z wopačneho předstajenja, zo móže so prezens wužiwać jenož imperfektiwny. Potom nastanu wuprajenja kaž tele: ..., zo je to strašna wěc, kotraž lěto wot lěta človjekow wo žiwjenje njese (město přinjese) [Serbski Hospodar 1883] - Hłós so jemu dusy) Nětko je wšitko kontra - ale njemóžach sej hinak pomhać (wjeze so na sćěnu [město zwjeze so]) [J. Winger]
- Druhdy so njerespektuje fakt, zo serbšćina znaje homonymne perfektiwne a imperfektiwne formy słowjesa typa pomolować ip. - pomolować p. Potom nastanu formy kaž zalubowywać so a zarjadowuje (Fa. Gr, str. 192)

Druhdy so wužiwaja wuchadźejo z kodifikacije iteratiwneho podaspekta imperatiwneho aspekta pozdatne iteratiwne słowjesa, kotrež pak serbšćina samo na sebi njeznaje: směwać so město smjeć so, kćěwać město kćěć, hrěwać město hrěć /12/.

Připisy

1. S. Michalk. Der obersorbische Verbalaspekt im Spiegel der bisherigen Grammatiken. - Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität, 8, gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, Leipzig, 1958/59, 159-164.
2. H. Šewc. Gramatika hornjoserbskeje rěče. Budyšin, 1968, 182.
3. J.E. Smoler. Přichodny čas serbskeho słowjesa. - ČMS, 1859, 7-14.
4. Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Morphologie. Verfaßt von H. Faßke unter Mitarbeit von S. Michalk. Bautzen, 1981.
5. L.V. Ščerba, Vostočno-lužickoe narečie. Petrograd, 1915, §§ 232-233.
6. R. Lötzsch. Xarakter vlijanija nemeckogo jazyka na slovoizmenenie imeni i glagola verxnelužickogo jazyka (diplomowe dźěło, zakitane w l. 1956 pola J.S. Maslowa w Leningradźe), 49.
7. S. Michalk. Über den Aspekt in der sorbischen Volkssprache. - Zeitschrift für Slawistik, IV, 1959 , 241-253.
8. Texas Studies in Bilingualism. Berlin (West), 1970, 162.
9. S. Michałk. Přinošk ke kwantifikaciji rěčneje interferency. - Přinoški k serbskemu rěčespytej, Budyšin 1968, 100, připis 15.
10. Nastaće jednotneho tempusa syntetiskeho preterita z prjedawšeju dweju tempusow (aorista a imperfekta) je wopisał F.V. Mareš: Praeteritum simplex v lužické srbštině. - Acta Universitatis Carolinae, Philologica-Suppl. Slavica Pragensia, 1959, 123-131.
11. W připisu 7 přispomnjeny nastawk, 247.
12. F. Michałk. Serbski rěčny atlas, jeho teoretiski a praktiski wuznam. Rozhlad 31, čo. 10, 1981, 370-376.

KATEGORIJA ASPEKTA I KATEGORIJE S NJOM POVEZANE U OZNAČAVANJU HRONOLOŠKE DETERMINACIJE U SLOŽENOJ REČENICI SA TEMPORALNOM KLAUZOM U SRPSKOHRVATSKOM JEZIKU

K.Miloševi, SFRJ

1. Pod temporalnom (hronološkom) determinacijom u složenoj rečenici s temporalnom klauzom podrazumevam sve načine određivanja vremena koji se ostvaruju primenom temporalne klauze. U osnovi takve determinacije uvek stoji neka od vremenskih relacija pa su tako i druge vrste temporalne determinacije povezane sa relacionim značenjima.

1.1. Osnovne vremenske relacije u složenoj rečenici sa temporalnom klauzom mogu se klasifikovati na sledeći način: A) primarne, tj. proste, B) sekundarne, tj. izvedene, složene.

1.2. Proste relacije obuhvataju dva opšta tipa: I. simultane odnose, II. sukcesivne odnose. U domenu jednog i drugog prostog odnosa moguće su varijacije, i to: U domenu simultanosti (A-I) postoje tri varijacije. To su: Relacioni model 1: situacija iz superordinirane klauze (SK) manifestuje se paralelno sa situacijom iz temporalne (TK). Relacioni model 2: situacija iz TK predstavlja vremenski okvir onoj iz SK. Relacioni model 3: situacija u SK predstavlja vremenski okvir onoj iz TK zauzimajući jedan njen deo. U domenu sukcesivnosti (A-II) postoje dva moguća slučaja, tj. dve varijacije, i to: Relacioni model 4: situacija iz SK kasnija je od one iz TK. Relacioni model 5: situacija iz SK ranija je od one iz TK.

1.3. Za izvedene (složene) odnose karakteristično je da situacija iz TK određuje granicu perioda u kome se manifestuje situacija iz SK. Zato je zajedničko semantičko obeležje oba izvedena modela limitativnost, a razlikuju se prema tome koju granicu određuju - i mogu se klasifikovati kao: Relacioni model 6, u kome situacija iz TK određuje desnu granicu perioda kome pripada situacija iz SK (cela ili njen komunikativnorelevantni deo) - terminativnolimitativni odnos. Relacioni model 7: situacija iz TK određuje levu granicu perioda kome pripada situacija iz SK - ingresivnolimitativni odnos. Unutar limitativnih modela moguće su razne varijacije relativne hronologije, a ostvaruju se na bazi pet prostih modela (1-5).

2. U okviru predočenih modela relativne hronologije temporalna determinacija se vrši pomoću dva logička postupka, i to: pomoću 1) identifikacije vremena, 2) kvantifikacije vremena. Identifikacija vremena se postiže pomoću dva relaciona mehanizma, i to: 1a) lokacionog (- lokaciona identifikacija vremena) i 1b) orijentacionog (- orijentaciona identifikacija vremena). Analogno hronološkoj identifikaciji, i kvantifikacija vremena se javlja u dve varijante, i to kao: 2a) kvantifikacija vremenske lokacije (trajanja), 2b) kvantifi-

kacija vremenske orijentacije (razmaka, distancije).

3. Za jezičko predstavljanje svih semantičkih komponenata iz predočenog sistema, kao i njihovih aktualnih kombinacija, služe sledeći jezički signali: vezničko sredstvo, aspektno značenje svakog od korelativnih predikata, glagolski oblik, tj. njegovo značenje, istinosni modalitet korelativnih klauza, razni leksički signali kvantifikacije. U označavanju hronološke determinacije prva tri sredstva deluju solidarno, i to na principu semantičke kompenzacije. To znači da semantička obeleženost jednog od njih dopušta (toleriše) u nekom stepenu semantičku neobeleženost (neutralnost) ostala dva.

Ja ću pokušati da prikažem delovanje jednog od ovih činilaca, i to glagolskog vida (aspekta) - imajući pri tome stalno u vidu i njegovo sadejstvo sa ostalim činiocima sintaksičkosemantičkog modela složene rečenice sa temporalnom klauzom.

4. Uloga aspekatskog značenja presudna je u slučajevima kad ostala sredstva (vezničko sredstvo, glagolski oblik) svojim značenjem ne dijagnosticiraju relativnu hronologiju. U minimalnom kontekstu to su slučajevi kada je upotrebljen temporalni veznik najopštijeg značenja - k a d i kada su predikati obeju korelativnih klauza - glagolski oblici jednakog opšteg temporalnog značenja. Pošto istražujemo ulogu i značaj aspekatskih značenja, počećemo upravo od ovakvih slučajeva (sa veznikom kad) i nastojati da ustanovimo dijagnostičku moć aspekatskih značenja u realizaciji svih postuliranih modela relativne hronologije, uključujući i njihove varijacije, - a isto tako i ostalih parametara temporalne determinacije.

Radi ekonomičnosti izlaganja, egzemplifikacija će se vršiti gde god je to moguće primenom preteritalnih glagolskih oblika.

4.1. U domenu simultanosti (istovremenosti) sa veznikom kad mogu se ostvariti sledeći odnosi, tj. modeli relativne hronologije: Model 1: kad sam ja spavala, vi ste radili. Model 2: kad sam ja spavala, vetar je razbio prozor. Model 3: kad je vetar razbio prozor, ja sam spavala. U modelu 1 imperfektivni (impf.) aspekt obaju predikata omogućava (predočava) paralelizam manifestovanja situacija označenih korelativnim klauzama, a u modelima 2 i 3 - kombinacija aspekatskih značenja omogućava manifestaciju okvirnog vremenskog odnosa. Različita distribucija aspekatskih značenja u modelima 2 i 3 čini da se jedno isto referentno značenje i jedno isto denotativno značenje pojavljuju kao dva signifikativna značenja. U modelima 1-3 označava se identifikacija vremena - i to lokaciona.

4.2. U domenu sukcesivnosti (raznovremenosti) - u kombinaciji sa veznikom kad dolazi u obzir samo primena perfektivnih glagola. U modelu 4 i u modelu 5 kao eksplicitni znak sukcesivnosti nastupa pluskvamperfekt, i to sa različitom, tj. suprotnom distribucijom po klauzama - u jednom (4) i drugom (5) modelu. Model 4: kad sam ja bila

došla, oni su otišli. Model 5: kad sam ja došla, oni su bili otišli. Kategorija tempusa, u ovom slučaju pretprošlosti (morfološki znak pluskvamperfekt) nastupa kao relevantni konstitutivni činilac u modelu 5, a model 4 se neuporedivo češće ostvaruje u varijanti sa glagolskim oblikom za označavanje prošlosti prvog stepena (perfektom ili aoristom) u obe korelativne klauze. Model 4 sa perfektom u obe rečenice, kao manje eksplicitan u pogledu označavanja sukcesivnosti tipa 4, naročito je podesan za slučajeve kad stroga precizacija hronološke relacije i nije relevantna. To se često dešava kada se temporalnom klauzom predstavlja događaj koji je označio epohu, pa se, u skladu s tim, i vremenski prostor označen temporalnom klauzom pojma mnogo šire od trajanja samog događaja o kome ona referiše, npr.: on se rodio kada je prvi čovek poleteo u kosmos.

4.3. U sukcesivnim relacionim modelima 4 i 5 vezničkа sredstva semantički obeležena sukcesivnošću dopuštaju slobodniju selekciju aspekatskih značenja nego veznik kad. Model 4: nakon što je boravio u Parizu, boravio je i u drugim evropskim metropolama; nakon što je režirao na filmu, dugo se bavio pozorišnom režijom. Model 5: pre nego što je boravio u Parizu, boravio je i u drugim evropskim metropolama; pre nego što se posvetio romanu, pisao je pripovetke.

4.4. U modelima 4 i 5, tj. sukcesivnim, označava se identifikacija vremena, i to njen orijentacioni tip. Pri tome u sintaksičkim modelima sa semantički obeleženim vezničkim sredstvom može da se izrazi i jezički posebno signalizira i kvantifikacija orijentacije, npr.: Model 4: dva dana nakon što je otputovao, tražila ga je policija. Model 5: dva dana pre nego što je otputovao, tražila ga je policija.

5. Tipovi relativne hronologije 6 i 7 mogu se, po mom mišljenju, smatrati izvedenim i složenim u tom smislu što sadrže dominantna relaciona obeležja i jednog i drugog osnovnog modela, tj. i onog sa značenjem simultanosti i onog sa značenjem sukcesivnosti, - koje smo okarakterisali kao primarne (proste). Podrazumevanje vremenske granice - limitativni faktor - povezuje ove modele sa onima koji služe označavanju sukcesivnosti, a prisustvo pojma perioda kome pripada situacija označena superordiniranom klauzom - približava ove modele onima koji služe označavanju simultanosti. Predočenu složenu semantiku bih objasnila činjenicom da se u limitativnim modelima hronološke relacije reflektuju istovremeno u dva ogledala, i to: i kao odnos prema granici (limitativna komponenta) - i kao odnos prema periodu (lokaciona komponenta). Upravo to i otežava njihovu interpretaciju. Te široke mogućnosti i složene okolnosti manifestovanja hronološkodeterminacionih značenja i njihovih varijacija u limitativnim modelima uslovljene su dobrim delom i aspekatskom distribucijom kao i distribucijom istinosnih modaliteta (afirmacije i negaci-

je) i u jednoj i u drugoj korelativnoj klauzi.

6. U domenu terminativnolimitativnog modela (6) manifestacija odnosa istovremenosti zavisi prvenstveno od aspekatske distribucije, a ostvaruje se u sledećim varijacijama:

6a) Kombinacija terminativnolimitativnog značenja sa relacionim modelom 1: Obe situacije pripadaju istom periodu vremena, a situacija iz TK svojim trajanjem određuje vremenski okvir u koji pada komunikativnorelevantni tok manifestovanja situacije iz SK. Paralelizam manifestovanja, analogno modelu 1, obezbeđuje impf. aspekt obaju korelativnih predikata, npr.: dok sam ja radila, oni su spavali. Ova varijacija, zavisno od komunikativnog cilja, može označavati: 1) orijentacionolokacionu identifikaciju vremena i tada TK odgovara na pitanje: kada? 2) orijentacionolokacionu kvantifikaciju vremena i tada TK odgovara na pitanje: kako dugo? koliko? U ovom slučaju moguće je uvèsti i eksplicitni znak kvantifikacije, npr.: sve dok sam ja radila, oni su spavali.

6b) Kombinacija terminativnolimitativnog značenja sa relacionim modelom 2: Obe situacije pripadaju istom periodu vremena, ali situacija iz SK zauzima samo dio perioda u kome se manifestuje situacija iz TK. To omogućava odgovarajuća aspekatska kombinacija - analogna onoj u modelu 2, tj. impf. glagol u TK a pf. u SK, npr.: dok sam ja spavala, vetar je razbio prozor. U ovakvim slučajevima se radi o lokacionoj identifikaciji vremena uz podrazumevanje limitiranosti perioda sa desne strane. Kao sinonim varijacijama a) i b) modela 6 mogla bi poslužiti složena rečenica u kojoj bi veznik dok bio supstituiran veznikom kad, pri čemu bi značenje istovremenosti ostalo, a značenje limitiranosti otpalo. Time se u varijaciji a) eliminiše i potencijalno značenje kvantifikacije. Tako nije moguća realizacija: sve kad sam ja radila, oni su spavali, ali je moguća primena drukčijeg mehanizma kvantifikacije, npr.: kad sam ja radila, oni su sve vreme spavali.

6c) Kombinacija terminativnolimitativnog značenja sa relacionim modelom 5: Ista kombinacija aspekatskih značenja kao u varijaciji b) modela 6 pri drukčijoj distribuciji po klauzama daje drukčiji semantički efekat, npr.: ja sam spavala dok je (nije) vetar razbio prozor, gde perfektivna (punktualna) situacija iz TK predstavlja samu granicu do koje se manifestuje situacija iz SK (spavati). Prema tome, ovde postoji vremenski dodir situacija, ali vremenskog paralelizma, ni delimičnog, nema - jer situacija iz TK svojom manifestacijom prekida tok situacije iz SK. Sinonimsku vrednost imala bi složena rečenica sa TK koja se uvodi veznièkim kompleksom pre nego što, npr.: ja sam spavala pre nego što je vetar razbio prozor. Razlika je između modela 6c) i njegovog sinonima u tome što sinonim ne ističe limitativnu ulogu situacije iz TK, a sintaksički model sa

veznikom dok - uz pomoć aspekatskog značenja predikata u TK - to čini. Tip hronološke determinacije, u zavisnosti od komunikativnog cilja, u ovom modelu može biti orijentacionolokaciona identifikacija vremena ili kvantifikacija istog tipa, tj. orijentacionolokacionog. Ovo poslednje potvrđuje mogućnost uvođenja eksplicitnog znaka kvantifikacije, npr.: ja sam spavala sve dok je vetar razbio prozor.

6.1. Što se tiče primene perfektivnih glagola u obe korelativne klauze u okviru relacionog modela 6, treba istaći da na njihovo ponašanje znatan uticaj vrše razlike aspekatskih likova (Aktionsarten, sposoby deistvija) i distribucija istinosnih modaliteta (afirmacije i negacije) u korelativnim klauzama. Ulogu aspekatskih likova neka pokažu sledeći paralelni primeri: 1) on je otišao od kuće dok sam ja došla, 2) on je ostao kod kuće dok sam ja došla, gde u oba citirana primera situacija iz TK (moj dolazak) čini desnu granicu perioda kome pripada situacija iz SK (otišao je, ostao je). Međutim, odnos jedne i druge situacije iz SK prema samom periodu nije identičan. Naime, u primeru 1) situacija izražena glagolom otići zauzima samo deo tog perioda, a u primeru 2) - situacija izražena glagolom ostati ispunjava taj period. U oba slučaja radi se o orijentacionolokacionoj identifikaciji vremena, ali u pogledu mogućnosti pred - stavljanja kvantifikacije vremena, ovi slučajevi se razlikuju u tom smislu što primer 1) ne može služiti i kvantifikaciji (upor.: on je otišao sve dok sam ja došla), a primer 2) - sa glagolom ostati - može (upor.: on je ostao kod kuće sve dok sam ja došla). Istovremenost u modelu 6 mogu na poseban način označavati i perfektivni glagoli određenih vidskih likova, npr.: totivni (dok je majka oprala rublje, deca su napisala domaće zadatke; dok je ona preplivala reku, i gonioci su prešli čamcem na drugu obalu); - kombinacija sativni - distributivnototivni (nasunčali smo se dok su ih pozakopavali), itd.

7. Model 7 - ingresivnolimitativni - simetričan je modelu 6, a temporalna klauza u njemu određuje levu (početnu) granicu perioda kome pripada situacija iz superordinirane klauze. Karakteristična vezničke sredstva su adverbi ingresivnolimitativnog značenja: otkad (ot)kako. Varijacije u kojima se ostvaruje ovaj model uglavnom su analogne onima koje su moguće u modelu 6 (terminativnolimitativnom), a zasnivaju se na kombinacijama značenja: ingresivnoograničenog perioda i prostih modela relativne hronologije, i to: 1, 2 i 4.

7a) Kombinacija ingresivnolimitativnog značenja sa relacionim modelom 1. Obe situacije pripadaju istom periodu vremena, a situacija iz TK svojim trajanjem određuje vremenski okvir manifestovanja situacije iz SK. Paralelizam manifestovanja, analogno modelu 1, obezbeđuje imperfektivni aspekt obaju korelativnih predikata, npr.: otkako (otkad) živi na selu, bavi se zemljoradnjom. Ovaj model, zavisno od komunikativnog cilja, može označavati: 1) orijentacionoloka-

cionu identifikaciju vremena i tada odgovara na pitanja: otkad? kad? 2) orijentacionu kvantifikaciju vremena i tada odgovara na pitanja: kako dugo? koliko? U drugom slučaju moguće je uvođenje odgovarajućeg kvantifikatora, npr. sve otkako živi na selu, bavi se zemljoradnjom.

7b) Kombinacija ingresivnolimitativnog značenja sa relacionim modelom 2. Ingresivnolimitirani period predstavlja vremenski okvir za manifestovanje situacije iz SK, npr.: otkad živi na selu, obogatio se. Ostvarivanje određene hronološke relacije omogućava aspekatska distribucija analogna onoj u modelu 2), tj. impf. glagol u TK i pf. u SK. Ova varijacija modela 7 označava orijentacionolokacionu identifikaciju vremena bez mogućnosti označavanja kvantifikacije.

7c) Kombinacija ingresivnolimitativnog značenja s relacionim modelom 4. Ista kombinacija aspekatskih značenja kao u varijaciji 7b) sa drukčijom distribucijom po klauzama daje drukčiji semantički efekat, npr.: otkako se obogatio, živi na selu, gde perfektivna situacija iz TK predstavlja samu granicu od koje se manifestuje situacija iz SK (živi). Vremenski dodir situacija ovde postoji, ali paralelizma nema. Sinonimsku vrednost ima model sa vezničkim kompleksom nakon što, npr.: nakon što se obogatio, živio je na selu. Sinonimska razlika je u tome što kompleks nakon što ne ističe limitativni karakter situacije iz TK.

7.1. U varijaciji 7c, tj. u kombinaciji modela 7 i 4, mogu se u obe korelativne klauze upotrebiti glagoli perfektivnog vida, npr.: otkako se obogatio, izmenio se, gde se osobine modela 4 adekvatnije manifestuju nego u varijaciji sa kombinacijom aspekatskih značenja (7b). Sinonimsku vrednost ima model sa veznikom nakon što, npr.: nakon što se obogatio, izmenio se, u kome se naglašava hronološki sled situacija, a ne limitativna uloga situacije iz SK. U sintaksičkom modelu sa vezničkim kompleksom nakon što obična je i kvantifikacija orijentacije, tj. distancije (razmaka), npr.: ubrzo nakon što se obogatio, on se izmenio. Uvođenjem ovakvog kvantifikatora sintaksičkopozicioni status TK se menja.

8. Pada u oči i činjenica da u semantički složenim modelima (6 i 7) među kombinacijama prostih modela (1-5) sa jednom od limitativnih semantičkih komponenata - u modelu 6 (terminativnolimitativnom) nema kombinacije sa prostim modelom 4, a u modelu 7 (ingresivnolimitativnom) nema kombinacije sa prostim modelom 5. Ovo je sasvim logično jer: situacija iz TK koja čini desnu (završnu) granicu nekog perioda ili procesa (model 6) - ne može biti anteriorna, kao što ni situacija iz TK koja čini levu (početnu) granicu nekog perioda ili procesa (model 7) - ne može biti posteriorna onome što ograničava.

9. O dejstvu negacije u složenoj rečenici sa temporalnom klauzom - u vezi sa temom ovoga rada - treba ukazati na dve pojave, i to:

jednu koja je opšte prirode i jednu koja je u neposrednoj vezi sa aspekatskim značenjem.

9.1. Opšte je pravilo, koje načelno važi za upotrebu negacije u složenoj rečenici sa TK, da se u ovom tipu složene rečenice nikad ne manifestuje opšteodrični tip, nego se radi o delimičnoj (parcijalnoj) negaciji, koja važi samo za vremenski okvir označen pomoću TK. Ova činjenica - u slučaju kad negacija i stvarno važi samo u tom okviru - dopušta dve logički adekvatne a sa stanovišta komunikativne perspektive kazivanja različite jezičke realizacije, npr.: 1a) vetar nije razbio prozor dok sam ja spavala - 1b) vetar je razbio prozor dok ja nisam spavala; 2a) oni nisu otišli pre nego što sam ja došla - 2b) oni su otišli nakon što sam ja došla. Citirani primeri pokazuju da se aktuelni implicitni logički sadržaj može izraziti: 1) pomoću premeštanja negacije, tj. konverzijom istinosnih modaliteta, 2) pomoću ukidanja negacije pri glagolu i uvođenja veznika koji je leksička negacija onoga u osnovnom modelu.

9.2. Što se tiče veze aspekta i negacije, u okviru naše teme najrelevantnija je činjenica da negacija ukida aspekatska ograničenja koja podrazumeva perfektivni aspekt u pogledu mogućnosti temporalne determinacije situacije u superordiniranoj klauzi.

9.2.1. To se vidi već u prostoj nezavisnoj rečenici ako se uporede primeri: 1) ona je došla, 2) ona dugo nije došla, 3) ona dugo nije dolazila, - gde negacija dopušta primenu adverbijalne odredbe za kvantifikaciju trajanja "dugo" (primer 2), koja nije moguća u afirmativnoj rečenici (upor.: ona je dugo došla), a isto tako i primenu iterativnog glagola (primer 3), što, takođe, u afirmativnoj varijanti nije moguće bez bitnije promene smisla. Dakle, prisustvo negacije u prostoj rečenici sa perfektivnim predikatom slabi aspekatsku opoziciju perfektivnost - imperfektivnost, a isto tako i opoziciju jednokratnost - višekratnost.

9.2.2. U složenoj rečenici sa TK najdalekosežnije konsekvence negacija dostiže u limitativnim (6 i 7) relacionim modelima. Naime, negativni istinosni modalitet u SK sa perfektivnim predikatom stvara uslove za dvojaku aspekatsku i hronološkorelacionu interpretaciju složenog iskaza, a, u vezi s tim, i dvojaku predstavu o tipu temporalne determinacije, tj. - kao identifikacije i kao kvantifikacije. Tako su, u zavisnosti od komunikativne perspektive, u složenim iskazima koje ćemo citirati, moguća dva značenja, tj. dva poimanja smisla, i to: Model 6: ja nisam došla dok oni nisu otišli, - a) smisao: ja nisam došla tada, tj. u vremenu do (pre) njihovog odlaska; b) smisao: ja nisam došla (dolazila) tako dugo, tj. sve do njihovog odlaska. Smisao a) odgovara identifikaciji vremena, a misao b) kvantifikaciji vremena. Analogno dejstvo negacija ima i u simetričnom modelu (7), npr.: otkako su oni otišli, ja nisam došla, - i smi-

sao se, takođe, ostvaruje u dve analogne simetrične varijante: a) kao identifikacija (ja nisam tada došla) i b) kao kvantifikacija (ja nisam došla /dolazila/ tako dugo).

10. Celo naše razmatranje o ulozi aspektnih značenja u predstavljanju temporalne determinacije u složenoj rečenici sa temporalnom klauzom - nudi sledeće zaključke:

1) Aspekatska značenja u kombinaciji sa veznikom kad uglavnom regulišu hronološke odnose u složenoj rečenici sa temporalnom klauzom (modeli 1-3) - iako ih ponekad ne preciziraju (model 4).

2) U relacionom modelu 5 - u kombinaciji veznika kad sa perfektivnim glagolima u poziciji predikata korelativnih klauza - neophodno je i prisustvo određene kategorije tempusa (u sferi prošlosti - pluskvamperfekta, a za sferu budućnosti analogan oblik u standardnom jeziku ne postoji) kao dijagnostičkog sredstva relativne hronologije.

3) U kombinaciji sa limitativnim veznicima otkad (otkako), dok - aspekatska značenja u složenim okolnostima, tj. u kombinaciji jednog od primarnih (prostih) modela (1-5) - sa jednom od limitativnih semantičkih komponenata (ingresivnom ili terminativnom), - vrše funkciju analognu onoj koju vrše u primarnim (prosti) modelima (1-5).

4) U kombinaciji sa vezničkim sredstvima obeleženim sukcesivnošću (nakon što, pre nego što) - uticaj aspekatskih značenja na određivanje relativne hronologije znatno slabi.

5) Perfektivni glagoli u izvedenim (složenim), tj. limitativnim modelima (6 i 7), bilo da se radi o nekim određenim vidskim likovima (Aktionsarten) ili o prisustvu negacije - mogu da se u označavanju hronološke determinacije ponašaju kao imperfektivni.

L i t e r a t u r a

1. A.A.Barentsen. Nabljudenija nad funkcionirovaniem sojuza poka. Referat na VIII međunarodnom kongresu slavista/studija priložena kao kongresni materijal/. Zagreb, 1978.
2. D.Grubor. Aspektna značenja. Rad JAZU, 293-295, Zagreb, 1953.
3. M.Ivić. Iz problematike padežnih vremenskih konstrukcija. - Južnoslovenski filolog, XXI/1-4, 1955/56.
4. K.Milošević. Futur II i sinonimski oblici u savremenom srpskohrvatskom književnom jeziku. - Djela ANU BiH 39, Sarajevo, 1970.
5. K.Milošević. Uloga glagolskih oblika u složenoj rečenici sa temporalnom klauzom u savremenom srpskohrvatskom jeziku. - Međunarodni sastanak slavista u Vukove dane 11, izd. Međunarodni slavistički centar Srbije, Beograd, 1981.
6. E.V.Padučeva. O semantike sintaksisa. M., 1974, gl. VI.
7. J.Vuković. Futur drugi i ekvivalentni glagolski oblici po upotrebi u srpskohrvatskom jeziku. - Pitanja književnosti i jezika, knj. IV i V, sv. B, Sarajevo, 1957/58.

KORELÁCIA MEDZI TEMPORÁLNYM VÝZNAMOM SLOVESA A TEXTOM

J. Mistrík, ČSSR

1. V príspevku chceme poukázať na to, že na vyjadrovanie všetkých druhov času sa popri morfologických prostriedkoch slovesa uplatňujú rozličné lexikálno-sémantické, syntakticko-syntagmatické, kontextové i paralingvistické prostriedky. Pôjde hlavne o zdôraznenie závislosti slovesného tvaru na prostredí a situácii v najširšom zmysle slova.

Základným krédom, z ktorého vychádzame, je existencia dvoch primárnych filozofických kategórií času - reálneho a fiktívneho. Popri nich sa uvedomujú relatívne, sekundárne časy. Tieto filozofické kategórie času majú svoje pendanty v jazykovom systéme, známe ako gramatické kategórie času. Analogicky ako pri substantívach odlišujeme reálny rod od gramatického rodu, tak aj pri slovesách výrazne diferencujeme reálny, resp. fiktívny čas od gramatického času.

Reálnym časom je ten, ktorý si uvedomujeme v momente reči. Relatívnym časom k tomuto základnému času je jednak ten, ktorý už uplynul alebo ten, ktorý očakávame, ktorý bude plynúť. Základný reálny čas je prítomný, uplynulý je minulý, očakávaný je budúci čas. Fiktívnym časom je ten, ktorý si metaforicky predstavujeme kdekoľvek v časovom priestore. Fiktívny čas je čas epického alebo dramatického textu. Tento čas si možno preniesť do minulosti, do budúcnosti, ale i do prítomnosti, chápanej veľmi široko.

2. Ktorými prostriedkami sa môže manifestovať čas ako gramatická kategória v jazyku.

Základným výrazovým prostriedkom vo flektívnom jazyku je tvar slovesa. Slovesný tvar je však len jedna graféma, ktorá nie je schopná vyjadriť všetky významy základných a relatívnych ňuansov reálnych a fiktívnych časov. Pozrime prípad, v ktorom je to možné: písal - píše - bude písať /= minulý - priebehový prítomný - budúci/.

Ďalším prostriedkom, ktorý sa uplatňuje pri vyjadrovaní gramatickej kategórie času, je lexikálno-sémantická zložka slovesa, ktorá sa v inventári sém označuje ako vid. Je to sémantický element, pomocou ktorého možno zrušiť hranicu medzi gramatickými kategóriami času. Uveďme príklady typu píše - napíše /podľa gramatickej formy sú obidve slovesá v prítomnom čase, avšak na základe slovesného vidu každé z týchto slovies patrí do iného relatívneho času - prvé je v prítomnom jednoduchom, druhé v budúcom čase/. Slovesný vid je jazýčkom na váhach aj pri rozlišovaní časovej sekvencie vo fiktívnom minulom čase /písal - napísal/ alebo pri diferencovaní gnómického a priebehového času /idem - chodím/.

Pri vyjadrovaní gramatickej kategórie času sú častými výrazovými prostriedkami rozličné lexikálne, syntaktické a hypersyntaktické

prostriedky, ktorými sa tvoria analytické tvary. Ide o tvary, ktorých jedným členom je sloveso v gramatickej podobe a druhým členom je rozvíjajúce slovo, ktoré je nositeľom sémy bližšie determinujúcej príslušný slovesný tvar. Determinujúcim slovom býva adverbiále alebo deiktické slovo. Napríklad adverbiále typu zajtra môže v súčte s tvarom slovesa v prítomnom čase utvoriť analytický tvar relatívneho času. Príklad: dnes máme voľno - zajtra máme voľno. Prítomnosť alebo neprítomnosť bližšie určujúceho aktualizačného adverbiále typu dnes, teraz diferencuje gnómický čas od priebehového aktuálneho času. Príklad: čítam noviny /= gnómický čas/ - teraz čítam noviny /= priebehový čas/. Uveďme ešte príklady na analytické tvary s deiktickou zložkou typu predtým, potom. Jeden a ten istý slovesný tvar determinovaný takýmto výrazom môže fungovať vo fiktívnom čase ako ukazovateľ dvoch časových významov. Napríklad medzi výpoveďami predtým nič nechápal - potom chápal všetko môže byť neobyčajne veľký časový interval. K slovám, ktoré pri slovese bližšie určujú gramatickú kategóriu času, patria aj ďalšie analogické slová, napríklad vlani, hneď, už, zrazu, spočiatku, včas, nakoniec, konečne, minule, nabudúce atď. Adverbiálne determinanty sa evidentne členia na neprenosné /včera, zajtra, vlani .../, vzťahujúce sa iba k reálnemu času a prenosné /hneď, už, včas, vtom, zrazu, najskôr, nato, predtým, potom .../, vzťahujúce sa i k fiktívnemu času.

V širšom kontexte sa časový význam môže determinovať aj slovami, ktoré implikujú časovú sekvenciu dejov, ako napríklad otec - syn, učiteľ - žiak pomenovania dní v týždni, mesiacov, číselné údaje. Napríklad v spojení zatiaľ čo otec orie pluhom, syn orie traktorom vo fiktívnom čase slová otec - syn signalizujú časovú sekvenciu dejov, medzi ktorými je potenciálne veľký časový interval. V uvedenom spojení prvé sloveso môže mať hodnotu aj historického prézenta /Syn orie pluhom/, zatiaľ čo druhé sloveso so zreteľom na agensa bude mať už hodnotu reálneho prítomného času /Otec orie traktorom/. Explikovane: Zatiaľ čo otec oral ešte pluhom, syn dnes už orie traktorom.

Slovesný čas vždy súvisí aj so situáciou, čoho dôsledkom je to, že pomocou rozličných paralingvistických prvkov sa môže jeho podoba daná tvarom premodifikúvať do rôznych ďalších obsahov. Ako príklad uveďme slovesný tvar ideme v sprievode nocionálnej intonácie /ako paralingvistického prostriedku/ na jednej strane a ten istý tvar v sprievode stimulujúcej intonácie /ako paralingvistického prostriedku/ s prípadným pobádacím gestom. V prvom prípade je sloveso v prítomnom čase /ideme/, v druhom prípade ho také isté méme v budúcom čase /explik.: o chvíľu ideme!, zajtra ideme!, o týždeň, o rok ... = pôjdeme/. Nie čistý lingvistický prostriedok je aj sekvencia slovies v tom istom gramatickom tvare. Napríklad v spojení odchádzali

a vracali sa je evidentný časový rozdiel daný nie síce gramatickou formou, ale sémantikou vyplývajúcou zo sekvencie týchto slovies. Pravda, najevidentnejšie je to vo fiktívnom čase, kde sa relatívne časy niekedy nedajú vyjadriť gramatickou formou. Analogickým príkladom by mohli byť aj spojenia triadického typu robíme len, robíme a robíme, ak majú význam robili sme v minulosti, robíme teraz a robiť budeme aj v budúcnosti. Aj keď sa spojenie robíme len, robíme a robíme môže chápať ako gnómické, predsa distribúcia činnosti sa môže interpretovať aj v časovej sekvencii.

3. Ktoré časové údaje o deji sa vyjadrujú v komplementárnosti tvaru slovesa s mimogramatickými prostriedkami.

Na časové zaraďovanie údajov ako základnými v jazykovom systéme sú gramatické tvary slovesa. Paradigmy gramatických tvarov však dávajú len obmedzený počet možností na vyjadrovanie časových údajov o deji. Aby sa sémantika slovesa v texte vystihla čo najpresnejšie, opiera sa paradigmatický systém o mimogramatické prostriedky. Tak vznikajú analytické výrazy, ktorých jednou zložkou je gramatický tvar a druhou sú mimogramatické prostriedky.

Gramatický tvar nestačí napríklad na odlíšenie aktuálneho prítomného deja od deja s neobmedzeným trvaním alebo od zvyčajného deja. Tu sú nevyhnutne potrebné limitujúce výrazy typu časových adverbiálnych určení už, odteraz, každý deň, často atď. Pri reálnych relatívnych dejoch sa ako sekundárny prostriedok uplatňuje vidová séma. Pomocou nej sa sloveso v prézente dostáva do významu futúra. Každý základný fiktívny čas deja sa pochopí iba na pozadí kontextu alebo situácie. Relatívne fiktívne časy na vyjadrenie vzťahov potrebujú alebo sprievodné deiktické údaje typu predtým, potom, odvtedy alebo sémantiku okolitého textu. Sprítomnenie deja v minulosti, ktoré sa v systéme jazyka nazýva historický prézent, sa identifikuje iba na pozadí predchádzajúceho textu, ktorý sa realizuje v préterite alebo antepréterite. Obdobne to platí aj pre fiktívny minulý dej, ktorý sa takmer stal reálnym. Reálne antepréteritum sa okrem toho, že sa vyjadruje náležitým tvarom /príklad: bola videla/, vyjadruje sa aj analyticky súčtom préterita s deiktickými časovými limitátormi typu predtým alebo po ňom nasledujúcim préteritom kombinovaným deiktikom typu potom /príklad: písal a potom hral/. Prítomný priebehový dej, ako i dej s neobmedzeným trvaním sa môže vyjadriť aj tvarom imperatívu, avšak tiež iba v súčinnosti s kontextom /príklad: ona si chodí po svete a ty seď doma/. Kontext a intonácia umožňujú aj opačný postup - že sa totiž indikatív prézenta využije ako imperatív /príklady: ideš sem!; toto sa dokončí ešte dnes!/.

Záver. Paleta reálnych i fiktívnych dejov chápaných v časových súvislostiach je oveľa bohatšia než je systém gramatickým tvarov, ktorými sa môžu základné i relatívne časy vyjadriť. Takto sa potom

temporálny význam slovesa potenciálne vyjadruje iba v texte alebo v situácii analyticky, s pomocou ďalších lingvistických alebo paralingvistických prostriedkov.

ЕДИНИЦЫ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ТЕМПОРАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ "ПЕРИОД" В НЕКОТОРЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Д.С.Станишева, Болгария

0.0. Проблема взаимодействия единиц лексики и грамматики привлекает внимание с нескольких точек зрения: в синтагматическом плане - с точки зрения изучения различных средств языков, выражающих общие универсальные признаки; в парадигматическом плане - с точки зрения изучения единиц, выражающих различия смыслов. Менее всего изученными остаются вопросы диахронической замены грамматических единиц языка лексическими в процессе языкового развития.

Объектом анализа являются единицы языка, выражающие семантический признак 'период' ('продолжительность во времени') в трех славянских языках — русском, болгарском и чешском. В работе не исследуются языковые средства, служащие для выражения времени совершения действия в общем плане — когда действие совершается в какой-то момент или в какие-то отрезки времени указанного срока, ср. рус.: в воскресенье мне позвонили по телефону, днем шел дождь, чеш.: za večerů jsme tančili.

В наши задачи не входит проблема образования производных предлогов в различных славянских языках. По этому вопросу уже существует довольно обширная монографическая литература.

0.1. Теоретические основания темы следующие:

При изучении современных славянских языков в синхронном плане важно установить системные связи разных единиц языка, выражающих тождественные смыслы.

При установлении систем, объединяющих разные знаки языковой структуры, обнаруживаются единицы, унаследованные языком от более ранних этапов развития. При этом важно определить смену систем знаков на разных синхронных срезах.

Исследование славянских языков через изучение единиц разных уровней, выражающих один общий семантический признак, создает объективную основу для их сопоставительного изучения. Именно этот подход позволяет выявить глубокие, но скрытые различия в структуре современных языков и общие или различные тенденции в их развитии.

1.0. Для выражения значения 'период' в изучаемых современных сла-

вянских языках главным образом употребляются так называемые производные предлоги. Они характеризуются сохранением лексического значения входящих в состав предлогов слов и сохранением их грамматических морфем. В русском и болгарском языках пр. в течение, в продолжение, на протяжении, во время и в продължение, в течение, по време представляют сочетание предлога с именем. В чешском пр. během сохраняет морфему творительного падежа. Все они - позднего происхождения. Так, по наблюдениям Е.Т.Черкасовой, сочетания в течение, в продолжение только в конце XIX в. утверждаются как предлоги и становятся нормой литературного русского языка. Пр. на протяжении оформляется еще позднее-в начале XX в. /1/.

Пр. през в болгарском и přes в чешском очевидно общеславянского происхождения. В древнечешском пр. přes активно употреблялся для выражения значения 'период': tu gest přes noc zuostal /2/. Пр. po и o в чешском - наследие позднего праславянского периода; в сочетании с формами вин. падежа они зафиксированы в значении 'период' и в древнейших славянских - болгарских, русских и польских памятниках.

1.1. Системы выражения значения 'период' в трех современных славянских языках не совпадают полностью, хотя во всех языках образовались отыменные предлоги.

В русском языке признак 'период' выражается предлогами в течение, в продолжение, на протяжении, во время. Ср.: в течение двух лет он вел аскетическую жизнь; в продолжение ужина дети шептались и шалили; во время обеда мы узнавали новости. Все эти предлоги употребляются с род.пад. и составляют систему факультативных вариантов. Помимо этого, в русском в том же значении возможно использование форм вин.пад. без предлога. При этом обычно при имени употребляются определения весь или целый, подчеркивающие, что действие происходит на всем протяжении указанного временного отрезка, или ограничительные наречия только, всего, лишь. Ср.: весь день я думал о тебе; всю ночь я не спал; целый год я усиленно занимался; он проучился в институте всего год.

В болгарском языке пр. в продължение, в течение, по време, очевидно, еще сильнее, чем в русском, сохраняют свою лексическую семантику. Доказательством этого является обязательное употребление после указанных предлогов грамматикализованного пр. на, заменившего в болгарском морфемы род.пад.: в продължение на две години той водеше аскетичен живот; в течение на три дни го боля глава; по време на ваканцията той продължаваше занятията; по време на обеда никой не каза нито дума. Системные связи указанных предлогов в болгарском могут быть определены как система комбинаторных вариантов: пр. в продължение, в течение, употребляются при име-

нах, обозначающих определенный отрезок времени: две години, три дни, пет месеца, десет века и т.д. Пр. по време употребляется при именах, выражающих событие: по време на ваканцията, по време на обеда, по време на заседанието, по време на почивката. Использование предлога през не связано с указанными выше ограничениями; он может употребляться и при именах, обозначающих событие, и при именах, обозначающих темпоральный отрезок, однако при этом обязательными являются или связь имени с прилагательными целия, цяла-та, или употребление имени в членной форме. Ср.: през ваканцията той продължаваше занятията; през почивката аз ходих на кино; през целия ден децата се държаха зле; през нощта не можах да спя и др. Эти ограничения следует рассматривать в связи с использованием пр. през в другом темпоральном значении - 'через', где ограничения на синтаксические правила проявляются в употреблении нечленной формы имени: свиря през ден, работя през седмица, почивам на море през година.

В болгарском языке, как и в русском, для выражения признака 'период' возможно употребление и беспредложной формы, грамматически никак не оформленной, но всегда сочетающейся с определением, выраженным прилагательным цял или числительным. Ср.: цяла седмица чета; цели часове той прекарваше в пълно безделие; пет часа тя беше без съзнание и др.

В чешском языке для выражения признака 'период' используются несколько предлогов с разными падежами: během с род. пад., přes с вин. пад., po с вин. пад., o с лок.; а также беспредложный вин. пад. Наиболее выразительным и универсальным средством передачи этого значения является пр během с род., который употребляется без каких-либо ограничений. Ср.: během tří měsíců záchvaty nemoci se opakovaly; během oběda děti mlčely; student napsal svůj referát během týdne; během prázdnin jsme lyžovali.

Для чешского языка характерны факультативные связи разных единиц, выражающих период. Так пр. přes и během употребляются часто в одинаковых лексических условиях, ср.: přes den (během dne) jsem pracoval v továrně; přes noc (během noci) napadl sníh; přes zimu (během zimy) se úplně změnil и т.д.

Условиями, ограничивающими употребление пр. po с вин. пад., является обязательное наличие при существительном определения, выражаемого чаще всего прилагательным celý, подчеркивающим, что действие происходит на протяжении всего указанного периода, напр.: po celý den děti zlobily; po celý rok mlčel; po celé tři dni ho bolela hlava и др. Те же ограничения проявляются и при употреблении беспредложного вин. пад., что обусловливает возможность факультативного употребления этих единиц, ср. в тех же лексических условиях: celý den děti zlobily; celý rok mlčel, celé tři dni ho bolela hlava.

Еще более тесные лексические ограничения характерны для употребления пр. o с лок.: он употребляется в современном чешском языке для выражения приз-

нака 'период' только с несколькими существительными: o vánocích, o velikc nocích, o prázdninách.

2.1. Рассмотренные синтаксические единицы, выражающие значение 'период' в трех славянских языках, очевидно разделяются на новообразованные (все предлоги в русском и болгарском, за исключением болг. през, пр. během в чешском) и единицы, относящиеся к древним славянским средствам. К ним относятся употребляющиеся в современном чешском пр. po и o. Пр. přes также был известен в древнечешском языке, ему соответствовал пр. через с вин. пад. в древнерусском языке. Об этом можно судить на основании данных памятников славянских языков.

Так, в древнеболгарском, по свидетельству К.И.Ходовой, для выражения признака 'период' употреблялись: на с вин. - на многы часы без гласа лежааше; об с вин. - и бѣ об нощь в молитвѣ; до с род. - сице творѣахѫ до седми дьнии и нощтии; по с вин. - по всѣмь дьни сѣдѣахь при вас в цркве. /3/. В древнерусском для выражения значения 'период' активно использовались пр. о, за, через, по с вин. пад. Ср.: Володимерь же гна об нощь в Галичь; об нощь спаше с нами; овогда чресь день, овогда за дьва дни и за три ничто же вкушая; бысть голод чресь зиму; биша ся черезь день вьсь; бишася по четыре дни; по вся недѣли причащение имаше /4/. В древнечешском признак 'период' также мог выражаться рядом предлогов с падежными формами, совпадающих с русскими и болгарскими предлогами: přes, skrz, po с вин. пад., za с род., o с вин. Напр.: tu gest byl přes ten mor /5/; dosáhniž jména slavného pu vše dni života tvého /6/; vmygiu po vsie noci loze me /7/; trpieli žide za časów antiohowých /8/.

Во всех трех языках было возможно употребление беспредложного твор. пад. в том же значении. Ср. в др.-болг.: кдинонѫ нощтию вьсь вѣкь измѣнимъ; и трьми дьны ино нерѫкотворенѫ съзиждѫ /9/; в др.-чеш.: když jest oněmi třmi dny v hrobu ležal /10/.

Материалы древнеболгарского, древнерусского и древнечешского языков позволяют убедиться, что в трех славянских языках на более раннем этапе развития для выражения признака 'период' наряду с другими употреблялся пр. по с вин. пад. Пр. по относится к первообразным славянским предлогам. Его праславянская хронология не вызывает сомнения. В поздний праславянский период пр. по мог сочетаться и с лок., выражая темпоральное значение 'период, после которого совершается действие' /11/. Имея в виду семантическую близость темпоральной характеристики, а с другой стороны — различие признаков: 'период совершения действия'; 'период, по истечении которого совершается действие', можно признать, что падежные морфемы — локатива и вин. пад. в сочетании с пр. по являлись смыслоразличительными, т.е., составляли падежную оппозицию. Эта праславян-

ская оппозиция была унаследована славянскими языками, что подтверждается данными памятников письменности. Др.-болг.: по всѣдни сѣдѣхъ съ вами: по дьвою дьноу пасха бываеть /12/. Др.-рус.: по три дни оувѣщани биша възвратисѧ въ свою пещеру: по трех дьнехъ увѣдавше мати его яко с странными отьиде; жил де преже сего тот его человек лета по два стада пас: по двою лѣтѣх оумре Синеоусь /13/. Др.чеш.: vzadame - ly bydlyty w geho wyecznem domu po wsseczky dny zywota sweho /14/: král po pěti dnech za panem vládařem cestu ku Praze wzal /15/.

Поскольку предлог в первом и во втором члене оппозиции был общим, различие смыслов, следует признать, выражалось только знаковым различием падежных морфем. То есть, это была оппозиция падежных морфем. В русском и болгарском языках оппозитивная связь падежей распалась. Эти же признаки в обоих языках начали выражаться по существу только вновь образованными предлогами, т.к. в русском языке при пр. в течение, в продолжение, во время, на протяжении, с одной стороны, и по истечении, по прошествии, с другой, утвердилось употребление одного и того же падежа - родительного. В болгарском языке падежные морфемы в силу утраты падежной системы отпали, поэтому различные предлоги в течение, в продължение, през: след, и только они, выражают различие темпоральных значений. В чешском следы падежной оппозиции сохранились, ср. po celá léta; po několika letech; po několik dní; po třech dnech. Однако, в современном чешском языке пр. po с вин.пад. употребляется в ограниченных лексических условиях и в устойчивых сочетаниях, поэтому связь падежей является ослабленной, нестабильной. Живым средством выражения признака 'период', т.е. заместителем первого члена оппозиции, является в чешском při během с род.пад.: během neděle; po neděli; během večeře; po večeři; během oběda: po obědě.

2.2. Известен общепринятый тезис, что развитие аналитизма в болгарском языке связано с расширением употребления предлогов. Сравнение синтаксических единиц, служащих для выражения признака 'период' в аналитическом болгарском и в синтетических - русском и чешском в диахронии позволяет сделать вывод скорее о сокращении средств выражения этого значения, и главное - об общем процессе специализации предлогов. Бесспорна тенденция всех трех языков к максимальной лексико-семантической выразительности вновь образованных предлогов. Очевидно, поэтому в русском и болгарском (за исключением пр. през) они заменили собой все ранее использованные синтаксические средства. Впрочем, и в чешском старые предлоги o и po употребляются с большими ограничениями.

Исследованный материал свидетельствует, что в системе синтаксических единиц, выражающих значение 'период', в болгарском языке произошли в принципе те же изменения, что и в русском. Они выразились в том, что в обоих языках была утрачена падежная оппозиция (вин.:лок.) и что развитие новых предлогов сопровождалось переносом сигнификативной, смыслоразличительной функ-

ции с падежных морфем на предлоги. Подчеркнем, что в русском пр. в течение - по истечении и все другие употребляются с одним и тем же падежом - родительным, чем смыслоразличительная роль падежной морфемы на синтаксическом уровне (в отношении выражения признаков 'период' и 'период, после которого совершается действие') нейтрализуется. Следовательно, можно утверждать, что в русском и болгарском языках оппозиция падежных морфем заменилась оппозицией предлогов. Памятники письменности др.-болг. и др.-рус. языков отражают период, когда оба языка использовали разнообразные, еще не установившиеся синтаксические единицы для выражения различия в темпоральных значениях.

3.1. В связи с выяснением специфики болгарского языка как аналитического важно обратить внимание на активное включение в нем лексических единиц - глаголов в систему средств выражения значения 'период'. Эта проблема - проблема отношения глагольного слова к грамматическим (морфологическим и синтаксическим) единицам выражения значений, в сопоставительном плане пока остается неизученной. Между тем, именно в этом отношении современный болгарский язык отличается от русского и чешского.

В лексической системе славянских языков существуют глаголы, которые содержат в своей семантике признак 'период'. В русском языке к их числу относятся: дневать, ночевать, полдничать, вековать, зимовать. Их интерпретация в словарях современного русского языка: дневать –"Проводить где-то день"; ночевать –"Проспать ночь где-л."; полдничать –"Принимать пищу, есть днем в промежутке между обедом и ужином"; вековать – "Проводить жизнь, существовать"; зимовать – "Проводить где-л. зиму"/16/. То есть эти глаголы содержат семантические признаки: 'пребывание' (или 'прием пищи') в определенный период' (выражаемый коренной морфемой глагола). Из этих часто употребляемыми являются: ночевать, зимовать, реже - полдничать. Дневать обычно употребляется фо фразеологизме дневать и ночевать. Вековать отмечен С.И. Ожеговым лишь в составе сочетания век вековать с пометой (устар.)/17/. В чешском языке число таких глаголов еще более ограничено: zimovat, nocovat.

В болгарском языке число глаголов этого типа значительно больше: денувам, нощувам, зимувам, векувам, пладнувам, годинясам, годинясвам, летувам. Различия русского и болгарского языков заключаются не только в самом составе глаголов, но прежде всего в том, что в русском их продуктивность (за исключением зимовать, ночевать) как будто уменьшается. Об этом свидетельствует и факт, что число их в сравнении с древнерусским языком сократилось: ср. употребление гл. лѣтовати в др.-рус. языке: лѣтовати на Дунѣ; пошель лѣтовати /18/. В болгарском наблюдается развитие этих глаголов и их активность как в современном болгарском литературном языке, так и в его диалектах. Напр.: В началото целия си зимен живот прекарваше в тази стая, а после там само денувахме;

Никой не го знаел где нощува и где зимува, защото ходел винаги сам; Както строиш тази къща, като че ли се каниш да векуваш в нея; Няма да векуем да си стискаш толкоз(диал.); Овцете пладнуваха край реката; Ти отиде там и годиняса; Няма да годинясам в това село; Не обичам да летувам на планина; Пастирите летуват със стадата си по тези места и мн. др. Продуктивность и развитие этих глаголов в болгарском языке проявляется и в том, что некоторые из них начали выражать дополнительные семантические признаки: летувам - 'отдыхать'(или 'проводить отпуск'), 'в летний период'; пладнувам - 'отдыхать', 'в период полуденного зноя'.

Развитие тенденции выражения признака 'период' через глагольную лексему проявляется и в другом, характерном для болгарского языка явлении - в развитии и продуктивности глаголов, образованных от имен существительных, выражающих место временного пребывания. В их семантике также присутствует темпоральный признак, который может быть определен семой 'краткий период': лагерувам, станувам, домувам, бивакувам, кунакувам, квартирувам, къмпирам, къмпингувам. Напр.: Ротата обикновено лагерува в Боровец; Бригадирите стануват недалеч от Самоков; Автобусът домува пред къщата на шофьора; Къде ще кунакуваш?; Като ученик той квартируваше при леля си; Край язовира е забранено да се къмпира; Всяко лято къмпингувам на Черно море /разг./. и др. Семантический анализ этих глаголов раскрывает наличие нескольких признаков(ср. лагерувам - 'пребывание', в 'в лагере', 'известный период'), из которых только локальные признаки различаются для разных глаголов. Из перечисленных глаголов только квартирувам находит прямое соответствие в русском языке - квартировать. Однако их семантика, по данным словарей, полностью не совпадает: квартирувам - "Заемам за кратко време квартира"/19/; квартировать -"1. проживать где-н. в квартире (разг. устар.) 2. "располагаться на постое"/20/. Обратим внимание и на образование от некоторых из этих глаголов отглагольных существительных: лагеруване на добитъка в планина, лагеруване на доматите и др.

Глаголы первого типа активно употребляются и в другом славянском языке - сербохорватском: ноћевати, зимовати, давовати, лѣтовати, годиновати, плаидровати. Было бы преждевременным объединить это явление в болгарском и сербохорватском языках. Но имея в виду развитие некоторых признаков аналитизма в сербохорватском, имеет смысл обратить на него внимание, учитывая соотношение синтаксических единиц и единиц лексики.

4.0. Исследованный материал позволяет обратиться к вопросу о признаках аналитизма в болгарском языке. В лингвистической литературе утвердилось мнение, что предлоги явились единственными заместителями утраченных падежных морфем и что это - один из основных признаков аналитизма. Между тем очевидно, что, с одной стороны, падежные оппозиции - выразители смыслоразличитель-

ной функции, были замещены оппозициями предлогов не только в аналитическом болгарском языке, но и в языках синтетического строя. С другой стороны, в болгарском языке получили распространение глаголы, семантические признаки которых включают темпоральное значение. Факт развития лексических единиц(глаголов)и их включения в общую систему с грамматическими средствами выражения значений может быть рассмотрен как подтверждение тезиса об увеличении смыслоразличительной роли лексики в аналитическом болгарском языке.

Литература

I. Е.Т.Черкасова. Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967, 61-67.

2. Staří letopisové čeští od r. 1378-1527. Vyd. Palacký, 1829, 59.

3. К.И.Ходова. Падежи с предлогами в старославянском языке, М., 1971, 134-135.

4. Д.С.Станимова. Винительный падеж в восточнославянских языках, София, 1966, 112, 116, 139.

5. Staří letopisové čeští..., 232.

6. J.Jireček. Staročeské divadelní hry. - Památky SIČ, 3, 1878,64.

7. Žaltář Klementínský, Vyd. Patera. Praha, 1890, 26.

8. Там же, 8

9. М.Бауэрова. Беспредложный творительный в старославянском языке.- Исследования по синтаксису старославянского языка,Прага,1963,290-291.

10.J.Bauer. Historický vývoj češtiny. Praha, 1977, 250.

11. В.Н.Топоров. Локатив в славянских языках. М., 1961, 339.

12. С.Геродес. Старославянские предлоги. - Исследования по синтаксису старославянского языка, Прага, 1963, 333-334.

13. Д.С.Станимова. Указ. соч., 219.

14. T.Štítný. Spisy Tomáše ze Štítného, II-Řeči nedělní a svátební, Praha, 1929, 161.

15. W.Březan. Život Wiléma z Rozenberka. St.-česká bibliotéka, 2, 1847, 147.

16. Словарь русского языка, М., 1957-1961, т. I, 181, 548, 838; т. II, 700; т. III, 351.

17. С.И.Ожегов. Словарь русского языка, под ред. Н.Ю.Шведовой, М., 1977, 68.

18. И.И.Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, С.-Петербург, 1895, т. II, 78.

19. Речник на съвременния български книжовен език, т. I, София, 1955, 596.

20. С.И.Ожегов. Указ. соч., 250

ИЯ-Т.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

Л.Дэжё. Типологические вопросы русской аспектуальности..... 3

А.В.Бондарко. Аспектуальные ситуации..... II

Т.В.Булыгина. Классы предикатов и аспектуальная характеристика высказывания..... 20

M.Komárek. Prefixace v systému slovesného vidu. (K tzv. prosté vidovým prefixům v češtině)..... 40

П.А.Соболева. Опыт упорядочения способов глагольного действия..... 46

М.Я.Гловинская. О соотношении частных видовых значений с главными значениями видов..... 53

К.Иванова. Взаимоотношенията между аспектуалността и партитивността на синтактично равнище..... 60

H.W.Schaller. Verbalaspekt und Textlinguistik in den slavischen Sprachen..... 68

А.Я.Міхневіч. Сродкі размежавання відавых значэнняў у пісьмовым тэксце..... 74

Р.Рухичка. Семантические и синтаксические свойства видового противопоставления деепричастных форм..... 80

Б.Корубин. Глаголскиот вид и интранзитивацијата на транзитивните глаголи..... 85

Раздел II

F.Michałk. K některým pašenjam aspekta, tempusa a kajkosće jednanja..... 89

K.Milošević. Kategorija aspekta i kategorije s njom povezane u označavanju hronološke determinacije u složenoj rečenici sa temporalnom klauzom u srpskohrvatskom jeziku..... 94

J.Mistrík. Korelácia medzi temporálnym významom slovesa a textom... 102

Д.С.Станишева. Единицы лексики и грамматики, выражающие темпоральное значение "период" в некоторых славянских языках..... 105

Издание осуществлено с оригинала, подготовленного к печати Институтом русского языка АН СССР

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ И ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Материалы заседания Комиссии по изучению грамматического строя славянских языков МКС

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Подписано к печати 25.02.83. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл.печ.л. 7,0. Усл.кр.-отт. 7,1. Уч.-изд.л. 7,9
Тираж 600 экз. Тип.зак. 189. Цена 60 к. Заказное
Издательство "Наука", 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., д. 90
Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука", 199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 12

60 коп.